

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Л. Кунгуров, А.Г. Цыро

**ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ**

Учебное пособие

Барнаул
Издательство «Азбука»
2006

**ББК 63.44(2Рос4Алт–6Г)-212я73-1
К911**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Ю.Ф. Кирюшин** (Барнаул)
доктор исторических наук, профессор **М.А. Демин** (Барнаул)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
С.В. Маркин (Новосибирск)

Кунгуров А.Л.

К911 История открытия и изучения палеолита Алтая : учебное пособие / А.Л. Кунгуров, А.Г. Цыро. – Барнаул : Азбука, 2006. – 144 с.

Учебное пособие посвящено систематизации истории открытия палеолитических памятников Алтая и обзору научных разработок по основным аспектам изучения палеолита региона, включающим проблемы датировки, периодизации, культурной принадлежности исследованных памятников и комплексов. Этот материал дополняется отдельными положениями авторских концепций о культурных, технологических и хозяйственных особенностях ранних присваивающих обществ в различных регионах Алтая.

Расчитано на студентов и аспирантов исторических и гуманитарных факультетов вузов Сибири, также может использоваться преподавателями, школьниками и всеми интересующимися древней историей Алтая.

*Издано при финансовой поддержке РГНФ (проект 06-01-60-105а/Т «Древняя и средневековая история Алтая»),
а также в рамках осуществления НИР кафедры археологии, этнографии и источниковедения «Комплексное изучение материальной и духовной культуры древних и традиционных обществ Сибири»*

© Кунгуров А.Л., Цыро А.Г., 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Раздел I. Начальные этапы накопления материалов по палеолиту Алтая. Первые концепции освоения региона человеком	9
1.1. Первые исследования древнейшего прошлого Алтая	9
1.2. Открытие палеолита Алтая	16
1.3. Изучение алтайского палеолита в 30–40 гг. XX в.	22
Раздел II. Результаты поиска и исследования палеолита Алтая в 1950-х – начале 1970-х гг.....	36
2.1. Исследование палеолитических памятников Алтая в 1950–1980 гг.	36
2.2. Работы сотрудников музеев, краеведов и геологов по поиску и изучению палеолита Алтая. Первые обобщения и научные концепции.....	49
Раздел III. Изучение палеолита в 1970–2000-е гг.	63
3.1. Изучение палеолита Алтая сотрудниками Института археологии СО РАН	63
3.2. Открытие и исследование палеолитических памятников археологами Алтайского государственного университета.....	82
Раздел IV. Современный этап изучения палеолита Алтая: открытия, концепции, датировка и периодизация .	100
4.1. Концепции развития домустьерской и мустьерской эпох Алтая	100
4.2. Ранний верхний палеолит	110
4.3. Расцвет верхнепалеолитического времени	113
4.4. Поздний палеолит Алтая.....	116
Библиографический список	126
Список сокращений.....	143

ВВЕДЕНИЕ

Процесс изучения древней истории Алтая насчитывает к настоящему моменту около столетия. Предметы древности всегда привлекали внимание как специалистов, так и простых людей. Во многом благодаря их стараниям были сделаны интересные и важные открытия и находки.

Но, несмотря на столь длительный временной период изучения, специализированных работ по данной теме практически нет, за исключением нескольких статей, вышедших в 80-е гг. XX в. Необходимо также отметить, что целостной и проработанной периодизации истории изучения палеолита Алтая в настоящее время не выработано. Нужно сказать, что предложенная нами периодизация в целом имеет незначительные расхождения с обнаруженными в литературе периодизациями археологического изучения Сибири в целом, частью которой является и обозначенный регион (Пряхин А.Д., 1982, 1983; Мартынов А.И., 1983). При этом нужно учесть тот факт, что данные периодизации в большинстве своем были выработаны в советское время, что наложило на них соответствующие штампы.

Большинство исследователей, так или иначе обращающихся к истории изучения каменного века на Алтае, традиционно выделяют в ней три периода, каждый из которых в свою очередь делится еще на несколько самостоятельных этапов.

I период: 2-я половина XIX в. – 1-я половина XX в.

1 этап: 2-я половина XIX в.

2 этап: начало XX в. – 1941 г.

3 этап: 1945–1960 гг.

II период: 1960–1970-е гг.

III период: 80–90-е гг. XX в.

1 этап: 1980-е гг.

2 этап: 1990-е гг.

Необходимо подчеркнуть, что со 2-й половины XIX в. начинается первый этап именно профессионального изучения древней истории нашего региона. Однако еще до начала этого периода интерес к алтайским древностям неоспорим и связан он прежде всего с именами известных исследователей сибирских древностей, среди них доктор Даниил Готтлиб Мессершмидт (1685–1735) и его ближайший помощник Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг

(1676–1747), старший горный мастер Колывано-Воскресенских заводов Иван Иванович Лейбе (1724–1782), академик Петр Симон Паллас (1741–1811), управляющий Змеиногорским краем горный инженер Александр Иванович Кулибин (1798–1837), русский геолог Григорий Петрович Гельмерсен (1803–1885), академик Федор Федорович Брандт (1802–1879) и историк граф Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884). Именно ими были сделаны первые находки плейстоценовой фауны в пещерах Юго-Западного Алтая, что в дальнейшем послужило поводом для более детального изучения данных объектов и, как следствие, открытия в некоторых из этих пещер палеолитических стоянок.

В начале XX в. начинается второй этап первого периода в истории изучения алтайского палеолита. Благодаря стараниям и энтузиазму местных исследователей Михаила Диановича Копытова (1869 – после 1932), Сергея Михайловича Сергеева (1879–1947), Александра Павловича Маркова (1904–1976) были сделаны открытия, которые привлекли внимание специалистов-археологов к нашему региону. Именно обнаруженные ими находки подтолкнули центральные научные учреждения страны организовать экспедицию на Алтай под руководством Георгия Петровича Сосновского (1899–1941). В результате работ, проведенных данной экспедицией, на протяжении нескольких лет были открыты первые памятники палеолитического времени на Алтае, признанные широким кругом специалистов, проведены разведочные работы, в результате которых собраны коллекции каменных изделий, датированных палеолитом, и предприняты первые попытки интерпретировать эти находки. Данный этап завершается с началом Великой Отечественной войны. Его основным итогом следует считать начало интерпретации и публикации накопленного к этому времени материала, а также превращение Алтая в новый перспективный для археологического изучения регион.

Великая Отечественная война прервала археологические исследования на Алтае. Но уже с 50-х гг. XX в. начинается третий этап первого периода в истории изучения алтайского древнекаменного века. В это время на Алтае начинает свои работы Горно-Алтайская археологическая экспедиция под руководством Сергея Ивановича Руденко (1885–1966). В Центральном Алтае один из отрядов данной экспедиции в 1954 г. открыл и исследовал палеолитическую стоянку в Усть-Канской пещере по правобережью Верх-

него Чарыша. Тогда же этой экспедицией проводились раскопки курганов на Туэктинском участке долины р. Урсула (левый приток Катуня), где также были обнаружены архаичные каменные орудия, относящиеся к каменному веку. Открытие Усть-Канской палеолитической стоянки значительно расширило представления археологов о каменном веке на Алтае и отодвинуло его нижнюю границу на несколько тысячелетий в глубь веков.

Среди местных исследователей на данном этапе необходимо прежде всего отметить краеведа Бориса Хатмиевича Кадикова, которым в конце 1950-х – 1-й половине 1960-х гг. в результате интенсивных разведочных работ был открыт ряд палеолитических стоянок и местонахождений.

В целом первый период в истории изучения палеолита Алтая характеризуется как время первоначального накопления фактического материала. В это же время появляются первые публикации и попытки интерпретации обнаруженных находок, а Алтай превращается в регион, дополнивший археологическую карту Сибири.

Второй период изучения палеолита Алтая связан с именем Алексея Павловича Окладникова (1908–1981), одного из крупнейших советских исследователей азиатских древностей. Начало его работы на Алтае связано с открытием палеолитического местонахождения на реке Улалинка. Уникальный материал с этого памятника долгое время оставался и продолжает оставаться предметом споров и дискуссий ученых различных областей науки. Под руководством А.П. Окладникова проводились археологические раскопки в долине Катуня. Кроме исследований на памятниках открытого типа, он руководил работами по изучению палеолитических стоянок в пещерах Страшная и Денисова. В этих экспедициях также принимали участие геологи и палеонтологи.

В 60-е гг. XX в. десятки палеолитических местонахождений были открыты и обследованы геологами Западно-Сибирского геологического управления.

В 1976–1977 гг. в долинах Бии и Катуня, верхнем течении Оби и низовьях Чарыша бийский археолог Борис Иванович Лапшин (1947–1980) провел разведочные работы и открыл свыше 10 палеолитических и мезолитических памятников.

Благодаря поисковым работам новосибирского археолога Владимира Дмитриевича Кубарева были получены первые сведения о палеолите высокогорной зоны Алтая.

Таким образом, к началу 80-х гг. XX в. период накопления археологического материала закончился. Материалы, полученные на протяжении второго периода исследования, значительно увеличили источниковедческую базу алтайского палеолита. К началу 80-х гг. XX в. выявлена широкая сеть палеолитических объектов, охватившая примерно половину территории Алтая. Вместе с тем многие районы оставались не обследованными и в том числе почти весь высокогорный юг региона. Полевая изученность большинства памятников оставалась предварительной, что значительно снижало на тот момент уровень культурно-хронологической интерпретации полученных данных и ограничивало возможность проведения внутри- и межрегиональных корреляций.

Интересно, что при наличии обширной источниковой базы в этот период не было опубликовано ни одной обобщающей работы, кроме статьи А.П. Окладникова, посвященной концу палеолитического времени, а также нескольких статей Б.И. Лапшина, в которых он изложил ряд своих гипотез об эволюции палеолитических культур на Алтае в сторону микролитизации орудий и появления признаков мезолита. Вместе с тем в это время в различных научных изданиях выходит множество статей, посвященных исследованию отдельных памятников.

С 1980-х гг. начинается качественно новый период в изучении палеолита Алтая. Так, с этого времени новосибирские археологи приступают к планомерному изучению палеолита Горного Алтая. Прежде всего ими изучались пещеры Денисова, Каминная и Сибирячиха, стоянки верхнепалеолитического времени – Кара-бом, Ануй-1, Усть-Каракол, а также высокогорные памятники Чуйской котловины.

Примерно с этого времени начинают складываться региональные центры изучения древней истории Алтая.

Несколько ранее, с 1978 г., в центральной части Алтая под руководством М.В. Шунькова, впоследствии сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН, начинает работать палеолитический отряд Томского университета. Им исследовались три мустьерских местонахождения на Тюмечинском археологическом комплексе в долине реки Урсул (левый приток Катуня). Первые же палеолитические находки были обнаружены здесь раньше, в 1976 г., барнаульским археологом Владимиром Александровичем Посредниковым.

К исследованию археологического прошлого Алтая приступают сотрудники Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы.

После приезда в 1977 г. в Барнаул Юрия Федоровича Кирюшина начинает формироваться научная школа изучения каменного века в Алтайском государственном университете. Экспедиция под его руководством провела крупномасштабные полевые работы, в ходе которых были открыты целые комплексы палеолитических стоянок в Горной Шории, на р. Чумыше, в среднем течении Катуня и на высокогорных долинах Алтая.

Идея строительства Катунской ГЭС стала завершением первого этапа третьего периода изучения палеолита. В зоне планируемого затопления были проведены обширные работы по выявлению новых и документации уже известных археологических объектов. Таким образом, к рубежу 80–90-х гг. прошлого столетия в распоряжении ученых оказался огромный фактический материал, требующий осмысления и интерпретации.

С начала 1990-х гг. начинается современный этап изучения древней истории Алтая. В настоящее время перед исследователями стоит главная задача – анализ полученных данных, который позволил бы структурировать накопленный материал и создать наиболее целостную картину древнекаменного века на территории Алтая.

Раздел I

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ НАКОПЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПО ПАЛЕОЛИТУ АЛТАЯ. ПЕРВЫЕ КОНЦЕПЦИИ РАННЕГО ОСВОЕНИЯ РЕГИОНА ЧЕЛОВЕКОМ

1.1. Первые исследования древнейшего прошлого Алтая

Территория, на которой складывалось наше государство, насыщена археологическими памятниками. Поэтому археологические находки всегда привлекали внимание людей, вызывая потребность объяснить происхождение этих необычных вещей. Попытки таких объяснений сегодня мы можем найти в народном фольклоре. Согласно описываемым во многих произведениях XIX в. поверьям, «громовые стрелы», так называли в народе каменные наконечники, считались результатом удара молнии в землю и пользовались как целебные средства, амулеты, обереги. О «громовых стрелах» упоминают и письменные источники – «Кормчая книга», «Домострой», «Луцидариус».

Привлекает внимание также интерпретация находок мамонтовой фауны. Интерес к ней носил иной характер. Часто кости мамонта приписывались «волотам». «Волотами» на Руси называли великанов, рассказы о которых были широко распространены. С.Н. Замятнин опубликовал грамоту 1684 г., вызванную сообщением о находке гигантских костей в Воронежском крае. Находчик думал, что это кости «волота». В царском указе курскому воеводе предписывалось «ноги откопать, а, откопав, кости измерить, какова которая кость мерой в длину и толщину и написать на роспись и на чертеж начертить». Уже сам факт появления такой инструкции говорит о зарождении научной любознательности, хотя грабительское отношение к археологическим памятникам сохранялось на протяжении еще не одного десятилетия.

Ситуация изменилась в XVIII в. после издания ряда указов Петром I, в которых впервые свидетельства прошлого были объявлены ценностью, подлежащей хранению в музее. Эти указы положили начало научному подходу к русским древностям.

В 1720 г. в Сибирь была организована академическая экспедиция под руководством доктора Даниила Готлиба Мессершмидта, действовавшая до 1727 г. Он и его ближайший помощник Филипп Иоганн фон Страленберг собирали как естественно-научные дан-

ные, так и сведения о сибирских народах, их быте, языках, о памятниках древности и других «достопримечательностях» края. Д.Г. Мессершмидт первым из ученых обратил внимание на археологические памятники предальтайских степей. В 1721 г., проезжая через Барабу, он скупал в коллекцию вещи из древних захоронений и отмечал в своем дневнике, что немалую часть доходов местных жителей составляют раскопки «языческих или скифских курганов», где они, помимо «...медных или латунных, а также железных вещей, находят много золота и серебра, золотые или серебряные уздечки, военные доспехи, изображения богов и другие предметы» (Шуныков М.В., 1987, с. 10).

Во время экспедиции Д.Г. Мессершмидта основная часть территории Алтая находилась в составе Джунгарского ханства. Целеустремленное экономическое, хозяйственное и культурное освоение алтайских земель начинается со 2-й половины XVIII в., когда они были включены в состав Российского государства. С переходом алтайских промышленных предприятий А. Демидова в ведение царского Кабинета начинается научное изучение Алтая. Необходимо заметить, что освоение рудных богатств региона во многом опиралось на археологические данные, так как значительная часть месторождений была обнаружена по остаткам древних разработок, которые получили название «чудские копи».

Первым прямым свидетельством об археологических находках на Алтае считается рукопись «Историографическое описание, лежащего в Алтайских горах во первых Змеевского, также и около него посторонним рудникам... Сочинено ... Иваном Лейбе 1764 года», опубликованная Г.И. Спасским в 1833 г. Эта записка составлена специально для «Российской минералогии» М.В. Ломоносова. В ней старший горный мастер Колывано-Воскресенских заводов Иван Иванович Лейбе, кроме сведений о Змеиногорском руднике и других месторождениях, дает описания руд и минералов, указывает на «чудские» работы на Змеевой горе, сохранившиеся в виде древних шахт и шурфов, которые «проходились в основном по слабым обохренным рудам и при этом применялись медные литые инструменты и каменные молоты» (Спасский Г.И., 1833).

И.И. Лейбе первым проявил научный интерес и к алтайской плейстоценовой фауне. Весной 1767 г. по дороге от Змеиногорского рудника к Локтевскому заводу в обнажении западного берега Алея он обследовал местонахождение мамонтовой фауны.

И.И. Лейбе подробно описал остеологический материал и его стратиграфическое положение. Спустя четыре года этот материал осмотрел Петр Симон Паллас (1741–1811) во время своего пребывания на Алтае. П.С. Паллас положил начало изучению алтайского карста, путешествуя по отрогам Тигирекского хребта.

В вышедшей в 1786 г. книге «Путешествия по разным местам Российского государства» содержатся первые сведения по геологии, палеонтологии, археологии и антропологии пещер бассейна среднего течения Чарыша.

В XIX в. исследования Палласа продолжили известный натуралист Фридрих Вильгельм Геблер (1782–1850), служивший инспектором медицинской части Алтайского горного округа, и горный инженер Александр Иванович Кулибин (1798–1837) – управляющий Змеиногорским краем. В 1831 г. при поездке на Чагырский прииск они осмотрели две пещеры на правом берегу Чарыша. В этих пещерах местные жители вели кладоискательные раскопки, в результате которых одна из пещер уже была полностью очищена от рыхлых отложений, но во второй удалось собрать богатую коллекцию костей ископаемых животных (Вистингаузен В.К., 1982). После чарышских пещер А.И. Кулибин обследовал пещеры по правобережью Ханхары (в 12 верстах от впадения в р. Иню) и провел там фаунистические сборы. По итогам своих осмотров А.И. Кулибин опубликовал две статьи в Горном журнале, однако одна из них по неясным нам причинам вышла анонимно. Важно то, что в одной из статей автор, помимо подробного описания самих пещер, ставит вопрос о том, как обнаруженные им кости животных попали в пещеры. Однако каких-либо предположений он не высказал, хотя и отметил, что такие возникают сами собой при посещении пещер и ответы на них предстоит найти будущим исследователям.

Собранные исследователями материалы были доставлены в Московское общество испытателей природы и музей Горного института, где среди них были определены кости носорога, лошади, оленя, быка, ламы, тигра, гиены, бизона, пещерного медведя, волка, собаки, а также грызунов и птиц (Розен М.Ф., 1996).

В 1834 г. Чагырские пещеры посетил Григорий Петрович Гельмерсен (1803–1885), выдающийся русский геолог. Он дал описание этих пещер и определил найденные здесь кости, среди которых были обнаружены и вымершие формы – *Rhinoceros*, *Equus*, *hyaena*, *Ursus*. В 1871 г. материалы по ископаемой фауне северо-

запада Алтая обобщил академик Федор Федорович Брандт (1802–1879). Разная степень сохранности и внешняя неоднородность костей позволили ему расчленить хронологически 37 определенных к тому времени видов и пять из них отнести к плейстоценовым.

Позже известный русский археолог Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884) взял выводы Ф.Ф. Брандта за основу, когда в 1881 г., критически осмыслив данные по алтайской спелеофауне, первым дал их историческую интерпретацию. Во 2-й половине XIX в. имя А.С. Уварова – председателя Московского археологического общества, почетного члена Академии наук – пользовалось большим уважением и известностью. Сын министра народного просвещения и президента Академии наук графа С.С. Уварова, прекрасно образованный, имел реальную возможность сделать карьеру на дипломатическом поприще, однако он рано увлекся археологией и уже в 1848 г. начал свои первые раскопки. Научные труды Уварова охватывают все разделы археологии. Первая его книга «Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря», посвященная античным городам, вышла в двух томах в 1851 г. в Санкт-Петербурге. Средневековым могильникам была посвящена монография «Мирыне и их быт по курганным раскопкам», вышедшая в 1872 г. в Москве. «Археология России. Каменный период» – его последняя и самая большая книга.

Первый том состоит из 440 страниц, на которых А.С. Уваров делает попытку, с одной стороны, обобщить накопленный материал, с другой – дать ему свою, авторскую интерпретацию. В первых четырех вводных главах им были рассмотрены народные представления о «громовых стрелах», намечены основные этапы в истории изучения каменного века в России. Уже во второй главе автор выдвигает очень важное исходное положение о том, что каменный век – это закономерный этап в развитии культуры, он был повсеместно, хотя орудия в ту пору изготавливали не только из камня, но из дерева, кости, рога. Признает Уваров и то обстоятельство, что в разных районах эта эпоха окончилась в разное время. Важно и его замечание о том, что определять возраст любого древнего поселения надо по найденным там наиболее поздним типам изделий, так как после появления полированных изделий оббитые не исчезли. Четвертая глава книги посвящена расселению людей по Земле из места их возникновения. Ссылаясь на мнения ряда авторитетов, предания многих народов и представления биологов о миграциях

четвертичных животных, Уваров ищет прародину человека в Азии. Современная же наука считает прародиной древнейших людей Африку, откуда они проникли в Европу и в южную часть Азиатского материка. Ошибочность выводов Уварова, вероятно, связана с тем, что собранные им сведения о каменном веке в основном касаются неолитического времени и осветить вопрос о первоначальном расселении человека не могут. Пятая глава содержит обзор всех накопленных к 1880 г. сведений об эпохе палеолита в России. В шестой главе приведен список местонахождений костей крупных млекопитающих в России, составленный А.С. Уваровым совместно с хранителем Зоологического музея Академии наук Соломоном Марковичем Герценштейном (1854–1894). Здесь он высказывает предположение о том, что некоторые палеонтологические находки связаны с палеолитическими стойбищами. Особенно важны суммированные им сведения о костеносных пещерах по рекам Чарышу и Ханхаре на Алтае, помещенные в девятую главу. В ней он рассматривает вопрос о жилище первобытного человека и отмечает, что эти пещеры идентичны европейским, в частности французским. Подробно изучив описания пещер, включавшие происхождение и строение, сделанные в разное время П.С. Палласом и А.И. Кулибиным, А.С. Уваров приходит к выводу, что эти пещеры вполне могли служить жилищем для первобытного человека: «...эти пещеры не могут быть причислены к звериным, так как кости найденных здесь хищников не преобладают над остатками других животных, и, по описанию Брандта, количество их свидетельствует о весьма незначительном числе отдельных экземпляров». Например, от медведя найдены кости одного старого и одного молодого, от пещерного льва – одна нижняя челюсть и кости от передних лап, которые Брандтом не признаются за останки пещерного льва (Уваров А.С., 1881, с. 194–197).

Таким образом, А.С. Уваров приходит к выводу, что костеносные пещеры Алтая не были постоянно обитаемы теми животными, кости которых здесь обнаружены. Вернее будет предположить, что кости этих хищников, как и кости мамонта, носорога и других животных, никогда не живших в пещерах, занесены туда человеком. Взяв эти рассуждения за основу, А.С. Уваров высказал догадку, что собранные здесь коллекции костей не что иное, как кухонные отбросы первобытного человека. На это указывает и тот факт, что все найденные кости были разбиты и целых останков не

найдено. Кроме того, еще П.С. Паллас отмечал, что только одна из пещер показалась ему очень холодной по сравнению с остальными. Значит, и температура не могла быть препятствием для жизни в них человека. В заключение автор призывает будущих исследователей при проведении раскопок еще не опустошенных пещер обращать внимание на камни и кремни, среди которых, вероятнее всего, они смогут обнаружить орудия древних обитателей. Как оказалось, А.С. Уваров не ошибся: в 1954 г. С. И. Руденко обнаружил в Усть-Канской пещере на Чарыше палеолитический культурный слой.

«Уваровский» список местонахождений не потерял своего значения до сих пор. Просмотреть этот список было бы полезно и сегодняшним археологам, так как он позволяет получить представление о материалах, собранных за первые полтора столетия развития русской науки. Особенно это важно потому, что сами находки, как правило, утрачены, а упоминания о них рассеяны по многим редким и малоизвестным изданиям.

Как оценить работу А.С. Уварова? С уверенностью можно сказать, что, это, пожалуй, одна из первых публикаций, где было представлено не только описание алтайских находок, но и высказано предположение об их происхождении. С одной стороны, автору не удалась попытка дать исторический очерк каменного века России. Но это вполне объяснимо тем, что слишком мало было еще раскопано стоянок, а материалы, полученные с них, были разрознены и недостаточно документированы. А с другой – книга представляет собой сводку, подводящую итог проделанной работе за период 1860–1880-е гг., заслуживает самой высокой оценки. Важно и то, что А.С. Уваров подошел к проблеме каменного века как историк, наметив новое и перспективное направление в разработке этого круга тем.

Таким образом, уже для этого времени очевиден интерес исследователей к алтайским древностям. Во многом благодаря их работам было положено начало изучению древней истории Алтая.

8 июля 1861 г. в Барнаул прибыла экспедиция в составе Луи д'Эйхталя, Мари Луи Гюстава Менье и Оскара Неймана (Бородаев В.Б., 1996, с. 18–21; Тишкина Т.В., 2000, с. 183–184; Рафиенко Л.С., 2000). Экспедиция была собрана на частные средства барона Луи д'Эйхталя (1804–1860) – публициста, сына парижского банкира. Доктор Г. Менье должен был осуществлять во время пу-

тешества археологические и геологические исследования. В качестве переводчика барон взял с собой Оскара Неймана - прусского артиллерийского офицера. Целью французской научной экспедиции было исследование Азии, особое внимание уделялось Сибири. Во Франции, в Академии наук, по просьбе Г. Менье и Луи д'Эйхтала создали комиссию, которая разрабатывала инструкции для этого научного мероприятия. В России исследователям значительную помощь оказали такие влиятельные лица, как министр иностранных дел граф Толстой и председатель Кабинета Его Императорского Величества барон П.К. Мейендорф. Последний попросил о содействии начальника Алтайских заводов А.Е. Фрезе.

За три месяца, с июля по сентябрь, французская экспедиция посетила Змеиногорск и окрестные рудники, Тигирецкий рудут, осуществила археологические раскопки в пещерах долины р. Ини (Большая и Малая Ханхаринские), побывала на Колыванской шлифовальной фабрике, в Чарышском форпосте, в Бийске. Во время этого путешествия проводились геологические исследования, метеорологические наблюдения, была собрана зоологическая коллекция.

Существует мнение о том, что «Менье и Луи д'Эйхталь первые из исследователей Алтая имели Открытый лист – специальное разрешение на проведение археологических изысканий» (Энциклопедия Алтайского края, 1996, с. 224), однако это не так. Знакомство с текстом «Открытого листа» показало то, что это рукописное разрешение администрации Горного округа на посещение определенных районов Алтая с рекомендованным маршрутом и предписанием местным чиновникам оказывать поддержку исследователям.

Открытый лист

Предъявителю сего французскому подданному г. Барону Эйхталю и Доктору Менье, отправляющимся с ученой целью в Алтайский округ, разрешается проехать из г. Барнаула в Змеиногорск, Колыванскую шлифовальную фабрику и обратно через Плоское и Тигерекское селения на речку Ханхару, где допустить их к осмотру береговых пещер и раскапывать их, оттуда обратно в Тигерекское селение, далее через Антоньевский форпост, Ануйскую и Смоленскую деревни в Бийск, оттуда до Улалы и обратно через г. Бийск в г. Барнаул. Вследствие чего предписывается властям

дозволить им по вышеописанному тракту беспрепятственный пропуск и в случае надобности оказывать содействие.

Дан в Барнауле июля 8 1861 года.

Губ. и Глав. начал. Алтайских Гор. заводов

Подпись

Менье, пытаясь добиться разрешения на дальнейшие исследования на Алтае и в Киргизской степи, поехал в Томск. Возвращаясь из Томска в Барнаул, он серьезно заболел. 12 марта 1862 г. Гюстав Менье скончался «вследствие постигшей его болезни острого повсеместного ревматизма» (Бородаев В.Б., 1996, с. 19). Его похоронили на Нагорном кладбище Барнаула. В связи со смертью исследователя его материалы и размышления об особенностях и характере Большой и Малой Ханхаринских пещер остались неизвестны специалистам.

1.2. Открытие палеолита Алтая

В 1918 г. в Бийске открылся Алтайский народный университет, при котором существовал небольшой естественно-исторический кабинет. Основой экспозиции этого кабинета являлись находки **Михаила Диановича Копытова** – энтузиаста-краеведа, археолога-любителя, первооткрывателя палеолита Алтая. В дальнейшем коллекции М.Д. Копытова становятся основой археологического отдела созданного в 1920 г. Бийского советского народного музея, а сам Михаил Дианович становится научным сотрудником музея и работает там до 1931 г. До 1920 г. М.Д. Копытов жил в с. Фоминском и занимал должность сельского писаря. Увлечение археологией у него началось в начале XX в., в связи с находками в осыпях обского берега около села древних предметов. В ряде работ приводились описания М.Д. Копытовым этих находок, на мой взгляд, стоит их привести еще раз. Все описания взяты из рукописи М.Д. Копытова, хранящейся в архиве Бийского музея. В 1908 г. бакенщиком на Оби, примерно в 2 км ниже с. Фоминского, по течению, после обвала берега, был найден плот из бревен диаметром 5–10 см с обожженными концами. Бревна были связаны между собой таловыми прутьями. Спустя год М.Д. Копытов обследовал место находки. Над плотом залегал 10-метровый слой аллювия. Считая находку очень древней, М.Д. Копытов обратился к властям

г. Бийска с просьбой оказать ему помощь в раскопках плота, однако «кроме насмешек никакой помощи не получал». После этого М.Д. Копытов попытался сам раскопать находку, но случился обвал берега, окончательно ее разрушивший. Естественно, плот не являлся достаточно древней находкой, так как в условиях аллювиальных отложений боровых террас дерево сохраняется плохо. Скорее всего, рекой эта находка была «замыта» в обрыв и затем вновь обнажена. Но, с другой стороны, древнее дерево, датированное радиоуглеродным методом, неоднократно встречалось в обрывах Оби и Бии.

В 1911 г. крестьянином с. Фоминского при копании колодца на глубине 6,5 м в аллювии был обнаружен очаг, также обследованный М.Д. Копытовым. По его словам, почва под очагом сильно прокалена из-за длительного воздействия огня. Копытов искренне верил, что его находки относятся к «делювиальному периоду» и датируются ранним палеолитом. Как подтверждения своим наблюдениям в рукописи он приводит и ряд других открытий. В 1912 г. в 20 км от Бийска, к юго-западу, на высокой («Бийской») древнечетвертичной террасе в 5 км от русла Оби М.Д. Копытов нашел стоянку каменного века. В пашне он собрал пять кремневых наконечников стрел лавролистной формы, восемь ножевидных пластин и отщепы. На основании удаленности памятника от современного русла и, как казалось краеведу, грубости изделий он отнес находки к палеолиту. Сейчас нам ясно и по высокому уровню залегания изделий (так как они найдены на пашне), и по присутствию наконечников стрел, что найденный М.Д. Копытовым комплекс предметов относится к концу каменного века – началу эпохи металла. Летом 1912 г. в районе Фоминского на оконечности «Бийской» террасы в 400 м от Оби М.Д. Копытов нашел настоящую палеолитическую стоянку, сейчас известную как «Фоминская». Материал с нее представлен следующими предметами: «1 кремневый оббивной работы клинок очень изящной работы, 6 кремневых наконечников стрел закругленной клинообразной формы и 2 орудия из продолговатых гольшей с заостренными одними концами очень грубой работы». Позднее М.Д. Копытов не раз посещал памятник и собирал в разрушениях каменные изделия. Он сравнивал свои находки с палеолитическими изделиями Европы и датировал их шелльской, мустьерской и солютрейской эпохами. Часть предметов в 1914 г.

М.Д. Копытов отослал в Нью-Йоркский естественно-исторический музей, а в 1928 г. в Америке они были опубликованы. В эти же годы Копытов провел сборы каменных орудий в устье Иткуля (с. Савиново): небольшой топорovidный бифас, наконечник стрелы, пластина с ретушью, скребок, отщеп крупных размеров (колл. А/811). Памятник, ныне утраченный, как и предыдущие, но имеющий хорошую привязку к устью реки, вошел в сводку палеолитических памятников Н.А. Береговой. Справедливости ради следует отметить два момента. Во-первых, материал с устья Иткуля выглядит довольно поздним (наконечник стрелы, техника обработки пластины и скребка находят аналогии в поселениях раннего металла, прежде всего на поселении Комарово-I, расположенном в нескольких десятках километров выше устья Иткуля на его правом берегу). Во-вторых, Иткуль впадает не в Обь, как указывает Н.А. Береговая, а в Чемровка в районе с. Савиново. Этот памятник М.Д. Копытов обнаружил во время поездки в с. Соколовское (Соколово) для обследования места, где в 1906 г. рабочими при рытье ям был найден человеческий череп.

Менее известны в литературе открытые в районе Фоминского М.Д. Копытовым поселения и могильники эпохи неолита, энеолита и бронзового века, которые он считал также палеолитическими, на основании встречающихся там каменных изделий.

В 1910 г. в с. Фоминском М.Д. Копытов собрал с «неолитической мастерской» до 100 наконечников стрел, 10 топоров, 5 ножей, «56 других различных домашних предметов».

«В 1917 г. на правом берегу реки Оби, в трех верстах от села Фоминского, около кордона №9 Бийского лесничества, на 60 футов выше уровня Оби на глубине 2 аршин в древнеречном аллювиальном отложении мною был обнаружен скелет женщины. Костяк лежал на левом боку головой к востоку, левая рука была подложена под голову и в нее был вложен кремневый оббивной нож, а под головой находились кремневые острые пластинки неопределенной формы. Кроме этих вещей, при ней найден пояс из круглых перламутровых пластинок и ожерелье из речных раковин». Позднее в этом же месте М.Д. Копытовым раскопано еще три захоронения, ориентированные головой на восток. Скелеты лежали также на левом боку, а сопровождали их кремневые изделия, в том числе ножи. В 1918 г. четыре человеческих черепа из указанного могильни-

ка, найденные при них украшения и орудия М.Д. Копытов передал в музей Томского университета.

В 1917 г. около кордона № 9 Бийского лесничества (на том же могильнике?) «близ неолитических землянок» при распашке найден скелет человека, который был «задет сохой», так как залегал неглубоко. С погребенным, находящимся, по словам М.Д. Копытова, «в распластанном состоянии» (?), найден полированный топор и кремневая игла. Там же при обвале берега у с. Акутихи собраны каменные и бронзовые орудия, оружие и другие предметы: «15 рыболовных каменных грузил, 1 костяной гарпун, 2 костяных наконечника стрел и 1 кремневый колющий предмет», керамика, кости животных и рыб. «На остатках сосудов заметны следы сплава меди». В 1920 г. М.Д. Копытов обследовал поселение у с. Пильного на Бии. «С одной стороны от реки Бии идет высокий каменный утес, из камня песчаника, а с другой – глубокий лог... Здесь и расположены по прямой линии в один порядок 22 землянки. Каждая землянка имеет в квадрате не свыше 2-х м и глубиной около 1 м. Это поселение местные крестьяне называют «городищем». В 1920 г. я с одним из местных крестьян с. Пильного произвел предварительные раскопки в канаве (ров. – *А.К.*, *А.Ц.*) и трех землянках. Разведки показали следующее: что в землянках очагов для огня не было и как в самих землянках, так и около них угля, золы и черепков от битой посуды не было обнаружено...» В этом же году ниже по течению Бии в с. Енисейском Копытов собрал 50 каменных предметов. По-видимому, уже в 1920 г. М.Д. Копытов обнаружил известную Нижнеенисейскую стоянку. В 1924 г. М.Д. Копытов обследовал древнее поселение в с. Быстром Истоке, где собрал 12 кремневых наконечников стрел, а около стоянки зафиксировал «следы погребения умерших» (курганы? – *А.К.*, *А.Ц.*).

Кроме поиска артефактов и новых памятников, М.Д. Копытов занимался популяризацией знаний и одним из первых на Алтае поднимал вопросы охраны археологических памятников.

23 февраля 1919 г. в помещении музея Алтайского народного университета состоялось общее собрание членов Общества любителей природы, на котором был зачитан доклад члена Общества М.П. Донарского «Об археологических раскопках, произведенных сельским писарем М.Д. Копытовым в окрестностях с. Фоминского Петропавловской волости Бийского уезда». Доклад сопровождался демонстрацией археологических коллекций, привезенных доклад-

чиком от М.Д. Копытова и хранящихся в музее. М.П. Донарский считал себя специалистом-археологом, видимо, поэтому Михаил Дианович сам доклада не читал. Выводы доклада сводились к тому, что в районе с. Фоминского «последовательно смешивался ряд «доисторических культур» – палеолит, неолит, бронзовый и железный века. Членам Общества любителей природы показалось невероятным присутствие памятников различных эпох на такой ограниченной территории и они подвергли большому сомнению обобщение и конечные выводы. «...Вероятнее всего предположить, что мы имеем здесь дело с запоздалой смешанной культурой инородцев и культурой заимствованной». Но тем не менее слушатели высоко оценили «энергичную работу» М.Д. Копытова и отметили, что представленные коллекции «представляют значительный местный интерес, имеют и известное научное значение». В 1922 г. в Бийск приехал известный исследователь каменного века М.К. Ауэрбах и ознакомился с коллекциями М.Д. Копытова, однако палеолитического возраста каменных орудий, к огорчению краеведа, не признал. Однако Копытов энтузиазма и активности в поисках древних памятников не потерял, но при его жизни палеолитический возраст находок так и не был признан. Только в 1936 г., спустя пять лет после его гибели, Г.П. Сосновский доказал палеолитический возраст фоминской и нижнеенисейской стоянки.

В 1930 г. М.Д. Копытов поднял вопрос об охране археологических памятников в своей работе «Методы археологических изысканий». Видимо, эта работа была сделана им по заказу властей, так как на ней стоит печать Бийского окружного исполнительного комитета за 22/IX 1930 г. №726. В этой работе М.Д. Копытов описывает типы археологических памятников, их признаки на местности, поясняет методы их поиска, объявляет принципы датирования. В заключение он пишет: «В настоящее время на многих поселениях и могильниках производится распашка, курганы и насыпи сохой уже сравнены с верхней почвой и стали для нас незаметны». Стоит ли говорить, что это замечание более чем полувековой давности также актуально и сейчас, когда распашка ведется не «сохой», а мощнейшими плугами. В архиве БКМ хранятся списки памятников, обнаруженных М.Д. Копытовым и известные ему из других источников. Многие из них сейчас нам не известны по ряду причин: 1. Неточность указания их местонахождения; 2. Разрушение памятников естественными силами – паводки, раздувы, осыпи (как

это случилось с рядом могильников и стоянок около с. Фоминского); 3. Разрушение памятников строительством, распашкой и т.п. После приезда в Бийск С.М. Сергеева М.Д. Копытов активно включился в археологические работы под его руководством. Вдвоем они объехали большую часть памятников, известных Копытову, приняли ряд археологических раскопок. Однако жизнь М.Д. Копытова закончилась трагически, по злой иронии судьбы к этому причастны его находки эпохи палеолита. Спустя 18 лет после отсылки в США части коллекции с Фоминской стоянки М.Д. Копытов в 1932 г. получил по почте перевод из Нью-Йоркского Естественно-исторического музея (несколько сотен долларов). Видимо, это часть выручки музея от демонстрации коллекций с Алтая. М.Д. Копытов в марте 1932 г. получил эти деньги в Бийске и, когда он возвращался в Фоминское, его ограбили и жестоко избили. Видимо, посчитав жертву неопасной, грабители бросили Михаила Диановича в одной рубашке на снегу. Однако он пришел в себя и сумел добраться до дома. Вскоре, видимо по доносу, Копытов был арестован и длительное время содержался в Бийской тюрьме. В архиве БКМ сохранились черновики его ходатайства об освобождении с описанием всего случившегося.

В сентябре 1932 г. М.Д. Копытову предъявлено обвинение в антисоветской деятельности и он осужден на 5 лет заключения в лагерях. Ввиду преклонного возраста (Михаилу Диановичу было 63 года) приговор заменен ссылкой в Восточную Сибирь. В конце 1932 г. М.Д. Копытов выслан в г. Красноярск и дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитирован в 1989 г. Б.Х. Кадиков, длительное время бывший сотрудником и директором БКМ, бывал в с. Фоминском, беседовал о Копытове с местными жителями, осматривал его дом, который после смерти хозяина отдали под детский сад. Однако ни остатков коллекций, ни богатейшей библиотеки краеведа ему найти уже не удалось. По словам старожиллов, книги долгое время хранились на чердаке, но «лежали всухе». Спустя некоторое время всю библиотеку, а возможно и коллекции, куда-то вывезли и выбросили. Следует только пожалеть, что М.Д. Копытов безвременно ушел из этого мира. Это был высокообразованный и эрудированный человек. Он выписывал и прорабатывал многие издания по археологии и первобытной культуре Европы и России, был в курсе новейших открытий того времени, знал материалы археологических памятников Сибири (Томская стоянка, Афонтова

гора, «Царь-Девница» и т.п.) и Дальнего Востока, ориентировался в вопросах геологии и стратиграфии. Если бы его деятельность продолжалась, то уровень археологического исследования Алтая в наши дни был бы гораздо выше, а многие памятники не были бы утрачены (Кунгуров А.Л., 1995).

1.3. Изучение алтайского палеолита в 30–40 гг. XX в.

Краеведческие изыскания М.Д. Копытова, в том числе поиск и исследования объектов каменного века, продолжил Сергей Михайлович Сергеев, директор Бийского, а затем Ойротского областного музеев, последние годы жизни научный сотрудник Бийского музея, являющийся первооткрывателем практически всех основных древних культур Алтая. По его следам шли также ведущие исследователи 1930–1940-х гг. С.И. Руденко, М.П. Грязнов, Г.П. Сосновский. До сих пор исследуются памятники, открытые С.М. Сергеевым, широко используются добытые им материалы. Поэтому имеет смысл вспомнить доброе имя этого исследователя и охарактеризовать его жизненный путь.

Сергей Михайлович Сергеев родился 4 июня 1879 г. в г. Варшаве в семье военного. В 6 лет он лишился отца, семья попала в трудное финансовое положение и ему не удалось получить вовремя какого-либо определенного образования. Его мать Марта Августовна через некоторое время вновь вышла замуж, опять за военного. Но несчастья продолжали преследовать семью Сергеевых. За участие в антиправительственных выступлениях отчим С.М. Сергеева был сослан на поселение в Красноярск, с ним в изгнание отправилась и семья. Сергей Михайлович поступил в гимназию, однако долго учиться не мог, так как вскоре умер отчим и средств на обучение не стало. Марта Августовна занималась надомным шитьем и ее заработка едва хватало, чтобы свести концы с концами. С.М. Сергеев закончил только три класса духовного училища в Красноярске, где обучение было бесплатным, и в 1895 г. поступил на строительство Средне-Сибирской железной дороги. Он работал переписчиком, конторщиком, начальником станции Кара-Чокот. В 1904 г. в связи с началом русско-японской войны С.М. Сергеев откомандирован на Забайкальскую железную дорогу, где работал до 1908 г. В 1905 г. Сергей Михайлович активно участвовал в ре-

волюционных выступлениях на станции Байкал в качестве члена стачечного комитета. В 1908 г. С.М. Сергеев перешел на работу в Министерство земледелия, сначала работал в переселенческих пунктах, а с 1918 г. – в аппарате Наркомзема.

В 1910–1917 гг. С.М. Сергеев являлся зав. отделом переселенческого пункта в г. Красноярске. На государственную службу он был зачислен только в 1916 г. (до этого работал по вольному найму) и тогда же получил первый классный чин. Именно в это время Сергей Михайлович впервые заинтересовался древним прошлым Сибири. Его учителем в этой области был политический ссыльный народоволец М.П. Овчинников. В 1910 г. С.М. Сергеев принят в члены Красноярского подотдела Географического общества и по его заказу вел самостоятельные работы. В 1912 г. Сергеев обнаружил стоянку «Переселенческий пункт». В 1914 г. состоялась его встреча и беседа с И.Т. Савенковым, известным исследователем палеолита Северной Азии. И.Т. Савенков заинтересовался находками палеолита, в том числе и его сборами четвертичной фауны в районе известной стоянки Афонтова Гора. Любительские исследования С.М. Сергеева получили должную оценку в научных кругах и в 1915 г. он получил звание действительного члена Московского археологического общества. В 1916 г. Сергей Михайлович сдал экстерном экзамен за Красноярское реальное училище. С 25 октября 1917 г. он непрерывно работал в органах Советской власти. В 1917 г. Сергеев поступает в Петроградский археологический институт, где учится без отрыва от своей основной работы. В 1919 г. он перевелся в Московский археологический институт, а затем в МГУ. В годы учебы он слушал лекции ведущих историков и археологов того времени, участвовал в раскопках В.А. Городцова.

С 1923 г., закончив МГУ, С.М. Сергеев начинает попытки вновь вернуться в Сибирь и заняться археологическими изысканиями. В 1925 г. он переехал в Новосибирск на работу в Управление уполномоченного наркомзема по Сибири. Там ему удалось обнаружить и описать два городища близ д. Курбес Новосибирского округа: «Паш-Тура» и «Крепость». В 1927 г. С.М. Сергеев получил приглашение на работу в Бийский краеведческий музей на должность директора. Он немедленно соглашается. Исполнилась его заветная мечта, в 48 лет археология становится не увлечением, которому он отдает все свободное время, а работой. С этого времени по инициативе Сергея Михайловича Бийский музей развертывает

активную научную и общественную деятельность. Несмотря на ограниченность средств для работы, Сергеев сумел создать большой актив краеведов-любителей и кружок юных археологов, при помощи которых развернул большую работу по сбору коллекций для музея. В этом ему помогли М.Д. Копытов и А.П. Марков – бывший учитель, талантливый художник-самоучка и увлеченный краевед. Первые разведки он проводил с М.Д. Копытовым, который показывал ему открытые ранее памятники и знакомил с собранными коллекциями.

В 1934 г. С.М. Сергеев был переведен в Ойротский областной музей, который к этому времени был свернут, а часть сотрудников репрессирована. Сергей Михайлович к тому времени обладал уже значительным опытом музейной работы и в короткое время воссоздал музей, который был открыт для посетителей. В музее была развернута экспозиция, пропагандирующая исторические знания, организовывались передвижные выставки по аймакам. Редакция «Крестьянской газеты» за активную работу в области премировала музей автомашиной и патефоном.

В 1937 г. С.М. Сергеев вновь возвратился в Бийский музей, но уже не директором (директором после перевода Сергеева в Ойротский музей стал А.П. Марков), а научным сотрудником. Ему уже было 50 лет, он выработал пенсию по старости и, кроме того, был тяжело болен открытой формой туберкулеза, получил вторую группу инвалидности. За время работы в Бийском музее С.М. Сергеев трижды награждался почетными грамотами и дважды денежной премией, в 1945 г. получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Научным сотрудником Сергей Михайлович работал до последних дней. 23 июня 1947 г. его не стало. Вклад этого человека в археологию Алтая огромен. Мало кому из исследователей удавалось открыть такое количество древних страниц истории от палеолита до средневековья.

Уже в 1928 г. С.М. Сергеев и М.Д. Копытов обнаружили андроновское захоронение у с. Шипуново, провели сборы керамики бийского этапа большереченской культуры и раннего средневековья в районе с. Вихоревки в 10 км западнее Бийска, осмотрели известные М.Д. Копытову памятники в районе Фоминского и Одинцовки. В 1929 г. экспедицией БКМ под руководством С.М. Сергеева проведена разведка в районе с. Красного Яра и обследован ныне широко известный могильник Змеевка, содержащий захоронения

андроновской (11 могил) и ирменской (1 могила) культур, раннего железного века (3 могилы) и средневековья (8 могил).

В 1930 г. на памятнике были проведены раскопки совместной экспедиции Общества изучения производственных сил Сибири и БКМ, вскрывшие 8 курганов из 38. Полученные материалы до сих пор привлекают к себе внимание исследователей, и из года в год появляются публикации, посвященные Змеевке.

Следует отметить, что 1930 – самый результативный год работ С.М. Сергеева на Алтае. В этом же году не менее интересные исследования проведены в Камышенке (Долгая Грива), где было вскрыто 17 могил ирменской культуры. Затем С.М. Сергеев организовал исследования у сел Березовки и Быстрянки. В Березовке было раскопано 22 кургана раннего железного века и обследовано городище, давшее затем наименование заключительному «березовскому» этапу большебереченской культуры. Не менее интересные работы проведены и в Быстрянке. Видимо, во время этих раскопок С.М. Сергеев побывал у М.Д. Копытова, изучившего курганы эпохи средневековья и раннего железного века на горе Пикет у с. Сросток, и в этот момент было сделано еще одно замечательное открытие. При раскопках кургана А.П. Марков уклонился несколько в сторону от могильной ямы. В суглинке на глубине около 1 м ему неожиданно встретился обработанный камень. Марков передал находку Сергею Михайловичу, и тот узнал в ней палеолитическое скребло. Неожиданное открытие в Сростках архаичного орудия, залегавшего на значительной глубине, настолько поразило его, что, как вспоминает А.П. Марков, у него вывалилась изо рта знаменитая курительная трубка, его неизменный спутник (Ларичев В.Е., 1969). Кроме скребла в курганах №10 и 14 были найдены два двустороннеобработанных топовидных орудия и несколько отщепов. Сергеев придавал этой находке очень большое значение и даже возил орудия в этом же году в Новосибирск и показывал известному исследователю Северной Азии Н.К. Ауэрбаху, но тот не признал их палеолитический возраст, как в свое время сомневался в древности изделий, собранных М.Д. Копытовым в районе с. Фоминского. Тем не менее находки в Сростках стали широко известны и в 1935 г. специально с целью ознакомления с коллекциями каменных орудий в Бийск приехал Г.П. Сосновский. Он сразу же признал их палеолитический возраст. А после изучения материалов БКМ организовал разведку, а затем в течение ряда лет раскопки

Сросткинской стоянки, ныне известной, пожалуй, палеолитчикам всей страны.

При изучении в 1936 г. афанасьевских курганов в урочище Куом на Катунь (первым их исследовал сотрудник Ойрот-Туринского краеведческого музея Г.П. Сергеев в 1932 г.) Г.П. Сосновскому удалось обнаружить на той же площадке под курганными насыпями остатки древнего поселения. Верхний слой этого поселения, содержащий керамику, кремневые наконечники стрел, кости животных, близок к афанасьевскому времени. Нижний слой куюмской стоянки отделен от верхнего стерильным наносом в 0,2 м. В нем оказались более архаические остатки: каменные скребки, нуклеидные орудия, ножевидные пластины с ретушью по краю, фрагмент костяного орудия, выполненного вкладышевой техникой.

Однако основное внимание исследователя было уделено Сросткинской стоянке, которая собрала рекордную для палеолитических памятников библиографию. Только ее первый исследователь Г.П. Сосновский опубликовал 6 статей. Так или иначе материал со Сросток использовался во всех работах, касающихся верхнего палеолита Западной Сибири.

«Остатков человека четвертичного периода (времени) на Алтае не было известно до 1930-х г. В 1930 г. впервые в работах Алтайской экспедиции, возглавляемой бывшим директором Бийского музея т. Сергеевым, при раскопках Сросткинского курганного могильника обнаружено каменное орудие (нож), по типу сходное с позднепалеолитическими каменными орудиями. В процессе работ коллекция была пополнена». Первые орудия – топор, обработанный с двух сторон, и узкое скребло (нож) – были сделаны при исследовании курганов №10 и 14. Г.П. Сосновским на памятнике в 1935–1936 гг. вскрыта суммарная площадь около 200 кв. м. Собрана значительная коллекция, насчитывающая до 100 орудий и 2,5 тыс. отщепов и обломков камня. «Материалы этой стоянки могут служить эталоном для выделения позднепалеолитической культуры Алтая, своеобразной и вместе с тем имеющей много общего с соответствующими культурами на Енисее и в Забайкалье». Как уже упоминалось, Сростки – до сих пор самый изученный верхнепалеолитический памятник Алтая, поэтому требуют к себе пристального внимания. Сросткинская стоянка и могильник – одни из немногих предгорных памятников, которым удалось избежать разрушений от хозяйственной деятельности. Этому способствует недоступность

для техники занимаемого ими мыса, отрога горы Пикет – Тырышкиной горы. Хорошая сохранность поверхности способствовала тому, что на поле мыса хорошо читаются раскопы Г.П. Сосновского, заросшие облепихой. Площадь стоянки большая, она перспективна для дальнейших исследований.

Пачка рыхлых отложений залегает на гранитном цоколе (крупнозернистый гранит, прорезанный тонкими жилками порфирита). Г.П. Сосновский зафиксировал три культурных слоя: на глубине 0,2–0,3 м в почве (ее подошва), на глубине 0,7–0,8 м в слое желтовато-серой супеси и на глубине до 1,3 м в слое серо-коричневой (буровой) супеси. Последний горизонт дал основное количество находок.

На стоянке заложено восемь раскопов: два – в 1935 г. и шесть – в 1936 г. Последние соединили между собой первый и второй в единый раскоп, общей площадью 240 кв. м. Его длина вдоль северо-восточного края Тырышкиной горы 50 м и 13 м в глубь террасы. Один раскоп заложен отдельно с целью исследования площади мыса. По мнению Г.П. Сосновского, этот раскоп попал в центральную часть стоянки. На памятнике зафиксировано пять культурных комплексов, залегающих в верхней половине слоя 4. Они представляют из себя скопления артефактов вокруг кострищ и рабочие площадки.

Часть находок была рассеяна между комплексами, наблюдалась картина, когда «обломки галек и более массивные отщепы располагались обычно за пределами комплексов, несколько в стороне». Г.П. Сосновский предположил, что комплексы с остатками кострищ являются следами легких наземных переносных жилищ – шалашей. В пользу этого свидетельствует вынос крупных кусков за предполагаемые границы жилища. Несколько в стороне от поселения располагалась площадка для расщепления галек и подготовки нуклеусов. Если с подготовленного нуклеуса снять (при умении) заготовку, можно без труда попасть в кого-нибудь отскочившим отщепом, так как первичное расщепление требует очень сильных ударов, при которых осколки отлетают на значительное расстояние.

Сосновский причислял стоянку к поздней стадии верхнего палеолита. Каменные орудия по технике обработке и формам он соотносил с каменными орудиями Енисейских стоянок. Благодаря исследованиям Г.П. Сосновского территория Алтая перестала быть

белым пятном в изучении палеолита. Он широко пропагандировал свои открытия, привлекая внимание исследователей к еще одной области изучения палеолита. Палеолитические находки в предгорьях Алтая Г.П. Сосновский связывал с сибирским палеолитом, каждый раз подчеркивая свою теорию о том, что наличие в сибирском палеолите изделий, сходных с европейским, не должно давать повода для миграционных построений. Г.П. Сосновский отметил в местных коллекциях особенность, свойственную позднему палеолиту Сибири в целом (по его стадиальной схеме, «сибирскому мадлену»), – сочетание в одном комплексе небольших, тщательно изготовленных орудий с орудиями массивными, архаичными по внешнему виду. В одной из своих статей Г.П. Сосновский пишет: «Очевидно, хозяйственно-бытовые условия жизни населения в эпоху верхнего палеолита Сибири, несмотря на знакомство человека с совершенными приемами обработки каменных орудий (мелкие сколы, отжим), требовали сохранения в инвентаре полезных по своему хозяйственному назначению орудий, хотя они имели более примитивную форму и простую выделку». Он считал, что предгорья Алтая и верховья Оби – наиболее западный район распространения культуры мадленских стоянок Сибири (Сосновский Г.П., 1941). Заслуги Г.П. Сосновского в изучении позднего палеолита Алтая очень велики. С его приезда начинается профессиональное изучение палеолита Алтая, работы археолога привлекли внимание других исследователей к этому региону. Материалы Г.П. Сосновского получили широкую известность, и до сих пор его выводы об алтайских памятниках используются в ряде обобщающих работ по палеолиту Северной Азии.

К сожалению, трагическая гибель этого исследователя в осажденном Ленинграде прервала так удачно начатые им работы по изучению палеолита Алтая. Поэтому, несмотря на детальную публикацию материалов Сросткинской стоянки, теоретические выводы о ее месте в палеолите Сибири недостаточны. С момента публикации статей Г.П. Сосновского прошло уже более 40 лет, но до сих пор они служат источником обширной информации по палеолиту Алтая.

В августе 1931 г. С.М. Сергеев и А.П. Марков, осматривая разрушенные андроновские могилы между Бийском и Одинцовкой (Центральный рабочий кооператив у оз. Кругленького), обнаружили в одной из ям палеолитический культурный слой. Заложив не-

большой раскоп, они исследовали древних очаг и собрали выразительную коллекцию каменных изделий.

В архиве Бийского краеведческого музея хранятся полевые документы с описанием раскопок на стоянке и черновики подготовленной С.М. Сергеевым статьи, опубликованной в 1939 г. При сравнении публикации и указанных документов становится ясно, что иллюстративные материалы в статью не вошли. Возможная причина заключается в непрофессиональных рисунках каменных изделий. Кроме этого, отмечаются несоответствия указанной вскрытой площади (около 10 кв. м) и имеющегося плана раскопа. План, составленный С.М. Сергеевым и А.П. Марковым, не имеет ориентации и масштаба. Указана только длина сторон раскопа, которая при реконструкции не совпадает. Совершенно очевидно, что в месте обнаружения культурного слоя исследователями была заложена траншея, расширенная в обе стороны в месте скопления материала и зафиксированного очага. Получившаяся вскрытая площадь, согласно описанию, составляет не 10, а 15 кв. м. Для полноты изложения сведений о Бийской стоянке приведем описание работ.

«В августе 1931 г. в Бийский музей поступили сведения о находке в 12 км к юго-западу от Бийска на Центральном рабочем кооперативе (ЦРК) при рытье силосных ям древних захоронений (андроновских). Сотрудники музея С.М. Сергеев и А.П. Марков осмотрели условия находки погребений. Пригородное хозяйство расположено у подножья высокой террасы на одном из мысов высотой 5 м. Недалеко от ЦРК расположено оз. Кругленькое. При обследовании старых «картофельных» ям были обнаружены на глубине 1,24 м в слое лёссовидного суглинка остатки кострища и несколько каменных орудий. Был заложен шурф площадью 10 кв. м. Стратиграфические условия залегания культурных остатков таковы:

1. Гумус – 15–20 см.
2. Песок наносной – 80 см.
3. Лёссовидный суглинок – ниже 1 м.

Культурный слой залегал в лёссовидном суглинке на глубине 1 м 24 см. Зафиксированы остатки кострища диаметром около 1 м, которое выделялось по обожженному суглинку и слою пепла до 16 см. Рядом с пепелищем обнаружены 2 скребла, мелкие концевые скребки и овальное орудие. Все орудия изготовлены на массивных

пластинах и отщепях и имеют одностороннюю ретушь. Материал – кварцит и кремнистые породы. Осколков кремня (есть со следами обработки) собрано около сотни. Орудия и осколки покрыты известковым налетом».

В материалах архива БКМ содержится также схема расположения памятника, позволяющая охарактеризовать обследованную местность. Стоянка расположена на мысе, образованном левым бортом крупного древнего лога, врезанного в «бийскую» 50-метровую террасу. Высота мыса около 5 м, размеры 35×55 м. Мыс выдается в заболоченную обскую пойму. По-видимому, в настоящее время эта местность занята промышленными предприятиями и значительно видоизменена, поэтому обнаружить место бывшего ЦРК пока не удалось.

Коллекция каменных изделий Бийской стоянки, хранящаяся в БКМ, насчитывает 55 предметов.

Некоторые изделия имеют следы термического воздействия. Основную часть орудий небольшой коллекции с Бийской стоянки составляют скорняжные инструменты: продольное дорсальное скребло с овальным рабочим краем, скребки на отщепях, в том числе концевой на пластинчатом сколе. Оформление рабочих кромок скребков совершенно с помощью крупной регулярной ретуши, их расположение относительно продольной оси заготовки различно. Обращает на себя внимание непластинчатый характер индустрии. Призматическая техника расщепления представлена только двумя отщепами с продольным ограничением дорсала (на одном оформлен концевой скребок) и боковым резцом на снятии фронта скалывания нуклеуса. Облик изделий Бийской стоянки соответствует группе памятников финальнопалеолитического времени так называемого «нижнебийского типа». Культурные слои этих памятников (Фрунзе, Бокальский, стоянки у с. Одинцовки) связаны с покровной лёссовидной супесью и залегают на глубине до 0,5–0,6 м. Кажущаяся большая глубина материалов Бийской стоянки получилась за счет эолового надува (слой 2, по С.М. Сергееву), образовавшегося из-за разрушения края берега. Подобные надувы, напоминающие дюны, – характерное образование для побережья низовий Бии и верховий Оби. Иногда их мощность достигает 2–3 м, хотя надувы образовались в последние 100–200 лет.

До отъезда на работу в Ойротский музей С.М. Сергеев обследовал разрушающиеся стоянки в районе Бийска, на острове Икон-

никовском, по берегам Бии, Оби и Катуня, участвовал в раскопках М.П. Грязнова на могильнике Бийск-I и II, продолжал исследования М.Д. Копытова на горе Пикет. После переезда С.М. Сергеева в Горно-Алтайск пост директора БКМ занял А.П. Марков. С этого времени интенсивность работ БКМ значительно снизилась, так как Марков не был специалистом-археологом. В Горно-Алтайске С.М. Сергеев включился в работу по исследованию области. В 1934 г. он раскопал два скифских кургана у с. Майма-Чегачак, в 1935 г. руководил работой второго отряда Саяно-Алтайской археологической экспедиции, исследовавшей курганы в окрестностях с. Туекты (Онгудайский аймак) и другие памятники в долине Катуня.

Наиболее важной палеолитической находкой С.М. Сергеева на Катуня является открытие стоянки Каратурук, обнаруженной вместе с А.П. Марковым.

В этом же году Сергей Михайлович раскапывает курганы бронзового и раннего железного веков у с. Суртайки, обследует городище VII–VIII вв. до н.э. и поселения в устье р. Иши. С 1935 г. полевая активность С.М. Сергеева заметно снижается, так как сказывается сильная загруженность административной работой в Ойротском музее, почтенный возраст исследователя и прогрессирующая болезнь. Он больше уделяет внимания обработке материалов, старательно составляет описи, хранящиеся сейчас в архиве БКМ, пишет две статьи, посвященные раскопкам Бийской стоянки (1939 г.) и скифским находкам с Красного Яра (1946 г.), составляет два значительных по объему и научно обоснованных труда: «Андроновский этап древней бронзы в верховьях Оби» и «Карасукусский этап древней бронзы в верховьях Оби» (позднее М.П. Грязнов полностью включил эти работы в свою монографию). Тем не менее Сергей Михайлович обследует курганы на Ануе и Песчаной, продолжает сборы материалов с уже известных разрушающихся донных стоянок, в 1939 г. раскапывает андроновскую могилу в Мокром Яру (с. Малоугренево) и проводит там сборы разновременной керамики, в 1940 г. исследует могилу раннего железного века на юго-западной окраине Бийска. Часть сборов (прежде всего с поселений «Понтонный мост» и старая скотобойня) позволила М.П. Грязнову выделить особый «бийский» этап в развитии большереченской культуры раннего железа.

Благодаря работам С.М. Сергеева уже к 1939 г. БКМ по количеству собранного историко-археологического материала вышел на

одно из первых мест Сибири. Его коллекции до сих пор являются неисчерпаемым кладом информации для современных исследователей.

К началу 1940-х гг. в регионе было зафиксировано свыше 20 поселений и могильников каменного века, в том числе стратифицированные многослойные памятники, ставшие эталонными для характеристики палеолита Предальтайской равнины и долины Катунь – Сростки, Каратурук, Усть-Куном. Часть стоянок ныне утеряна в силу природных и антропогенных факторов: Бийская, Фоминская, Усть-Чемровка, Иконниково, Щербаково, Акутиха. Кроме этого, М.Д. Копытов в своих неопубликованных рукописях отнес к палеолиту неолитические комплексы на реке и озере Иткуль у сел Комарово, Вершинино, Соколово, Сошниково, Шипуново, Клепиково, Васино, Рассказихи, Петровского и некоторых других. Нельзя не отметить и верное датирование Михаилом Диановичем Нижнеенисейской стоянки. Он пишет, что в 1920 г. в с. Енисейском в двенадцати верстах от г. Бийска на правом берегу Бии была обнаружена **неолитическая мастерская**, где собрано до 50 предметов, тут же был найден череп.

Позднее Г.П. Сосновский в этих материалах выделил *pièce esaiillee*, что дало ему основание отнести весь орудийный комплекс памятника к позднепалеолитическому времени. Вслед за Г.П. Сосновским Нижнеенисейскую стоянку как палеолитическую описала Н.А. Береговая (1960, с. 75), З.А. Абрамова и другие исследователи. В 1988 г. стоянка осмотрена А.Л. Кунгуровым, и в осыпи берега собрана обширная коллекция каменных изделий. На первый взгляд комплекс распадался на архаичный палеолитический и неолитический (двустороннеобработанные вкладыши, остря, топоры-бифасы и теса с подшлифовкой, наконечники стрел). Часть материала была опубликована как палеолитический комплекс стоянки, маркирующий рубеж плейстоцена и голоцена (нижнебийский тип памятников), но отличающийся от мезолитических индустрий (Кунгуров А.Л., 1999). Однако позже, при раскопках остатков культурного слоя в 2001 г. Н.Ю. Кунгуровой, подтвердилась датировка М.Д. Копытова. Нижнеенисейская стоянка оказалась однослойным неолитическим поселением с керамикой ирбинского типа. Описанный факт заставляет нас с большим вниманием относиться и к другим датировкам, предложенным М.Д. Копытовым. К сожалению, значительная часть собранных им коллекций в настоящее

время утрачена, памятники разрушены или до сих пор не локализованы. В связи со сказанным необходимо подтвердить приоритет Михаила Диановича в открытии и обследовании стоянок на р. Иткуле при впадении в нее в Чемровку (окрестности с. Савиново), около сел Одинцовка и Акутиха (Быстрянский кордон). Позже появилось предположение об открытии их в 1936 г. А.П. Марковым (Ларичев В.Е., 1972, с. 22). Все эти местонахождения подробно описаны М.Д. Копытовым в рукописи 1920–1930-х гг. и в составленных его рукой учетных карточках и списках. Скорее всего, А.П. Марковым обследовались известные памятники с целью их картографирования и определения состояния на то время. А.Л. Кунгуров осматривал в середине 1980-х гг. все эти пункты и констатировал полное разрушение памятников: устье Иткуля застроено селами Савиново, Одинцовка (судя по описанию участок берега между западной окраиной поселка и устьем Чугунайки) и Акутиха частично смыты Обью, частично развеяны. На дюнах и в береговой осыпи встречаются сильно дефлированные мелкие отщепы, культурного слоя нет.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. целенаправленные поиски палеолитических стоянок прекратились. Многие ученики С.М. Сергеева, активно участвовавшие в их экспедициях и стремившиеся стать историками и археологами, были призваны или ушли добровольцами в Красную Армию в 1941–1942 гг. Часть их погибла в сражениях Великой Отечественной войны, других события тех лет разбросали по различным регионам Советского Союза. Хранящиеся в БКМ их письма с фронтов и с новых мест жительства, адресованные Сергею Михайловичу, свидетельствуют о глубоком уважении к учителю и сожалении о невозможности вернуться к археологическим изысканиям.

Тем не менее во 2-й половине 1940-х гг. находки вновь стали поступать в музей Бийска, и его сотрудники осматривали места их обнаружения. Так, в 1946 г. П.П. Хороших и Е.Н. Щукина обнаружили стоянки на песчаных гривах ниже с. Сростки – гора Козлушка, Беспалова гора, – где найдены каменные изделия позднемезолитического-раннеолитического облика (БКМ, колл. №890).

Значительную роль в воссоздании прошлого Алтая сыграл Бийский краеведческий музей. История археологических изысканий на Алтае, начавшаяся в первые годы советской власти, началась с организации музея. Сначала археологом-любителем М.Д. Ко-

пытовым, а затем сотрудниками музея С.М. Сергеевым и А.П. Марковым были сделаны открытия, которые привлекли внимание специалистов-археологов к этому региону. Материалы этих исследований легли в основу первой историко-хронологической шкалы Алтая, которая была разработана советскими археологами М.П. Грязновым, С.В. Киселевым, Г.П. Сосновским, С.И. Руденко. В трудах этих ученых древняя история Алтая получила систематическое изложение.

Итоги исследований палеолитических памятников в этот период времени подводит монография Нины Александровны Береговой «Палеолитические местонахождения СССР» (МИА. №81. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 220 с.). Поскольку исследовательница ориентировалась только на опубликованные материалы и устные сообщения знакомых ей исследователей (например, П.П. Хороших), в сводку вошло только 10 памятников (с. 74–75): Усть-Канская пещера, Туекта, Усть-Куюм, Енисейская, Бийская стоянки, Сростки, Фоминская, Одинцовка, Иткуль и Быстрианский Кордон. При этом ошибочно указано на то, что Иткуль впадает в Обь (с. 75) и стоянка расположена на ее левом берегу. На самом деле Иткуль является притоком Чемровки и памятник, обнаруженный М.Д. Копытовым, находится в ее устье на правом берегу. Издание сопровождалось исчерпывающим библиографическим списком, картографическим материалом и сыграло значительную роль в развитии изучения палеолита Алтая.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Период, который характеризуется сбором материалов, осмыслением накопленных за этот промежуток времени данных и открытием первых стратифицированных палеолитических стоянок, создал основу для дальнейших успешных поисков и исследований палеолита Алтая. Как и любой начальный этап исследований, он базируется на деятельности отдельных личностей, которые оставили свой вклад не только в изучении древнейших памятников региона, но и более поздних периодов неолита, бронзового и железного веков. Специфика Алтая, его освоение прежде всего как горнорудной территории оставили отпечаток и на его археологическом изучении – все первые находки связаны с работами комплексных академических экспедиций и при разработке рудных место-

рождений. Конец XIX – начало XX вв. ознаменовались ростом интереса местной интеллигенции и просвещенных кругов общест-венности к краеведению, в том числе и к ранним этапам освоения Алтая человеком. Поэтому открытия прошлых лет и новые на-ходки интерпретировались с указанных позиций. Убеждение в глу-бокой древности некоторых археологических памятников позволи-ло исследователям преодолеть скептицизм специалистов из других регионов и привлечь к изучению палеолита Алтая Г.П. Сосновского, ведущего исследователя и знатока каменного века Сибири. После-довавшие за этим раскопки Сросткинской стоянки и научные пуб-ликации в центральных изданиях окончательно ввели регион в тер-риторию распространения палеолитических памятников и под-черкнули его специфику и сходство с другими областями, прежде всего долины р. Енисея.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- 1. Составьте хронологическую таблицу открытия памятни-ков палеолитического времени и соотнесите ее с подобными про-цессами в других регионах Сибири. В чем причина столь долгого скептического отношения к ранним памятникам Алтая?*
- 2. Определите вклад различных исследователей в процесс на-копления данных по палеолиту Алтая и достоверность проведен-ных ими датировок и реконструкций древней истории региона.*
- 3. Сделайте сводку палеолитических памятников и местона-хождений, известных к 40-м гг. прошлого века, и определите их расположение на карте.*
- 4. Охарактеризуйте накопленный за рассмотренный период истории изучения палеолита Алтая материал и изменение отно-шения к нему с середины XIX в. до 1940-х гг.*

Раздел II

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКА И ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ В 50-х – НАЧАЛЕ 70-х гг. XX в.

2.1. Исследование палеолитических памятников Алтая в 1950–1980-е гг.

Изучение палеолита Алтая экспедицией Института истории материальной культуры. Вторая мировая и Великая Отечественная войны приостановили изучение древней истории Алтая почти на десятилетие. И только с 50-х гг. XX в. начинается качественно новый этап в этом процессе. В 1954 г. вышла статья М.Ф. Розена, в которой он указывает на ряд пещер на р. Чарыше, где были сделаны находки более поздних эпох – бронзы и железа, этот же год ознаменовался открытием Усть-Канской палеолитической стоянки.

В 1954 г. один из отрядов Горно-Алтайской археологической экспедиции под руководством С.И. Руденко обнаружил первое пещерное поселение палеолитического времени в Горном Алтае на Чарыше у с. Усть-Кан. Подтвердилось предположение А.С. Уварова о возможности заселения пещер древними людьми, которое он высказал в 1881 г. Каменный инвентарь раскопанной С.И. Руденко Усть-Канской стоянки, позволяет датировать ее более ранним временем по сравнению с другими палеолитическими стоянками Алтая. Типичные для позднепалеолитического времени орудия представлены здесь незначительным количеством экземпляров. В индустрии данного памятника присутствуют дисковидные и леваллуазские нуклеусы, скребла и остроконечники, аналогии которым имеются в западноевропейских памятниках, датированных мустьерским временем. Однако подобные аналогии не могли в то время служить основанием для датировки Усть-Канской палеолитической стоянки эпохой мустье, так как наличие архаичных по форме и технике изготовления орудий, по общепринятому на тот момент мнению, считалось специфичной чертой позднего палеолита Сибири. Вместе с тем С.И. Руденко указывал, что подобные орудия, но в иных комплексах и менее значительных пропорциях встречаются в индустрии палеолитических стоянок на Енисее, исследованных и описанных Г.П. Сосновским. Поэтому, рассматривая каменную индустрию памятника в хронологических рамках позднего палеолита, ис-

следователь отнес ее к более раннему времени по сравнению с другими известными тогда палеолитическими памятниками Сибири. Эту датировку подтверждал и состав древнего фаунистического комплекса стоянки, который связан с теплым климатом на данной территории перед последним оледенением. По мнению С.И. Руденко, пещера служила временным убежищем охотников только в летнее время. Он делает эти предположения, основываясь на том, что в пещере не было найдено остатков дерева и углей, а о том, что охота была основным занятием обитателей пещеры, свидетельствуют обнаруженные здесь фаунистические остатки.

Результаты данных исследований были опубликованы С.И. Руденко в 1960 г. в «Материалах и исследованиях по археологии СССР» (№79). Скорее всего, С.И. Руденко понимал, что им и его сотрудниками был обнаружен памятник, значительно меняющий представления об алтайском каменном веке. Однако сам он с осторожностью говорит о датировке памятника, не относит его конкретно к мустьерской эпохе, а датирует его каргинским периодом, который охватывает как мустьерскую эпоху, так и верхний палеолит. Таким образом, выводы С.И. Руденко не противоречат современным на тот момент представлениям о древней истории Алтая и вместе с тем обращают внимание исследователей на то, что нижняя граница алтайского палеолита может быть расширена на несколько тысячелетий вглубь. Мустьерский возраст стоянки в Усть-Канской пещере был обоснован позже. Н.К. Анисюткин и С.Н. Астахов в 1970 г. поддержали оценку относительного возраста стоянки по фаунистическому комплексу, отметив при этом, что возраст стоянки должен быть не моложе каргинского потепления. Проанализировав каменный инвентарь, авторы статьи пришли к выводу, что основная его часть относится к мустье леваллуазской фации и имеет позднемустьерский возраст, а также, что, кроме мустьерских, в коллекции присутствуют позднепалеолитические изделия, однако эти предметы малочисленны и не искажают общий мустьерский облик индустрии (Анисюткин Н.К., Астахов С.Н., 1970, с. 27–33). С.М. Цейтлин, рассмотрев в совокупности данные литологии, палеонтологии, археологии и геоморфологии, также признал существование Усть-Канской палеолитической стоянки в каргинское время вполне вероятным. Предположения С.И. Руденко о наличии среднепалеолитических мустьерских материалов на Алтае подтвердились и в связи с обнаружением бобковской пластины

и началом археологических раскопок в пещере Страшной. Несколько десятилетий открытый С.И. Руденко памятник не исследовался, однако в отвалах и осыпях раскопа проводились сборы каменных изделий (Кунгуров А.Л., 1993г). Лишь начиная с 80-х гг. XX в. работы на этой стоянке возобновили новосибирские археологи, и к настоящему времени исследование памятника еще не завершено.

В том же, 1960, году один из отрядов экспедиции С.И. Руденко под руководством И.М. Павлюченко в Туэктинской долине Горного Алтая обнаружил на галечных отмелях и на размытой поверхности галечниковых толщ первой террасы архаичные палеолитические орудия. Здесь не было найдено привычных для Алтая скребков, резцов, призматических пластин. На основании этого И.М. Павлюченко говорит о самобытности и большой древности находок, не имеющей примеси поздних форм (Крылова А.А., Павлюченко И.М., 1962).

Научная и поисковая деятельность Б.Х. Кадикова и его учеников. Наряду с крупномасштабными работами центральных научных учреждений в это время активизируется деятельность местных исследователей, в первую очередь краеведов.

Новый этап исследования палеолита и мезолита северных предгорий Алтая связан с приездом в Бийск выпускника Пермского госуниверситета (1955 г.), ученика О.Н. Бадера и хорошо подготовленного археолога Бориса Хатмиевича Кадикова. Б.Х. Кадиков активно участвовал в археологических разведках и раскопках Пермского университета в Приуралье, занимаясь исследованиями поселений бронзового века. Им были открыты и обследованы памятники Камский Бор-I, Первомайское, Басенький Борок, Ерзовское, Бойцовское-II, III и т.п. (Бадер О.Н., Кадиков Б.Х., 1957). Начав службу научным сотрудником Бийского краеведческого музея, Б.Х. Кадиков с конца 1950-х гг. развернул активные поисковые работы, предварив их обследованием памятников, открытых в 1930–1940-е гг. Большую помощь сотруднику, а затем директору БКМ оказали энтузиасты-геологи В.Е. Рясина, О.М. Адаменко и другие, которые в процессе профессионального исследования региона периодически фиксировали палеолитические находки. В.Е. Рясиной в 1956 г. была обнаружена стоянка Майма, а также описана стратиграфия памятника, обнажающаяся в песчаном карьере на северо-восточной окраине села (этот карьер действует до сих пор,

разрушая как сохранившиеся культурные горизонты многослойного памятника, так и курганный могильник раннего железного века. В настоящее время охранные работы на Майме проводит Горно-Алтайский госуниверситет). В 1956–1957 гг. Б.Х. Кадилов раскопал наиболее аварийную часть памятника (около 62 кв. м), где зафиксировал достаточно насыщенный культурный слой и остатки трех наземных палеолитических жилищ округлой формы диаметром 3–4 м. Эти объекты выделялись по наличию очага, обложенного по периметру камнями, выкладок из галек, столбовых ямок, скопленю артефактов и валунов по предполагаемому контуру жилищ. По-видимому, на Майме в палеолитическое время находились легкие переносные жилища – чумы.

После завершения раскопок на Майме Б.Х. Кадилов три года исследовал обнаруженную П.П. Хороших многослойную стоянку в устье Семы (Усть-Сема). На памятнике вдоль мыса с юга на север заложена почти 100-метровая траншея шириной 1 м, а в местах наибольшего скопления находок к траншее прирезаны квадраты. Всего вскрыто 404 кв. м и получена обширная коллекция каменных изделий, превышающая 10 тыс. артефактов.

Раскопки на Майме и Усть-Семе проводились на достаточно высоком методическом уровне, фиксировалась планиграфия на каждый вскрытый горизонт (мощность около 10 см), сохранились подробнейшие разрезы, планы и профили объектов. Однако длительное хранение документации в условиях музейной тесноты того времени привело к серьезным потерям, снизившим ее ценность. Прежде всего следует отметить пропажу листа с условными обозначениями находок и слоев. За давностью лет сам Б.Х. Кадилов уже забыл, что отмечалось тем или иным значком или цветом, какой горизонт или слой отражен на чертежах. Зато коллекции этих памятников тщательно обработаны, музефицированы и подробнейшим образом описаны в инвентарных книгах, что позволило в свое время А.Л. Кунгурову идентифицировать по горизонтам и культурным слоям все артефакты, включая мельчайшие чешуйки и пластинки. Разрыв во времени между раскопками (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) и публикацией материалов (1980-е гг.) негативно отразился на интерпретационной и эвристической ценности материала.

Других масштабных раскопок стоянок каменного века Б.Х. Кадилов не проводил, сконцентрировав усилия на исследова-

нии более поздних эпох, близких его ранним научным интересам (неолит, бронзовый и ранний железный века). Однако поиски и фиксация новых памятников активно продолжались в 1960–1970-х гг. Б.Х. Кадиковым был открыт ряд стоянок каменного века на реках Катунь, Бии, Оби. В 1956 г. Б.Х. Кадиков обследовал пещеру, расположенную в известняковом массиве на левом берегу Ануя, недалеко от совхоза «Искра». В шурфе им обнаружены отщепы и обломки фоссилизированных костей быка, позволившие предположить палеолитическую датировку. На стоянке Усть-Иша-3, открытой в 1960 г., были найдены остроконечник, скребла, бифас, отщепы и призматические пластины. В 1965 г. Б.Х. Кадиков на правом берегу долины Бии, в 71 км от Бийска по Солтонскому тракту, открыл палеолитическую стоянку Чебашихинская гора. Шурфы 1965 и 1966 гг., заложенные совместно с С.М. Цейтлиным и З.А. Абрамовой, показали, что стоянка многослойная. Были прослежены неолитический, мезолитический и палеолитические слои, разделенные стерильными прослойками. В 1965 г. Б.Х. Кадиков и А.П. Марков осмотрели стоянку каменного века Каратурук в долине реки Узнези в 10 км выше ее слияния с Катунью. В 1975 г. более детальное обследование и разведочные раскопки были проведены Б.Х. Кадиковым и Б.И. Лапшиным. Зачистка обнажения 6–8-метрового берегового уступа выявила залегание материала на глубине 0,55–0,75 м в зоне контакта лессовидного суглинка с подстилающим слоем супеси. Среди находок выявлены подпризматические и клиновидные нуклеусы, различные типы скребков и резцов, долотовидные и выемчатые орудия, ретушированные пластины, двусторонне обработанные остроконечники. Техника обработки и типология каменных изделий с учетом геологических условий их залегания позволяет поместить стоянку Каратурук на раннюю стадию развития пластинчатой и «микролитической» культуры поселений типа Усть-Куном и Майма.

Серьезный вклад внес в историю исследования каменного века Алтая **Борис Иванович Лапшин**, старший научный сотрудник БКМ, аспирант А.П. Окладникова, трагически погибший в начале своей деятельности. В 1960-х гг. Б.И. Лапшин активно принимал участие в поисковых и раскопочных работах БКМ, посещая археологический кружок. Будучи школьником, он проводил сборы каменных и других артефактов около сел Одинцовки, Вихоревки,

Фоминского (устьевая зона р. Чемровка), сборы мамонтовой фауны в окрестностях Бийска и с. Иконниково.

Наиболее плодотворные работы исследователь осуществил в годы работы научным сотрудником БКМ. Наиболее удачный год – 1976. В ходе пеших маршрутов и осмотра берегов рек (на моторной лодке) на Катунь обнаружены стоянки Бийке, Эдиган-1–3, Тельдекпень, Чепош, каменные изделия на Кара-Тенеше, в долине Нижнего Куюса. Находки в нескольких местах долины Кара-Тенеш Б.И. Лапшин в рукописи отчета за 1976 г. соотнес с материалами Усть-Канской и Страшной пещерами, однако датировать памятник столь ранним временем в публикации исследователь не рискнул, ограничившись тезисом о длительном переживании архаичных форм. На Бии открыты стоянки Прогресс, «ферма совхоза Прогресс», Фрунзе, Бокальский; на Чарыше каменные изделия обнаружены у с. Усть-Калманки и Елбанки. Кроме этого, в начале 1970-х гг. Борисом Ивановичем зафиксированы палеолитические находки около сел Красного Яра, Карагужа, Иогача, Турочака (поселение Лебедь-1).

Совместно с Б.Х. Кадиковым, который был учителем Бориса Ивановича со школьной скамьи, обследовались памятники Усть-Чемал, Каратурук, Камешок, Усть-Иша-3, Малый Иконостас, Чебашихинская, Бехтемирская, Нижнеенисейская стоянка и другие памятники верховьев Бии и Катунь.

Кроме поиска новых памятников и осмотра уже известных объектов каменного века, Б.И. Лапшин систематизировал и публиковал материалы, хранящиеся в фондах музея. Благодаря ему в научный оборот были введены стоянки Каратурук, Майма, Одинцовка, ставшие достаточно известными в научных кругах. Перу Бориса Ивановича принадлежит первая работа, обобщающая историю открытия и изучения палеолита Алтая. К сожалению, так удачно начатая исследовательская деятельность ученого оборвалась в связи с его трагической гибелью летом 1980 г. По воле судьбы тело утонувшего в районе Бийска Б.И. Лапшина было найдено спасателями у с. Одинцовки, у того самого места, где он обнаружил одну из своих первых палеолитических стоянок.

В целом ряде статей Б.И. Лапшин опубликовал результаты своих исследований и выработал схему развития позднепалеолитических традиций. Его гипотеза: «На Алтае развивались две традиции изготовления каменных орудий – микро- и макролитическая.

Генезис микролитических традиций начинается с Каратурука, который представляет собой «позднейший этап позднепалеолитической сrostкинской культуры». Развитие традиций Каратурука наблюдается (с усилением микролитизации, но с сохранением макроформ) в нижнем слое Маймы и 4-м горизонте Усть-Куюма, затем с дальнейшей микролитизацией и появлением мезолитических типов в верхнем слое Маймы и Усть-Куюме. При этом сосуществование миниатюрных форм орудий и микролитической техники является влиянием соседнего Казахстана (Жанальчик-I, II, III в Отраре). Существует двухкомпонентное решение вопроса о «мезолите» и «эпипалеолите» Алтая:

1. Сохранение микроформ галечной индустрии и сосуществование с микроформами;

2. Отсутствие макроформ, минимальное использование галечных традиций и разнообразие микроформ индустрии.

Развитие, согласно Б.И. Лапшину, шло в сторону «усиления и преобладания 2 над 1».

Эта гипотеза имеет и свои сильные, и свои слабые стороны. Остановимся сначала на недостатках, чтобы объективнее подойти к анализу достоинств.

1. Понятие «сrostкинская культура» условно и ни в коей мере не может быть использовано для обозначения существующей на Алтае культурной традиции. Это название было дано Г.П. Сосновским как условное наименование индустрии Сrostкинской стоянки. Как известно, культуру палеолитического времени выделить сложно, а на основании исследования одной-единственной стоянки просто невозможно. Все палеолитические культуры Сибири и Дальнего Востока – Афонтовская, Кокоревская, Дюктайская, Ушковская и т.п. – выделены на основании многолетнего кропотливого изучения целого ряда памятников, сравнение их геологических ситуаций, индустрий и т.п. Поэтому пока неверен термин «позднейший этап сrostкинской культуры», так как неизвестны ни начальный, ни все последующие этапы.

2. Недостаточно обоснованы некоторые построения связей сходства различных памятников, базирующихся на интуиции автора или на каких-то иных критериях, не отраженных в публикациях.

3. Не обосновано выделение как более древнего 4-го горизонта Усть-Куюма, вопреки мнению авторов публикации А.П. Окладникова и В.А. Владыкина, считающих, что горизонты памятника

свидетельствуют о неоднократном заселении одного удобного для жизни места какой-то группой древних людей.

4. Неверно и мнение, что основой индустрии Усть-Куюма являются пластины и что материал отличается миниатюрностью. Действительно, согласно публикации этого памятника, там имеется 28 микроскребков, но, наряду с ними, найдено 77 отнюдь не миниатюрных изделий этого типа, 52 скребла, чопперы и ряд других предметов. В то же время пластины представлены всего 18 экз. Поэтому мы считаем неверным объединение Усть-Куюма и верхнего слоя Маймы в одну группу.

5. Вызывает сомнения мысль о том, что материалы верхнего слоя Маймы свидетельствуют о влиянии «соседнего Казахстана», и ссылка Б.И. Лапшина на памятники Жанальчик-I–III, опубликованные Х.А. Алпысбаевым. Действительно, определенное влияние мезолитических культур Казахстана на Алтай имело место, но только Восточного, действительно соседнего, а не Южного, где расположены Отрарские памятники, отдаленные от Алтая тысячами километров. Тем более, это громадное пространство не пустовало и имеются многочисленные памятники, отличные от отрарских.

Приведенные замечания заставляют осторожнее относиться к гипотезе Б.И. Лапшина и к его публикациям. В то же время нельзя не отметить то, что он дал исчерпывающую характеристику материалов ряда памятников Горного Алтая и его предгорий и наметил верное решение проблем позднего и финального палеолита. Отметим теперь положительные стороны работы Б.И. Лапшина:

1. В работах этого исследователя была впервые дана четкая схема развития позднепалеолитических индустрий Алтая, хотя и недостаточно обоснованная. Тем не менее хронологическое подразделение памятников нам представляется верным, в отличие от намеченных Б.И. Лапшиным культурных связей.

2. Верно отмечена тенденция миниатюризации инвентаря, хотя она коснулась лишь некоторых типов изделий, прежде всего скребков, и протекала параллельно с продолжавшими существовать старыми типами.

3. Впервые была выделена целая серия признаков мезолитических традиций в индустрии верхнего слоя поселения Майма.

4. Б.И. Лапшин верно отмечал наличие в финальном палеолите двух тенденций развития индустрии.

5. Несомненным вкладом Б.И. Лапшина в изучение палеолита Алтая является исследование им галечных орудий из с. Одинцовки и мысль о существовании древних галечных традиций наряду с новыми приемами расщепления камня в начале верхнего палеолита.

Подводя итог работе, которую успел проделать Б.И. Лапшин, следует сказать, что его деятельность далеко продвинула изучение палеолита Алтая. Им намечены новые проблемы и пути их разрешения, введен в научный оборот большой, ранее неизвестный материал. В то же время Б.И. Лапшин не успел до конца разработать свою гипотезу, поэтому в ней много шероховатостей и неточностей.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. палеолит предгорий Алтая и его геологические характеристики изучал геолог **И.М. Гайдук**. Его полевые работы по исследованию палеолитических памятников особых успехов не имели, обнаружена была только одна стоянка в с. Титово. О попытке И.М. Гайдука дать геологическую периодизацию палеолита Алтая вот как отозвался С.М. Цейтлин (1979): «И.М. Гайдук исходил из совершенно неверных предпосылок. Так, И.М. Гайдук считал, что позднепалеолитические стоянки приурочены к III надпойменной террасе, а неолитические – ко II надпойменной. В результате его датировки возраст ограничивались определениями «середина мадленского времени» (Ачинская) или «конец его» (Сростки), а геологический возраст определялся от второй половины зырянского оледенения до голоцена». Однако концепция И.М. Гайдука существует, она опубликована и нам необходимо ее рассмотреть:

«Изучение конкретного размещения культурного слоя в стратиграфическом горизонте» позволяет уверенно расчленить весь алтайский палеолит и палеолит его предгорий на четыре самостоятельные культурно-стратиграфические группы стоянок и соответственно наметить четыре волны вторжения палеолитического человека в пределы бассейна Оби».

1 волна – Улалушкинская стоянка.

2 волна – Бобковская стоянка.

3 волна – Томская, Курлекская, Ачинская и отложения пещер. Эта волна – более крупное проникновение, чем предыдущие. В группу памятников «3-й волны» И.М. Гайдук включает Талицкую стоянку на Урале, Мальту и Буреть в бассейне Ангары, указывая, что их древность выклинивается с запада на восток и это опре-

деленно указывает на продвижение человека с Урала через Западную Сибирь в бассейн Ангары. Исследователь объединяет эти памятники в одну культуру, давая ей название «Томско-Ачинская», которая, «как бы минуя ориньяк Западной Европы, переходит к культурам Буретско-Мальтинской группы». Связь этой культуры с более древними стоянками уральского палеолита «еще более подчеркивается», по мнению И.М. Гайдука, если «мы обратимся к орудиям труда». При этом «поражает их бедность и немногочисленность». Но при всей их немногочисленности они имеют близкие аналогии с «богатым по разнообразию и обилию инвентарем Мальты и Бурети».

4 волна – группа стоянок, связанная с верхней частью покровных лёссовидных отложений III надпойменной террасы и одновозрастных ей отложений балок и водоразделов. «Обитатели этих стоянок (позднего этапа верхнего палеолита) уже не всегда придерживались долин рек и удалялись от них на значительное расстояние в глубь водоразделов. Такое явление указывает на полуоседлый образ родовых коллективов. Конечно, существовали и долговременные поселения, но уже происходили перекочевки родовых групп на значительные расстояния в поисках новых мест охоты, добычи и т.п.». Однако частые находки их стоянок именно в предгорьях Алтая на близком расстоянии друг от друга, «определенно указывает на то, что эта область имела хорошие охотничьи угодья, которых вполне было достаточно для прокормления многочисленных родовых общин». Такое 4-волновое заселение Алтая, по мнению исследователя, «подтверждается и орудиями труда, которые по степени древности четко подразделяются на четыре культуры – от раннемустьерской (улалушкинская стоянка) до поздней палеолитической (Сростки и другие стоянки)». «Довольно определенно» прослеживаются и «генетические связи первобытных коллективов Оби с сопредельными территориями Восточной Сибири, Урала и Предуралья». Бобковская стоянка, аналогичная Горновой близ г. Уфы; Талицкого и Медвежья пещера сходны с предгорьями Алтая (Томская, Ачинская, Курлекская и Усть-Канская стоянки). Здесь наблюдается исключительное сходство в геологической ситуации, фауне и орудиях труда. Отсюда И.М. Гайдук намечает пути заселения Алтая, отмечая, что на Алтай и Урал оно происходило из нескольких ойкумен. «Продвижение происходило в глубь Западной

Сибири из отдаленных районов Кавказа) через Северный, Средний или Южный Урал (а возможно, и окружным путем через Среднюю Азию)». «Небольшие родовые группы очень подвижных кочующих охотников, одетых в теплые глухие одежды из шкур (при небольшом запасе орудий), двигаясь на север, достигли Приуралья, Урала и, перевалив через него, устремились навстречу потоку мамонтовой фауны в Западную Сибирь, а через нее на Алтай». Другой вариант движения древних – через Иртыш – Алейский водораздел».

Как и любая «четкая» и «вполне определенная», гипотеза И.М. Гайдука очень слабо соответствуют истинному положению дел:

1. И.М. Гайдук привлекает к своим исследованиям памятники, ничем не связанные с Алтайской Горной системой и ее предгорьями, – Курлекскую и Ачинскую стоянки.

2. Совершенно необоснованно распределение памятников согласно «волн» расселения, да и само такое разделение эпохи палеолита Алтая на четыре этапа «вторжения» выглядит очень натянутым. Дело в том, что в отдельные «волны» попадают разновременные памятники и получается, что в случае открытия других стоянок иного времени появятся пятая, шестая и другие «волны». С другой стороны – в одну группу попадают Томская, Ачинская и Усть-Канская стоянки, объединенные И.М. Гайдуком в Томско-Ачинскую культуру. З.А. Абрамова и В.А. Матющенко, изучив инвентарь Томской стоянки, отнесли ее, как и Ачинскую, к группе культур типа Мальгинской. Стоянка в Усть-Канской пещере (которая к тому же находится совсем не в предгорьях) относится по технике расщепления камня и по геологическим условиям (каргинское межледниковье) к группе леваллуазских среднепалеолитических памятников Сибири. Тем более не может быть и «исключительного сходства» в геологической ситуации и фауне Усть-Канской, Курлекской и Ачинской стоянок. То есть томско-ачинская культура в принципе не может существовать.

3. Бобковская стоянка, представленная находкой одной пластины и выделенная И.М. Гайдуком в отдельную волну вторжения, видимо, одновременна другим леваллуазским памятникам – Усть-Канской пещере, Страшной, Денисовой и др.

4. Невероятными представляются пути алтайских переселенцев,двигающихся навстречу потоку мамонтовой фауны с Кавказа и отдаленных районов Юго-Восточной Европы.

5. Очень странно выглядит реконструкция И.М. Гайдуком жизни и деятельности палеолитических людей, которые представляют из себя «группы очень подвижных кочующих охотников». Не вяжутся их тысячекилометровые маршруты и вывод о том, что только в финале палеолита обитатели стоянок «уже не всегда придерживались долин рек и удалялись от них на значительные расстояния в глубь водоразделов».

6. И.М. Гайдук единственный из всех исследователей, занимавшихся Улалинской стоянкой, называет ее материал мустьерским и раннемустьерским, хотя уже в то время все признали его галечный характер.

Можно еще долго разбирать различные положения этой гипотезы, но уже этого достаточно, чтобы признать ее полную несостоятельность. И.М. Гайдук искусственно объединил в различные группы, назвав их культурами, стоянки, отличающиеся друг от друга по всем параметрам и находящиеся в различных географических районах. Поэтому работы И.М. Гайдука не оставили заметного следа в развитии знаний о палеолите Алтая и его предгорий.

Научная и поисковая деятельность А.П. Уманского и Э.М. Медниковой. Сотрудники Алтайского краевого краеведческого музея (АККМ, ныне АГКМ) в 1950–1970-х гг. специально поиском и исследованием палеолитических памятников не занимались, хотя по роду своей деятельности им приходилось и проводить разведки, и осматривать места находок местными жителями ископаемых костей и иных древних предметов.

Алексей Павлович Уманский (1923–2005) с 1949 г. проводил археологические работы в Алтайском крае. По сути дела он осуществил первое обобщение палеолитических материалов в своей книге «Памятники культуры Алтая» (Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1959. 252 с.). В работе также приводятся краткие сведения об истории исследования археологических памятников (с. 8–11) их характере, особенностях и т.п. Отдельным разделом А.П. Уманский охарактеризовал известные и опубликованные на тот период времени материалы (с. 14–20), в том числе работы А.С. Уварова, С.М. Сергеева, А.П. Маркова, Г.П. Сосновского, С.И. Руденко, Б.Х. Кадикова. В отличие от книги Н.А. Береговой, являющейся прежде всего сводом, работа А.П. Уманского имела публицистический характер и содержала более полную и подробную на тот период времени характеристику палеолитических объектов региона. Следует также

упомянуть участие А.П. Уманского в раскопках Улалинской стоянки, осуществлявшихся под руководством академика А.П. Окладникова (Демин М.А., 1998, с. 7). Значительная часть исследователей древнего прошлого Алтая и современных краеведов так или иначе прошла школу А.П. Уманского (М.А. Демин, Г.Е. Иванов, Г.Е. Ключин, Ю.П. Гельмель и др.), так что в их работе и их открытиях немалая толика труда этого исследователя.

С 1960-х гг. археологические изыскания проводились сотрудником АККМ **Эльвиной Михайловной Медниковой**. Основной заслугой исследовательницы следует считать систематизацию хранящихся в АККМ (позже – АГКМ) археологических коллекций и широкую воспитательно-просветительскую деятельность. Действующий на протяжении многих лет археологический кружок позволил не только провести ряд раскопок с участием школьников, но и способствовал возникновению у молодого поколения интереса к древнейшему прошлому города. Именно с археологического кружка Э.М. Медниковой началась исследовательская деятельность А.Л. Кунгурова и В.Б. Бородаева, которые открыли и ввели в научный оборот десятки известных на настоящее время палеолитических памятников. Артур Леонидович Кунгуров и Вадим Борисович Бородаев, будучи еще школьниками, принимали участие в новостроечных работах В.А. Могильникова 1973–1976 гг., ориентированных на изучение археологических объектов в зоне строительства Гилевского водохранилища, и именно в этот период времени обнаружили первые палеолитические артефакты в верховьях Алея (Кунгуров А.Л., 1987). В 1960–1970-х гг. Э.М. Медникова обследовала Усть-Канскую пещеру и осуществила сборы каменных артефактов в отвалах раскопа С.И. Руденко. В окрестностях с. Тарабы (Кытмановский район) Эльвина Михайловна зафиксировала и частично исследовала раскопом площадью 6 кв. м культурный слой палеолитического времени, залегающий на глубине 2,78 м от уровня современной поверхности (Кунгуров А.Л., 1993; 1993г; Маркин М.М., 2001). Материалы (кости ископаемых животных, 33 каменных изделия) длительное время не были известны широкому кругу исследователей, однако сейчас можно с уверенностью утверждать, что это первые находки периода развитого верхнего палеолита Алтая, имеющего явные мальтинские традиции. Кроме этого, Эльвина Михайловна регулярно осуществляла осмотр мест нахождения ископаемой фауны в различных регионах Алтайского края.

2.2. Работы сотрудников музеев, краеведов и геологов по поиску и изучению палеолита Алтая. Первые обобщения и научные концепции

Открытие палеолитических памятников геологами Западно-Сибирского управления и их интерпретация. В 1964 г. **О.М. Адаменко** была сделана интересная находка в отложениях 11-метровой левобережной террасы р. Алея в 3 км к западу от с. Бобково. Пластина (по определению А.П. Окладникова – леваллуа-мустьерская) залегала вместе с древесными угольками, обломками бивней мамонта и двумя рогами бизона на глубине 5 м в старичных илах так называемой бобковской свиты. Возраст этой находки стал предметом споров специалистов. Так, автор открытия **О.М. Адаменко** считает отложения, в которых была обнаружена пластина, цоколем первой надпойменной террасы и относит их формирование ко второй половине среднего плейстоцена, что позволяет датировать ее раннепалеолитическим временем. Другое мнение, которое ряд исследователей считают более обоснованным, высказал специалист по геологии палеолита Северной Азии **Семен Маркович Цейтлин**. Он считает, что бобковское местонахождение связано с аллювиальными накоплениями второй надпойменной террасы р. Алея и имеет возраст начала сартанского оледенения, т.е. позднепалеолитический.

Массивная ретушированная пластина, аналогичная бобковской находке, была найдена **В.Я. Шиперовичем** при проведении инженерно-геологических работ в верховьях левого притока Чарыша – р. Белой. Пластина вместе с обломками трубчатых костей млекопитающих (предположительно – лошадь, верблюд, зубробизон) была обнаружена на глубине 8 м в лессовидных суглинках горного склона.

Кроме этого, геологами Западно-Сибирского управления в предгорьях Алтая были открыты еще шесть местонахождений, которые также датируются палеолитическим временем. В 1960 г. **С.Ф. Дубинкиным** на правом берегу Бии в 1,5 км севернее ст. Бехтемирской, на дне древней балки, соответствующем третьей (четвертой, по Б.И. Лапшину) надпойменной террасе, было обнаружено Бехтемирское местонахождение. Скребла, скребки, остроконечники, отщепы, обожженные кости лошади и быка залегали непосредственно под почвенно-растительным слоем. **В.И. Матющенко**, оз-

накопившись с этим материалом, датировал местонахождение последним этапом верхнего палеолита. Ю.В. Куропаткин, С.Ф. Дубинкин и О.М. Адаменко на левобережье Катуня, в 2 км юго-восточнее пос. Урожайного, на распаханной поверхности цокольного останца возвышающегося над третьей террасой Катуня и имеющего местное наименование «сопка Урожайная», обнаружили стоянку Талицкое (Урожайная). Здесь были собраны нуклеусы, скребла, скребки и отщепы. На соседней сопке, в 1 км западнее Талицкого, у оз. Светлого, находится аналогичное предыдущему местонахождение. Материалы с этих памятников также были осмотрены В.И. Матющенко и предварительно датированы им верхнепалеолитическим временем (Матющенко В.И., 1966). Местонахождение Таловское, обнаруженное в 1962 г. О.М. Адаменко, находится на поверхности левого склона долины реки Пещерихи, в 2 км от слияния с рекой Рассыпухой (бассейн Алея). Здесь в разрушениях собрано несколько мелких отщепов с грубой ретушью, которые В.Е. Ларичев отнес к палеолиту. На водоразделе речек Поперечной и Землянухи, в 5 км от с. Покровки, в 1964 г. Ю.М. Колыхановым обнаружено Покровское местонахождение. На распаханном склоне пологой сопки найден небольшой остроконечник, датированный А.П. Окладниковым верхнепалеолитическим временем. Еще одно местонахождение, Новопокровское, находится на Алей-Иртышском водоразделе, севернее с. Новопокровки. Находки (верхнепалеолитические орудия вместе с древесными угольками и костями лошади) сделаны в стене оврага, прорезающего южный склон Бельгачской возвышенности на глубине 2–3 м в лессовидных суглинках.

Отдельно следует остановиться на работах **Вадима Константиновича Вистингаузена**, несколько лет профессионально изучавшего карстовые полости Северного Алтая. С его именем связана не только идентификация ряда пещер, упоминавшихся исследователями в XIX – начале XX вв. (в том числе знаменитых «костеносных» пещер р. Чарыша), но и открытие палеолитического культурного слоя мустьерского времени в пещере Загонной (Кунгуров А.Л., 2002). На основании выданных ОПИ ИА АН СССР Открытых листов В.К. Вистингаузен осмотрел, картографировал, снял планы и разрезы наиболее известных карстовых полостей, содержащих археологические находки, – Загонной, «Три окна», «Небо»,

Большой и Малой Ханхаринских, Пролетарской, Талдинского пещерного комплекса и т.д. Хранящиеся в архиве Музея археологии Алтая АлтГУ отчеты о проведенных работах и итоговая сводка, опубликованная в 1982 г. («Спелеоархеология Алтая») (Вистингаузен В.К., 1982), до настоящего времени являются важным источником для поисковых и обобщающих работ по палеолиту региона.

Открытия палеолитических материалов краеведами.

Краеведческая работа, осуществляемая энтузиастами-историками в различных районах Алтайского края, как правило, сопровождается открытием местных музеев, в которые стекаются находки местных жителей. Такие музеи, с одной стороны, очень полезны для популяризации исторических и археологических знаний, а с другой – очень уязвимы, так как «держатся» только благодаря деятельности организовавших их личностей. Имеются примеры того, что после смерти краеведа или его переезда на другое место жительства музеи растаскивались и разрушались в течение нескольких дней. На помещение музея тут же находят разнообразных претендентов, а сохранившиеся экспонаты новые владельцы зачастую просто выкидывают. Тем не менее описанная ситуация постепенно меняется благодаря растущей заинтересованности районов в существовании подобных заведений, выделении финансов на их поддержание и ставок хранителей. Палеолитические находки в силу своей специфичности далеко не всегда обращают на себя внимание. Тем не менее в рассматриваемый период времени краеведами было обнаружено немало интересных памятников и местонахождений.

Учитель истории и директор средней школы с. Черной Курьи Мамонтовского района Алтайского края **Г.Е. Иванов**, один из немногих краеведов и практикующих учителей, имеет ученую степень кандидата исторических наук. Его усилиями не только создан местный музей, получивший определенный статус и финансовую поддержку администрации района, но и опубликованы десятки научных статей, в том числе «Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района» (Мамонтово–Барнаул, 2000, 158 с.) (Иванов Г.Е., 2000). Среди 125 памятников и местонахождений, охарактеризованных Геннадием Егоровичем, выделяется объект Остров-IV на острове оз. Горького около с. Черной Курьи. На песчаном раздуве высокого берега (характерное для региона разрушение поверхности, связанное с антропогенной и природной деятельностью) найдено скопление архаичных орудий, изготовленных из

продолговатых галек и крупных сколов: скребла, рубящие изделия, наконечник копья. Материалы местонахождения очень сильно отличаются от основного комплекса каменных изделий региона неолитического и энеолитического времени не только крупными размерами, но и архаичной технологией первичного расщепления и вторичной обработки камня. Г.Е. Иванов рассматривает найденный на оз. Горьком комплекс изделий в качестве «клада» (схрона) орудий охотников палеолитической эпохи («от 40–35 до 17–10 тыс. лет назад») (Иванов Г.Е., 2000, с. 127).

Сборы каменных орудий и других археологических предметов в окрестностях г. Рубцовска на протяжении многих лет проводил **А.В. Онников**. Часть коллекций каменных изделий краеведа, хранящихся в Рубцовском краеведческом музее, содержит достаточно архаичные каменные артефакты, однако наиболее известный памятник – Рубцовское поселение раннеолитического времени, открытое в мае 1991 г. и позднее изучавшееся А.А. Тишкиным и А.В. Шмидтом.

Активно собирал археологические материалы в юго-западных районах Алтайского края **Г.А. Клюкин**. К палеолитическому времени относятся его находки в устьевой зоне р. Золотухи (Верхний Алей) и обследованная совместно с А.А. Тишкиным стоянка Тишинка (Тишкин А.А., Клюкин Г.А., 1991).

В 1988 г. в ходе экскурсии совместно с членами краеведческого кружка Бобковской средней школы **Я.С. Нагайцев** обнаружил стоянку палеолитического времени Долгая у с. Катково на р. Алее. Там же им была раскопана разрушающаяся неолитическая могила, которую краевед принял за палеолитическую, что отражено и в его публикации (Нагайцев Я.С., 1995).

Краеведческая деятельность **Ю.И. Гельмеля** из г. Славгорода, в последние десятилетия активно изучающего Кулундинскую равнину, привела в 2006 г. к открытию уникального палеолитического местонахождения на оз. Бурлинском, расположенного южнее пос. Бурсоль (восточная кромка озера) и насчитывающего около сотни артефактов. Зона озера входила в площадь разлива флювиогляциальных (талых ледниковых) вод времени средне- и позднелейстоценовых оледенений (Географические и инженерно-геологические условия..., 1988; Атлас Алтайского края..., 1978). Судя по геологическим и палеогеографическим данным, наличие палеолитических комплексов вокруг озер представляется вполне

возможным именно в период его существования как пресного водоема, концентрировавшего воду таявших ледников Алтая. Единственным препятствием для освоения палеолитическим человеком региона являлось отсутствие пригодного для расщепления сырья. Находки прошлых лет и материалы 2006 г. документируют использование восточно-казахстанского кварцитника. В бурлинском местонахождении все артефакты изготовлены из однородного серого сырья и покрыты белой плотной патиной, толщиной до 1,5 мм. Представлены преимущественно сколы, что позволяет предположить наличие в местах выходов сырья (предположительно Павлодарское Прииртышье) каменоломен, где осуществлялась добыча и первичное обогащение этой породы. Все артефакты имеют очень крупные размеры и признаки достаточно архаичной стратегии утилизации – леваллуазское и мустьерское радиальное расщепление. Подобных изделий на других известных памятниках юго-западных районов Алтайского края неизвестно. Неолитические индустрии региона демонстрируют развитую микропластинчатую технику расщепления, основанную на использовании разнообразных призматических и торцовых нуклеусов. Самый мелкий отщеп или скол Бурлинского местонахождения многократно превышает размеры крупных артефактов из неолитических памятников. Общий облик каменных изделий Бурлинского местонахождения, специфика первичного расщепления и вторичной обработки, имеющиеся архаичные орудийные формы позволяют предварительно отнести комплекс к палеолитическому времени. Какие-либо конкретные выводы о датировке материалов пока делать рано, однако можно предположить позднемустьерский – ранневерхнепалеолитический возраст памятника. Дальнейшие исследования позволят конкретизировать эту предварительную датировку, тем более, что сильное переотложение, а тем более транспортировка материала из других мест совершенно исключены.

Жителем с. Безголосово Алейского района Алтайского края **Г.П. Уколовым** в 70-е гг. прошлого века было открыто уникальное поселение бронзового века Березовая Лука, на протяжении последних десятилетий исследовавшееся Ю.Ф. Кирюшиным, А.А. Тишкиным и С.П. Грушиным (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2005). Геннадий Павлович Уколов даже не является краеведом, а представляет тот тип сельских жителей, которым не безразлична история своего региона. На протяжении периода исследо-

вания памятника Г.П. Уколов с интересом знакомился с его результатами, а весной 1997 г. обнаружил еще одно местонахождение, получившее наименование Соловьиная Лука. Его обследование позволило зафиксировать, кроме керамики андроновской культуры, позднечетвертичную фауну, обломок костяного вкладышевого наконечника копья и обломок нижней челюсти ребенка верхнепалеолитического времени (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Шпакова Е.Г., 2000). Судя по имеющимся наконечникам подобных параметров, это или половина или чуть меньше половины изделия (Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю., 1985). Форма наконечника слегка асимметрична, сечение плоско-выпуклое. Край, по которому проходит паз, более ровный, приостренная часть слегка загибается к острию. Возможно, симметричность изделия достигалась лезвием из вставленных в паз вкладышей, как у наконечника с Кокорево-I (Абрамова З.А., 1979, рис. 53). Наиболее близки изделию из Соловьиной Луки наконечники копий «кокорево-го типа», характерные для позднесартанских палеолитических комплексов Енисея. В более позднее время вкладышевые орудия приобретают существенно иную форму: становятся относительно плоскими, соразмерными и симметричными (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000; Кунгуров А.Л., 2005).

Наибольшее количество предметов и стоянок палеолитического времени обнаружено в Верхнем Причумышье (Целинный и Ельцовский районы Алтайского края) **Петром Федоровичем Рыженко**. В организованный им краеведческий музей с. Победа с 60-х гг. XX в. стекались находки местных жителей, в том числе каменные и костяные орудия, ископаемая фауна и т.п. Практически все места, где были сделаны случайные находки, П.Ф. Рыженко обследовал. Материалы музея с. Победа с 1970-х гг. привлекали внимание исследователей. С ними знакомились Р.С. Василевский, Ю.Ф. Кирюшин, М.Т. Абдулганеев и многие другие археологи. В 1986 г. началось долговременное сотрудничество краеведа с А.Л. Кунгуровым, закончившееся только после смерти Петра Федоровича в 2004 г. В 1980–2000-х гг. были осмотрены многочисленные местонахождения каменных и костяных орудий, открыты десятки новых стратифицированных памятников различных эпох. Наиболее известные палеолитические материалы (кроме десятков пунктов сбора артефактов на отмелях Чумыша) – Черемшанские пещеры-1–3, Нахаловка-I, Улус-I, «Степь-Чумыш. Маслозавод»,

Куюк-5, Точка-2. В настоящее время памятники, обнаруженные Петром Федоровичем, раскапывают экспедиции БГПУ (руководители – М.А. Демин и С.М. Ситников), Новокузнецкого музея (руководитель Ю.В. Ширин), планируются исследования археологами Института археологии и этнографии СО РАН (руководитель – С.В. Маркин).

Работы А.П. Окладникова и его сотрудников на Алтае.

В 1961 г. на Алтае начинает работы один из крупнейших советских исследователей азиатских древностей Алексей Павлович Окладников (1908–1981). К моменту своего первого приезда на Алтай он имел богатейший опыт поиска и изучения древних культур в Северной, Центральной, Восточной и Средней Азии, обследовал большое количество памятников от Каспия на западе до Колымы и Тихоокеанского побережья на востоке, от полуострова Таймыр на севере до Термеза на юге. Им было выделено множество культур различных эпох, а его обобщающие труды по истории Якутии, Бурятии, Прибайкалья, Приморья не только получили широкое признание среди отечественных ученых, но и были переведены на другие языки. Можно с уверенностью сказать, что к изучению алтайских древностей А.П. Окладников приступил в расцвете творческих сил, знания и опыта, позволившего ему и его сотрудникам создать новосибирскую школу палеолитоведения, являющуюся сейчас ведущей в России. Начало работ на Алтае связано с открытием палеолитического местонахождения на р. Улалинке, в черте города Горно-Алтайска, которое он впоследствии называл одним из своих звездных часов наряду с исследованным палеолитическим поселением Буреть на Ангаре и погребением неандертальского человека в гроте Тешик-Таш в Узбекистане (Конопацкий А.К., 1987). Улалинка оказалась уникальным памятником, предоставившим исследователям сложный и дискуссионный материал.

В 1969 г. на Улалинке проводились раскопки, которые дали материал, сходный, по мнению Алексея Павловича, с галечными культурами Индии и Африки. В обнажении левобережного склона Улалинки прослежено два уровня залегания находок. Верхний – в покровных лессовидных суглинках – представлен типичной верхнепалеолитической индустрией. Ниже, в красноцветной суглинистой толще, насыщенной грубыми обломками местных пород, выявлены расколотые кварцитовые гальки, среди них встречены чоп-

перы, чоппинги и скребла. Вмещающие отложения были датированы в широком хронологическом диапазоне от нижнего до начала верхнего плейстоцена, но наиболее вероятной датой исследователи посчитали конец среднего плейстоцена, что позволило им отнести находки к раннему палеолиту. До 1977 г. А.П. Окладников датировал находки ашельским временем, хотя и считал, что они, возможно, древнее. «Можно предполагать, таким образом, – писал он, – что в Горно-Алтайске имеются древнейшие, известные в настоящее время на территории Сибири следы человека, которые так или иначе уходят в свое истоке в те счастливые страны земного шара, где наш предок проходил свое подлинное детство, делал первые шаги от зверя к человеку» (Окладников А.П., 1970). В 1977 г. с материалами памятника ознакомился Л.А. Рагозин. Проведенная стратиграфическая интерпретация нижней пачки отложений (пестроцветы кочковской свиты) и скорректированные с ней результаты палеомагнитного и термолюминесцентного датирования удревнили возраст местонахождения до верхнеплиоценового (Окладников А.П., Рагозин Л.А., 1978). По мнению Л.А. Рагозина, возраст Улалинской стоянки никак не менее 690 тыс. лет. Подобный пересмотр геологического возраста ставит Улалинку в ранг древнейшего археологического памятника Сибири. Однако для этого, по мнению ряда специалистов, представляется необходимым более аргументированное обоснование искусственного характера обнаруженных там кварцитовых предметов и их соответствия отложениям столь раннего времени. Аналогичные находки отмечены и по соседству с Улалинкой, на реке Майме – местонахождение Кизик-Озек (Окладников А.П., Абрамова З.А., 1974).

Археологические находки, обнаруженные на Улалинке до настоящего времени не получили однозначной оценки археологов. Вопрос о возрасте этого уникального памятника до сих пор остается открытым, хотя многие исследователи и признают древний возраст этих находок, однако точный возраст памятника так и не был определен.

С Алтаем было связано открытие и обоснование мустьерской среднепалеолитической эпохи Сибири. После работ экспедиции С.И. Руденко в Усть-Канской пещере (блестяще продолженных в конце 1990-х – начале 2000 гг.) и публикации индустриального комплекса памятников 1970 г. Н.К. Анисюткиным и С.Н. Астаховым проблема заселения Алтая в мустьерскую эпоху вышла на

первый план в проблематике каменного века Северной Азии. Отчасти эта проблема оттеснила внимание к более поздним периодам каменного века, хотя интерпретационный и эвристический потенциал верхнепалеолитических и мезолитических комплексов далеко не исчерпан. Открытия на Улалинке, в пещерах Страшная, Денисовая, им. Окладникова (Сибирячиха), исследование этих памятников как геоархеологических объектов, а также комплексное изучение прилегающих стоянок и корреляции их культурных слоев, создание локальных эволюционных схем развития каменного века для отдельных регионов Саяно-Алтая затенило другие проблемы каменного века Алтая.

С 1963 г. исследуются палеолитические стоянки Урожайная и Усть-Куюм. В 1964–1965 гг. Е.М. Берс производит раскопки Усть-Куюмской палеолитической стоянки, где в 1930-е гг. Г.П. Сергеевым исследовались могильник и поселение афанасьевской культуры. Стоянка расположена в устье Куюма, правого притока Катуня. В этом месте Куюм и Катунь образуют широкий мыс 15-метровой террасы, ограниченный с юга сланцевым массивом хребта Иолго, с остальных сторон реками. На памятнике были выделены четыре различных литологических слоя, содержащих каменные изделия: подпризматические и клиновидные нуклеусы, массивные скребки, призматические пластины, долотовидные орудия и проколки. Рассмотрев каменный инвентарь всех четырех слоев, А.П. Окладников определил его как «единое, типологически выдержанное целое» и отнес поселение Усть-Куюм к наиболее позднему этапу палеолита (Окладников А.П., Владыкин В.А., 1967). В этом же году было обследовано палеолитическое местонахождение на р. Баранголе.

Летом 1966 г. группа спелеологов-любителей из Томского университета, руководимая А. Черновым и Л. Поповым, проводила поиски и топографическую съемку пещер в районе Северо-Западного Алтая, а именно в среднем течении Ини (бассейн Чарыша). В окрестностях с. Тигирека ими была проведена разведочная шурфовка пещеры Страшной. Собранный материал (галечниковые отщепы, обломки костей) убедительно показал наличие культурного верхнепалеолитического слоя в пещере. В 1969–1970 гг. по поручению А.П. Окладникова отряд Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством палеонтолога Н.Д. Овдова исследовал условия залегания культурных и фаунистических остатков в пещере Страшной. Пещера находится примерно в 1 км к

северо-востоку от с. Тигирека, близ места слияния рек Ини и Тигирека. Располагается она на высоте 40 м от уровня современной поймы и хорошо заметна со стороны. Сама пещера представляет собой вертикально вытянутую щель, перед которой располагается узкая предвходовая площадка. Ширина входа пещеры 2 м, высота ее свода у входа 6 м. Длина (глубина) пещеры 20 м, но в глубине есть еще ответвление северо-западного направления длиной 7 м. В конце сезона 1970 г. для осмотра и описания разрезов грунтовых отложений место раскопок посетили геологи В.М. Муратов и Э.О. Фриденберг, кроме того, некоторые консультации по геологии и геоморфологии района были получены у С.М. Цейтлина, также посетившего пещеру. Отрядом Н.Д. Оводова в пещере Страшной было заложено два шурфа: основной, площадью 6 кв. м, – у входа, пройден до глубины 10 м; и второй – в дальней части пещеры, где были вскрыты лишь верхние отложения.

Наибольший интерес вызвали находки из плейстоценовых отложений. Основной чертой индустрии пещеры служит яркий среднепалеолитический леваллуа-мустьерский облик изделий и использование в качестве сырья речной гальки. Здесь имеются нуклеусы леваллуазского облика, подтреугольные, овальные или подпрямоугольные по форме с одной или двумя ударными площадками, а также дисковидные ядрища. Ударные площадки часто скошены по отношению к длинной оси и подработаны ретушью. Нуклеусам соответствуют леваллуазские пластины и острия с фасетированной ударной площадкой. Около 33% пластин подработаны ретушью. Среди орудий также встречаются скребловидные инструменты с выпуклым рабочим краем, изготовленные из крупных отщепов, и орудия, лезвия которых оформлены зубчатой ретушью.

В результате организованной промывки грунта был получен обширный фаунистический материал: остатки 40 видов млекопитающих, среди которых отмечены пещерная гиена, пещерный медведь, мамонт, шерстистый носорог, бизон. Благодаря хорошей сохранности костей крупных животных была сделана дата по радиоуглероду. Древние отложения с глубины 4–6 м оказались, по заключению Л.В. Фирсова, значительно древнее 40–45 тыс. лет. Работы на данном памятнике были продолжены в 1989–1991 гг. и возобновлены в настоящее время.

Интересный памятник, содержащий свыше 22 культурных слоев, в том числе и палеолитических, – пещера Денисова, был от-

крыт отрядом Н.Д. Оводова в 1977 г. Пещера находится на правом берегу Ануя около пос. Черного Ануя и примерно в 60 км от Усть-Канской пещеры. Заложенные два шурфа, доведенные до глубины 4 м, дали материал, сходный с инвентарем пещер Усть-Канской и Страшной (Окладников А.П., Оводов Н.Д., 1978).

В 1976 и 1978 гг. в долине правого притока Катуня – реки Нижний Куюс, под руководством А.П. Погожевой проводились раскопки поселения Кара-Тенеш, обнаруженного Б.Х. Кадиковым в 1960-х гг., а в качестве палеолитического объекта, зафиксированного Б.И. Лапшиным в 1976 г. На глубине 1,5–1,7 м обнаружен палеолитический слой, содержащий массивные пластины, острокопечники, скребла, скребки, многочисленные отщепы и заизвесткованные кости животных. Кроме того, палеолитические находки были обнаружены на соседнем памятнике Кара-Тенеш-2 и на правом берегу Катуня, ниже с. Куюс (Окладников А.П., Погожева А.П., Молодин В.И., 1979; Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1980).

Еще одно верхнепалеолитическое местонахождение новосибирские археологи исследовали в 1978–1979 гг. у с. Манжерок в устье р. Идрала, правого притока Катуня. Здесь каменные изделия с чертами леваллуазской техники залегали в мощном слое переотложенных галечников.

В 1980 г. разведочный отряд Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова открыл новое палеолитическое местонахождение – Кара-Бом. Исследования, проведенные на стоянке Кара-Бом, оказались последними работами А.П. Окладникова на Алтае. Памятник находится в устьевой зоне р. Семисарта, при выходе к долине более крупной речки Каерлык, в местности называемой Кара-Бом (Черный прижим). При осмотре местонахождения большая часть каменных изделий была собрана в зоне, где терраса смыкается со скалой. В скале была своеобразная выемка, напоминающая остатки небольшого грота. Очень важно, что этот склон имеет южную экспозицию и на протяжении всего дня освещается солнцем. После подъемных сборов материала в зоне наиболее интенсивных находок был заложен раскоп. В результате проведенных работ на стоянке Кара-Бом в общей сложности была собрана коллекция каменных артефактов, состоящая из 5739 экземпляров. Техничко-типологический анализ каменного инвентаря позволил соотнести его с аналогичными комплексами из Усть-Канской пещеры. Эта близость была установлена

по приемам расщепления нуклеусов, широким ножевидным пластинам и последующим изготовлением из них остроконечников, скребел и зубчато-выемчатых орудий. Данные, полученные в результате стратиграфических наблюдений, а также палеонтологические данные позволили А.П. Окладникову предварительно отнести стоянку Кара-Бом по указанным аналогиям к 40–30 тыс. лет назад (Окладников А.П., 1983, с. 5–20). В последующие годы на данном памятнике неоднократно проводились археологические работы с привлечением широкого круга специалистов из разных областей научного знания.

Академик А.П. Окладников впервые поднял в 1966 г. вопрос о заселении Алтая в среднем палеолите при интерпретации найденной О.М. Адаменко у с. Бобково пластины с признаками леваллуазской техники расщепления камня (Окладников А.П., Адаменко О.М., 1966). Несмотря на неоднозначность стратиграфического контекста находки, гипотеза А.П. Окладникова вызвала серьезный резонанс в научной общественности. С одной стороны, бобковская находка подтверждала наблюдения С.И. Руденко, сделанные при анализе комплекса Усть-Канской пещеры (Руденко С.И., 1960), а с другой – часть исследователей последовательно и убежденно отказывались признавать наличие столь древних следов присутствия человека в Северной Азии (Цейтлин С.М., 1974; 1979).

Исследования и публикация материалов пещеры Страшной, содержащих комплекс естественно-научных анализов, включая радиометрические, окончательно подтвердили вхождение региона в ойкумену палеантропов, а также наличие леваллуазской и мустьерской техники утилизации сырья. Страшная вошла в группу опорных мустьерских памятников Алтая, наряду с комплексами верхнего Ануя, Чарыша и Урсула. Однако нельзя сказать то, что даже бесспорные доказательства переломили традиционные представления о позднем заселении человеком Северной Азии. Как пример можно привести цитату из работы В.К. Вистингаузена «Спелеоархеология Алтая», отражающую эти представления: «Из алтайских пещер в настоящее время мустьерскими считаются Усть-Канская, Страшная и Денисова, причем зачастую без сколько-либо развернутой аргументации. Не доказано, что Сибирь входила в область расселения неандертальцев... Облик среднего палеолита Сибири нельзя считать выясненным: не исключено, что он будет немустерским – если исходить из значительного своеобразия сибирского верхнего

палеолита... Леваллуазские черты в индустрии этих памятников бесспорны – но они вообще характерны для верхнего палеолита Сибири... Вероятно, на современном уровне знаний их следует датировать верхним палеолитом, конечно, достаточно ранним его этапом (не моложе 20–25 тыс. лет)» (Вистингаузен В.К., 1982, с. 152–153).

Приведенная точка зрения является, несомненно, компиляционной, так как сам В.К. Вистингаузен не считал себя специалистом по палеолиту. Однако она отражает преобладающее в науке на начало 1980-х гг. мнение о датировке древнейших комплексов региона. В 1980–1990-х гг. исследователи мустьерской эпохи сосредоточили свои усилия на изучении памятников Горного Алтая. Успехи проведенных работ отражены в десятках статей, обобщающих монографиях и защите кандидатских и докторских диссертаций новосибирскими исследователями. Таким образом, не только окончательно доказана мустьерская датировка целого ряда памятников, но и разработана территориально-локальная система распространения различных мустьерских технологических традиций (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1992; Маркин С.В., 1996; Шуньков М.В., 2001).

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Охарактеризованный период изучения палеолита Алтая существенно расширил не только источниковую базу эпохи, но и раздвинул ее хронологические границы. Вокруг древнейших стоянок раннего и среднего палеолита развернулась серьезная научная дискуссия, выявившая как стойких противников древности открытых стоянок, так и их оппонентов, считающих ранние датировки достоверными и обоснованными. Появление новых данных, стратиграфические условия залегания их культурных слоев, классификация индустрии и естественнонаучные обоснования привели к окончательному признанию существования столь ранних свидетельств освоения человеком региона. Стали появляться первые обобщения накопленных сведений, которые сыграли большую роль в систематизации собранных материалов, обобщении опубликованных источников и расширении круга специалистов, владеющих этой информацией. Именно этот процесс подтолкнул и местные научные и краеведческие силы к выявлению новых объектов палеолита в

различных районах Алтая. Немаловажно и то, что стали появляться первые обобщающие работы, предлагающие те или иные сценарии развития палеолитических культур региона и их соотношения с сопредельными территориями. Следует также отметить сложение своеобразных приоритетов исследователей из различных центров в подходе к изучению палеолитических памятников. Вместе с тем наметилась тенденция отставания открытий от их публикации в научной литературе, которое порой включало целые десятилетия.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Составьте хронологическую таблицу открытия памятников палеолитического времени и соотнесите ее с подобными процессами в других регионах Сибири. В чем причина столь долгого скептического отношения к ранним памятникам Алтая?

2. Определите вклад различных исследователей в процесс накопления данных по палеолиту Алтая и достоверность проведенных ими датировок и реконструкций древней истории региона.

3. Сделайте сводку палеолитических памятников и местонахождений, известных к 40-м гг. прошлого века, и определите их расположение на карте.

4. Охарактеризуйте накопленный за рассмотренный период истории изучения палеолита Алтая материал и изменения отношения к нему с середины XIX в. до 1940-х гг.

Раздел III ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТА В 1970–1990-е гг.

3.1. Изучение палеолита Алтая сотрудниками Института археологии СО РАН

Исследовательские работы новосибирских археологов проводятся по определенному алгоритму. В начальный период выбирается для стационарных работ пещерный или «открытый» объект, как правило, многослойный. Производится зондирование толщи рыхлых отложений и определение количества культурных слоев, их датировка и культурная или фациальная принадлежность. В зависимости от этого намечаются многолетние стационарные исследования с привлечением широкого круга специалистов (геологов, палеоморфологов, палинологов, палеонтологов и др.). Поверхность памятника разбивается на квадраты и начинается планомерное изучение литологических горизонтов с обязательной промывкой рыхлых отложений. Параллельно с основными работами осуществляется плотная разведка прилегающей территории с использованием значительного количества шурфов. Именно таким образом в верховьях Ануя зафиксированы многослойные стоянки Ануй-1–3, Усть-Каракол-1 и 2, Карама и многие другие. Подобные трудоемкие стационарные исследования невозможны без сооружения долговременной базы и иной инфраструктуры. С одной стороны, это позволяет досконально и всесторонне исследовать памятники, создать шкалы абсолютной и относительной хронологии, типологические эволюционные ряды, сделать наблюдения над изменением климата, растительного и животного мира. Однако, с другой стороны, сосредоточение основных усилий на этих работах сокращает возможность осуществления более широкого поиска других памятников и сужает возможности региональных реконструкций. По сути дела все выводы, распространяемые на достаточно обширный регион Алтая, строятся на материалах из верховьев Ануя, окрестностей Усть-Канской пещеры и стоянки Кара-Бом. Таким образом, достоверность этих выводов для других регионов сужается из-за локальности источниковой базы. Тем не менее полученные и опубликованные материалы новосибирских исследователей чрезвычайно важны и значимы для изучения палеолита Северной Азии.

Неоценимый вклад в исследование палеолита Алтая внес **Валерий Трофимович Петрин** (1943–2002).

Исследователь проводил как разведочные работы, так и стационарные раскопки пещерных и открытых памятников региона. Целый комплекс памятников был открыт В.Т. Петриным и В.И. Молодиным в окрестностях с. Манжерока: стоянки Черемшанка-1, 2, «113 км», Манжерок-1, 2, Едрала-1–4, Мунушка-1, 2; местонахождения Бирюля-1 и Муны-1 (Молодин В.И., Петрин В.Т., 1985). На стоянке Манжерок-1 в 1979 г. были заложены два раскопа площадью 48 и 20 кв. м, что позволило зафиксировать расположение культурного слоя и соотнести его с материалом стоянки Майма. Манжерок-2 исследован раскопом площадью 106 кв. м. При его исследовании получен представительный комплекс микролитической индустрии раннеголоценового времени (Молодин В.И., Петрин В.Т., 1990). В 1993 г. под руководством В.Т. Петрина был обследован пещерный комплекс, включающий в себя шесть карстовых полостей различного размера (пещера Бийка-I и гроты Бийка-II–VI). Бийка-I и II оказались многослойными памятниками, содержащими культурные горизонты палеолитического и мезолитического времени. В этом же году проводились раскопки на стоянке Кара-Тенеш, расположенной выше по правобережью Катуня. Исследование культурного слоя раннего верхнего палеолита, зафиксированного еще в 1982 г. показало достаточно большую перспективность памятника для дальнейших раскопок, что и было осуществлено позднее (Петрин В.Т., Николаев С.В. и др., 1995). Наиболее интересные материалы получены Валерием Трофимовичем в ходе многолетних исследований стоянки Кара-Бом, расположенной в Онгудайском районе Республики Алтай. Начало изучения этого памятника связано с именем академика А.П. Окладникова. Документирование нескольких культурных горизонтов позднемустьерского и ранневерхнепалеолитического времени, всестороннее исследование их стратиграфии, индустрии, многочисленные естественно-научные определения, включая радиометрическое датирование, позволили В.Т. Петрину обосновать существование особого периода палеолита, переходного от среднего к верхнему палеолиту. Валерий Трофимович именовал этот период «карабомовским пластом». На показательных и чрезвычайно информативных материалах Кара-Бомы были защищены две кандидатские диссертации (Л.М. Чевалков, Е.П. Рыбин). В.Т. Петрин начал в 1984 г. раскопки

пещеры им. А.П. Окладникова, которые были продолжены в последующие годы С.В. Маркиным.

Научное наследие Валерия Трофимовича Петрина представляет собой большое количество статей и монографий, значительная доля которых отражает его исследования на Алтае (Петрин В.Т. Библиография, 2003).

Пещерные палеолитические памятники Алтая. В 1989–1991 гг. были продолжены работы в пещере **Страшная**. Объектом исследования в эти полевые сезоны были выбраны предвходовая площадка и участок за шурфом 1969 г. В результате этих работ было выявлено, что голоценовые слои составляют незначительную часть всех рыхлых отложений в пещере и содержат разновременный археологический материал от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Следующие три горизонта относятся к эпохе верхнего палеолита, содержат изделия из камня и единичные изделия из кости. Орудийный набор представлен скребками различных типов, для которых характерно оформление рабочего края как лицевой, так и брюшковой ретушью, скреблами на массивных отщепах и пластинчатых формах, зубчатыми и выемчатыми орудиями, резцами, долотовидными орудиями и т.д. Для многих пластин характерно наличие фасетированной площадки.

Ниже под верхнепалеолитическими горизонтами залегают слои, в которых встречаются изделия леваллуазского облика. В ходе работ этого периода их было выделено три. Среди материалов этих слоев встречены подтреугольные остроконечники, многие из которых подправлены ретушью, двухплощадные монофронтальные леваллуазские нуклеусы овальной формы, разнообразные скребловидные инструменты. Характерно отсутствие пластинчатых форм. Предварительно эти материалы были отнесены авторами раскопок к эпохе мустье (Деревянко А.П., Зенин А.Н., 1992). В 2005–2006 гг. раскопки памятника были возобновлены.

В 1984 г. началось исследование пещеры **имени академика А.П. Окладникова**. Пещера расположена на окраине с. Сибирячихи Солонешенского района Алтайского края. Первые археологические находки на памятнике были сделаны в 1973 г. В.Д. Луневым, который обнаружил в пещере кости ископаемых животных и остроконечник (Вистингаузен В.К., 1982). Начиная с 1984 и до 1987 г. в пещере проводились исследовательские работы с привлечением

широкого круга как отечественных, так и зарубежных специалистов.

Пещера, имеющая южную экспозицию и обращенная своим входом на широкую долину р. Сибирячихи, представляет собой образование различного рода взаимосвязанных и изолированных полостей. В систему объединяются навес, грот, несколько галерей, а также ряд удаленных от входов залов. В течение всего периода изучения в пещере были проведены геолого-геоморфологические, палеопедологические, палеонтологические, палинологические исследования, реконструкция природного окружения времени осадконакопления, а также сделаны возрастные определения рыхлых отложений.

Среднепалеолитические материалы происходят из слоев 7, 6, 3–1 и насчитывают 3911 кремней. Как отмечают исследователи данной стоянки, особенностью инвентаря является малое количество ядрищ (колебания в различных слоях составляют 0,4–1,0%), радиальных, параллельных и леваллуазских (овальные, треугольные) разновидностей, незначительное количество краевых и полукраевых основ (4,6–12,5%), большой объем мелких сколов отделки (31,2–44,1%) и высокий процент орудий (12,6–22%). Размеры заготовок варьируются в большинстве случаев от 4 до 6 см.

Исходя из общепринятых разграничительных критериев, все материалы пещеры с однородным характером индустрии были помещены авторами раскопок в рамки мустье типичного непластинчатого, нелеваллуазской (слои 6–1) и типологически леваллуазской фации (слой 7). Исследователи пришли к выводу, что пещера использовалась как стоянка длительного пребывания охотников на крупных животных, в основном лошадей, носорогов, бизонов, благородных оленей, аргали. Расщепление сырья производилось где-то на стороне, возможно на берегу реки, а в пещеру приносились лишь заготовки, превращаемые здесь же в орудия. Последние, согласно данным функционального анализа, использовались преимущественно для работы с мягкими материалами (шкуры, мясо). Гораздо меньше предметов обнаружено со следами, характерными для пиления, сверления, строгания и прокалывания.

Кроме каменных артефактов в слоях 7, 3, 2 были обнаружены антропологические материалы – зубы подростков (постоянные моляры и премоляры). Согласно определениям антропологов, обитатели объекта относились к неандертальской линии эволюции и

имели значительное сходство с европейскими и близкими к ним переднеазиатским неандертальцами типа Шанидар-II (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1992).

Денисовая пещера. Расположена на правом берегу Ануя в 5,6 км ниже с. Черный Ануй (Усть-Канский район Республики Алтай) и в 1,5 км ниже по течению Ануя от устья Каракола. Главный вход, открытый на юго-запад, находится на подножье горы Сосновой в 30 м выше уреза реки. В разные годы эта пещера обследовалась Н.К. Рерихом, Б.Х. Кадиковым, А.П. Окладниковым, Н.Д. Оводовым, который заложил на памятнике в 1977 г. шурф, вскрывший голоценовые и плейстоценовые слои. Кроме костей ископаемых животных, исследователь обнаружил представительную коллекцию каменных изделий, часть которых имела выразительные признаки среднепалеолитической леваллуазской техники расщепления камня. С 1982 г. на памятнике новосибирскими учеными проводятся стационарные исследования, продолжающиеся до настоящего времени. Всего на памятнике зафиксировано 22 культурных слоя. Наиболее ранними считаются 22 и 21 разреза центральной камеры Денисовой пещеры. Две ТЛ-даты, полученные по образцам из нижней половины вскрытого осадка слоя 22 (282 ± 56 тыс. лет (ТЛ-15-ДП)) и его кровли (224 ± 45 тыс. лет (ТЛ-14-ДП)), соответствуют времени среднего плейстоцена Горного Алтая. Первая дата коррелирует с выделенными здесь палиноспектрами межледниковой растительности с участием широколиственных пород, вторая – с палиноспектрами растительности времени оледенения. Остатки фауны принадлежат представителям горно-степного, лесного обитания и интронзональным видам животных.

Даты, установленные по гуминовым кислотам (более 37,400 (СОАН2488) и $39,390 \pm 1310$ (СОАН-2499)), признаются исполнителями ненадежными. Более соответствует положению слоя в разрезе ТЛ-датировка (155 ± 31 тыс. лет (ТЛ-13-ДП)), приходящаяся на потепление в пределах рисса (Деревянко А.П., 1996). Индустрия слоя 22 из многослойного разреза Денисовой пещеры выглядит весьма развитой, со сложившимися признаками площадочного и леваллуазского расщепления, разнообразными орудиями на отщепках. Среди последних доминируют скребла простые продольные, с центральной и противоположной ретушью. Гораздо меньше острокопечников, включая леваллуазские острия, ножей с естественными обушками, анкошей, клювовидных, зубчатых и транкированных орудий. Есть и поперечный резец.

Материалы слоя 21 менее многочисленны. Нуклеусы шаровидные, радиальные, близкие к пирамидальным разновидностям, одноплощадочные параллельные. Из орудий на отщепах выделяются поперечные скребла, нож с обушком, орудие с черенком. Галечная форма классифицируется как чоппер с выпуклым широким лезвием.

Выше по шкале хронологии расположены индустрии с признаками мустье. Наиболее ранними в этом интервале являются материалы слоев 10–9 предвходовой площадки Денисовой и слои 20а–12 центральной камеры. По совокупности данных с учетом биостратиграфических показателей исследователи рассматривают мустье слоя 10 и подошвы слоя 9 в хронологическом интервале 80–15 тыс. лет, что, впрочем, не совсем соответствует измерению кровли слоя 10 в значении 66 ± 16 тыс. лет (ТЛ-9-ДП) (Деревянко А.П., Шуньков М.В. и др., 1992). Переходным от среднего к верхнему палеолиту является слой 7, 5-й и 6-й содержат верхнепалеолитический материал с большим количеством костяных орудий и украшений.

Каминная пещера расположена в 28 км юго-западнее пос. Черный Ануй Усть-Канского района Республики Алтай в долине руч. Пещерского, левого притока Каракола, впадающего в Ануй.

Первое зондирование полости пещеры было проведено в 1982 г., а этап стационарного изучения приходится на период 1984–1990 гг. За это время в пещере была установлена многослойность археологических материалов, занимающих интервал в археологической периодизации от эпохи мустье в финальной стадии ее развития до этнографической современности (Деревянко А.П., Гричан Ю.В., 1990.) За весь период полевых работ оказались разработанными по большей части голоценовые осадки внутренней, за капельной линией полости, половина предвходовой площадки и склона, примыкающей к ней. В 1994 г. исследования стоянки были возобновлены и продолжаются под руководством С.В. Маркина до настоящего времени.

Пещера Каминная представляет собой галерейный образец карстовой полости, в устьевой части которой наблюдается расширение в виде грота, образующее центральную камеру. Высота свода над капельной линией 5,5 м, ширина входного отверстия – 17 м. По описаниям исследователей, артефакты в виде расщепленного кремня и единичных образцов обработанной кости встречены в разных

объемах по всему разрезу плейстоценовых осадков, исключая горизонты обвалов. Петрографический анализ изделий свидетельствует об использовании древнейшим населением местных пород. В материалах всех слоев пещерных отложений были зафиксированы признаки верхнепалеолитической типологии и техники раскалывания: призматическое расщепление горных пород, включая микропластинчатые технологии; скребки, редкие резцы, проколки, необычные долотовидные формы изделий, отщепы и пластины с ретушью, зубчатые орудия и анкоши. Практически из всех слоев происходят образцы пластинок с притупленным краем и микропластинки. Если последние в основании разреза единичны и маловыразительны, то в вышележащих отложениях узкие длинные основы с параллельными краями и гранями становятся обычной и неотъемлемой частью коллекции. Их сопровождают технические сколы, снятые с торцовых ядрищ. Особенно показательны крутоизогнутые, естественно заостренные снятия, удалившие часть рабочей поверхности нуклеуса, реберчатые узкие пластинки и сколы оживления отбивных площадок, запечатлевшие устьевые поверхности негативов на плоскости расщепления. В слое 11б примечательна находка листовидного бифаса. Из костяных орудий отмечены иглы овального и округлого сечения, их обломки, фрагменты орудий с уплощенным основанием, а также резец сурка с многочисленными параллельными нарезками (слой 11б).

В большинстве своем все эти итоги предварительны, так работы на данном объекте не завершены, и их продолжение позволит специалистам подтвердить и расширить существующие на сегодняшний день предположения.

Пещера **Искра** (Искринская 1) расположена на правом берегу Ануя на северо-восточной окраине с. Искра Солонешенского района Алтайского края. Вход, обращенный на юг, находится в 10 м выше уреза Ануя. Объект исследован С.В. Маркиным на площади 17 кв. м. Рыхлая толща мощностью 3 м содержит пять культурных слоев (пятый культурный слой подразделен на горизонты 5а и 5б). Наиболее ранние слои содержат материал конца палеолитического времени и мезолитического облика с большим количеством микролитического пластинчатого инвентаря (Деревянко А.П., Барышников Г.Я., Маркин С.В., Феденева И.К., 1995; Ефремов С.А., 2005).

Малояломанская пещера расположена на левом берегу Мал. Яломана, в 12 км выше одноименного поселка, расположенного в

месте слияния реки с Катунью. Выход открыт на юго-восток в 30 м выше уреза реки. В 1986 г. Н.Д. Оводовым при участии А.М. Малолетко, Г.Я. Барышникова и В.А. Панычева был заложен шурф, зафиксировавший культурный слой, а в 1988 г. В.Т. Петрин вскрыл 45 кв. м площади памятника. Зафиксированный культурный слой относится к раннему верхнему палеолиту и содержит каменную индустрию с выразительными леваллуазскими рудиментами (Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1989).

Изучение открытых палеолитических памятников. В 1977–1979 гг. Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской экспедиции под общим руководством А.П. Окладникова провел обследование отрезка долины Катунь между Горно-Алтайском и Усть-Семой (правый берег), в ходе которого были зафиксированы новые памятники каменного века – Манжерок-1 и 2, Едрала-1, 2, 3 и 4, Черемшанка-1, 2; Муны-1, Мунушка-1, Бирюля-1 (обследована стоянка, открытая в 1976 г. С.С. Зяблицким). Эти исследования входили в контекст развернутого изучения каменного века Горного Алтая новосибирскими археологами. Основные памятники, выбранные ими для стационарного исследования их как геoarхеологических объектов, расположены в различных районах Горного Алтая: Кара-Тенеш, Бийкенский пещерный комплекс, долины верхнего и среднего Ануя, Центральный Алтай.

Карам. Наиболее интересным открытием последних лет стало исследование раннепалеолитической стоянки Карам, расположенной в долине Ануя в 14 км ниже по течению от Денисовой пещеры. Датирование нижних культурных слоев памятника определено в 300–400 тыс. лет, что доказывает заселение региона популяциями *Homo erectus*, пришедшими, по мнению А.П. Деревянко, с первой миграционной волной с территории Африки. В нескольких раскопах на площади стоянки выявлены три культуросодержащих раннеплейстоценовых горизонта (Деревянко А.П. и др., 2003; 2005; Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2005). Наиболее ранние комплексы Карамы содержат изделия достаточно примитивной галечной доашельской индустрии (чопперы, скребла, изделия «с носиком», выемчатые и клювовидные орудия). Исследователи особо выделяют группу галечных орудий высокой формы с отвесной обивкой рабочего края, близкие по морфологии нуклевидным скребкам раннего палеолита Восточной Африки, а также дошелльских и шелльских комплексов Олдувая. «На сегодняшний день в результате пятилет-

них комплексных исследований на стоянке Карам в четких стратиграфических условиях зафиксирована культурная последовательность из нескольких горизонтов обитания раннепалеолитического человека с достаточно выразительной галечной индустрией, возраст которой предварительно определен в диапазоне 400–800 тыс. лет. Два наиболее древних культурных горизонта стоянки связаны, скорее всего, с нижней хронологической границей этого интервала» (Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2005, с. 99).

Усть-Каракол 1. Палеолитическая стоянка Усть-Каракол расположена в 2 км выше по течению Ануя от Денисовой пещеры. Первые сведения о характере палеолитических материалов и литологическом строении разреза стоянки Усть-Каракол получены в результате работ 1986 г. Площадь вскрытых отложений составила 120 кв. м (раскоп 1), максимальная мощность разреза – 4,95 м. В процессе раскопок было выявлено девять литологических подразделений плейстоценового времени и установлено три уровня палеолитического материала. В верхнем палеолитическом горизонте был обнаружен немногочисленный материал, состоящий из единичных нуклеусов, небольшой группы сколов и нескольких орудий (3 скребла, скребок, пластина с ретушью и чоппер). Основное количество артефактов было получено из среднего палеолитического горизонта стоянки. Среди изделий следует отметить нуклеусы с негативами пластинчатых снятий на торцевой плоскости, серию овальных бифасов и крупных ретушированных пластин. В подошве этого слоя обнаружено три углубленных в древнюю поверхность очага овальной формы. Образцы древесного угля из очагов позволили провести радиоуглеродное измерение возраста среднего культурного горизонта – 29990 ± 2070 лет (ИГАН-837) и 31410 ± 1160 лет (СОАН-2515). Нижний уровень находок содержал шесть каменных предметов мустьерского облика – два леваллуазских остроконечника, листовидный бифас и три отщепа.

Второй этап изучения стоянки связан с работами 1993–1997 гг. На этом этапе были существенно дополнены сведения о строении, возрасте и археологической насыщенности местного комплекса плейстоценовых отложений. Раскоп 2 общей площадью 250 кв. м вскрыл толщу плейстоценовых отложений мощностью до 6,5 м. В результате работ в плейстоценовых отложениях разреза было выявлено 20 уровней обитания палеолитического человека: в слоях 8, 9А, 9Б, 9В, 10, 11А, 11Б, 11В залегал верхнепалеолитиче-

ский комплекс находок; в слоях 13–17, 18А, 18Б был зафиксирован материал мустьерского облика; с отложениями слоя 19А были связаны артефакты раннего палеолита. При анализе археологического материала было установлено, что исходным сырьем для каменной индустрии стоянки являлся обломочный материал из русловых галечников рек Ануя и Каракола. В основном использовались осадочные (около 50% расщепленного камня), среди которых преобладали алевролиты (30%). Приблизительно 40% артефактов изготовлено из палеотипичных эффузивов риолитового и дацитого состава и около 10% изделий приходится на роговики, яшмоиды и жильный кварц. Наиболее древний уровень палеолитических находок связан с песчано-суглинистыми осадками слоя 19А. Из этих отложений была получена небольшая коллекция из 49 артефактов, в том числе 26 орудий, представленных скреблами с продольным расположением лезвий, концевым скребком, шиповидными остриями, зубчатыми и выемчатыми формами с клетонскими и ретушированными анкошами, тронкированным сколом и отщепами с локальной ретушью. По замечанию исследователей, в целом индустрия этого слоя выглядит достаточно архаичной и не обнаруживает каких-либо заметных связей с мустьерскими индустриями вышележащих слоев. Учитывая эти обстоятельства, а также среднеплейстоценовый возраст вмещающих отложений, авторы раскопок отнесли этот комплекс артефактов к эпохе раннего палеолита.

Археологический материал мустьерского облика в ходе работ был зафиксирован в пачке темноцветных пойменных суглинков и глин (слои 18А и 18Б) и в толще слоистых плотных суглинков (слои 17–13) ермаковского времени. Наиболее выразительный компонент в составе мустьерских индустрий представляют леваллуазские формы изделий. К ним относятся образцы монофронтальных одно- и двухплощадочных нуклеусов с негативами треугольных и пластинчатых снятий, собственно остроконечники, пластины и отщепы леваллуа, а также леваллуазские сколы, модифицированные ретушью и анкошами. Остальную часть инвентаря составляют скребла с продольным расположением лезвий, боковые скребки, угловые резцы, ножи с естественным обушком и обушком-гранью, шиповидные и клювовидные острия, зубчатые, выемчатые, тронкированные и комбинированные формы, пластины и отщепы с ретушью.

В слоях с 11В по 2 были обнажены артефакты, относящиеся к различным этапам верхнего палеолита. Как отмечают исследователи, для группы каменных артефактов, отнесенных ими к ранней стадии верхнего палеолита, характерно параллельное расщепление, направленное на получение удлиненных заготовок с одно- и двухплощадочных нуклеусов, среди которых имеются образцы призматических и конусовидных форм. Важной чертой этого технокомплекса авторы раскопок отмечают распространение приемов микропластинчатого расщепления. В составе инвентаря присутствуют нуклеусы клиновидных форм, скребки типа «карене» и небольшая серия микропластин. Среди орудий преобладают скребла, скребки и зубчато-выемчатые формы. Другие категории инвентаря представлены остроконечниками и проколками, остриями и резцами, ножами и долотовидными орудиями, крупными ретушированными пластинами и микропластинами с притупленным краем.

К находкам среднего этапа верхнего палеолита относятся 38 артефактов, в том числе шесть орудий: массивное скребло из расщепленной гальки с вогнутым рабочим краем, нож с реберчатым обушком, шиповидное острие, крупная пластина с ретушированной выемкой и два отщеп с локальной ретушью.

К заключительной стадии верхнего палеолита была отнесена коллекция каменных артефактов (162 экз.) из слоев 4–2, включавшая нуклеусы, выполненные в системе параллельного скалывания, небольшие серии продольных скребел, концевых и боковых скребков, плоских и срединных резцов, ножей с реберчатым обушком, шиповидных острий, выемчатых изделий, ретушированных отщепов и пластин.

Проведенные исследования позволили авторам раскопок сделать вывод о том, что артефакты находились в отложениях разреза в положении *in situ*. Это утверждение подтверждает и обнаружение двух овальных очагов простой конструкции, погруженных в древнюю поверхность слоя 10, и семи кострищ с размытым контуром углистого пятна из слоев 5, 9Б, 9В и 13. Показателем неперемещенного состояния находок в нижней части разреза ученые склонны считать скопление находок в слое 18А, где были обнаружены рабочая площадка мустьерского мастера с каменной наковальней, окруженной соединяющимися между собой леваллуазскими сколами и нуклеусами.

Ануй-1. Стоянка находится в 380 м к юго-западу от Денисовой пещеры. Обнаружена в 1983 г. А.П. Деревянко и С.В. Маркиным. Раскопом площадью более 72 кв. м вскрыта толща рыхлых отложений на глубину 6 м и зафиксировано три культурных слоя. Нижний культурный слой относится к мустьерскому времени и содержит материалы, выполненные в леваллуазской и мустьерской традициях, а также двустороннеобработанные орудия. Средний горизонт относится к верхнепалеолитическому времени, верхний – к раннеголоценовому.

Ануй-2. Стоянка находится в 70 м от Денисовой пещеры у подножия правобережного склона долины Ануя. Обнаружена в 1987 г. геологом С.В. Николаевым. Археологическое изучение началось в 1988 г. на площади раскопа в 35 кв. м, в разрезе вскрытых отложений мощностью до 5 м было выделено девять литологических слоев, два из которых (слои 5 и 6) содержали верхнепалеолитический материал. В верхнем горизонте было обнаружено 146 каменных артефактов, в том числе 9 нуклеусов, 5 скребел и 4 скребка. Основное количество находок (891 экз.) получено из второго культурного горизонта. В коллекцию входили одно- и двухплощадные ядрища, скребла и скребки, долотовидные и клювовидные формы, зубчатые и выемчатые орудия, чоппер, ретушированные отщепы и пластины.

В 1990–1991 гг. площадь раскопа была увеличена на 79 кв. м, по мере расширения раскопа в глубь склона мощность разреза возросла до 6,5 м, соответственно увеличилось общее количество литологических подразделений, в том числе включающих палеолитический материал. Новый разрез включает 15 основных литологических подразделений. В литологических слоях 8–13 зафиксировано 12 горизонтов залегания археологического материала эпохи верхнего палеолита. Все горизонты палеолитических находок отделены друг от друга стерильными в археологическом отношении прослойками мощностью до 10 см. Характерной чертой археологических горизонтов, отражающей общее положение находок как *in situ*, являются остатки кострищ различной структуры и степени сохранности. Основным источником сырья для каменной индустрии стоянки служила галька из русловых отложений Ануя. Общая коллекция каменных артефактов стоянки составляет более 15 тыс. экземпляров. Основная часть находок (99,2%) получена из семи нижних уровней обитания (археологические горизонты 6–12). Мате-

риалы этих горизонтов находятся в достаточно узком хронологическом интервале последней четверти верхнего плейстоцена, имеют однородный технико-типологический облик и рассматриваются как единый палеолитический комплекс.

Наиболее выразительной чертой каменного инвентаря, по мнению авторов раскопок, отражающей его специфику среди других алтайских комплексов конца каргинского – начала сартанского времени, является небольшой, но морфологически четко обозначенный набор микроизделий. Типологически выраженный микроинвентарь дополняют не менее яркие образцы микрорасщепления – небольшие нуклеусы с негативами параллельных сколов и соответствующая им серия микропластин параллельной огранки. Среди других характерных особенностей индустрии было отмечено широкое использование приемов торцового расщепления и относительно высокое значение (21,5%) орудий на пластинах. Археологический возраст данного технокомплекса, согласно хронометрическим показателям вмещающих отложений, был определен исследователями средним этапом верхнего палеолита.

Ануй-3. Стоянка расположена в 0,5 км выше Денисовой пещеры и в 1,3 км ниже устья Каракола. Раскопом вскрыта 6-метровая толща рыхлых отложений, наложенных на галечные аллювиальные толщи, датирующиеся временем 200 тыс. лет назад. Зафиксировано 10 культурных слоев. Четыре нижних слоя относятся к мустьерскому времени и содержат материалы мустьерского облика, в том числе листовидные бифасы. Верхние горизонты содержат комплексы индустрий позднепалеолитического времени (Шуныхов М.В., 2001).

Памятником мустьерской эпохи, исследованным в 1978 и 1980 гг., является Тюмечинский комплекс, включающий местонахождения **Тюмечин-1, 2, 4**. Данный комплекс памятников расположен в центральной части Алтая на правом берегу Урсула, в 2 км северо-восточнее точки слияния ее истоков – рек Каерлык и Ело, и открыт В.А. Посредниковым и В.Д. Славниным в 1976 г. Изучение **Тюмечин-1** проходило в 1978 и 1980 гг., когда раскопками были вскрыты отложения террасовидного уступа общей площадью 50 кв. м. В результате анализа индустрии памятника исследователями были сделаны следующие выводы. Каменная индустрия местонахождения Тюмечин-1 базировалась на местном сырье. Основным материалом служили гальки кварц-хлоритового сланца,

обильно встречающиеся в русловых отложениях Урсула. Наибольший удельный вес в орудийном наборе имеет мустьерская группа, в которой ведущая роль принадлежит скреблам. Второй по значению является группа леваллуазских изделий. Высокий показатель в количественном распределении обработанных форм у зубчато-выемчатых орудий. Двусторонне обработанные орудия имеют среднее значение в типологическом списке. Ашельские и верхнепалеолитические формы не оказали заметного влияния на типологический облик индустрии. Основные типологические показатели индустрии характеризуют ее как мустье типичное, обогащенное скреблами, с хорошо выраженными леваллуазскими и зубчато-выемчатыми компонентами, с небольшой долей двусторонне обработанных орудий и присутствием единичных ашельских и верхнепалеолитических форм.

В целом автор раскопок М.В. Шуньков пишет о развитом мустьерском облике каменной индустрии местонахождения Тюмечин-1, отмечая при этом, что каких-либо явных археологических доказательств ее раннего или позднего возраста в рамках мустьерской эпохи не было прослежено.

Местонахождение **Тюмечин-2** расположено в 2 км восточнее местонахождения Тюмечин-1, при выходе в долину р. Урсула ее правого притока руч. Тюмечин. Первый палеолитический материал был получен из разведочного шурфа 1978 г. В 1979 г. отложения, вмещающие культурные остатки, были вскрыты раскопом на площади 50 кв. м. Из раскопа в результате работ была получена коллекция из 332 предметов: 10 нуклеусов и 2 нуклеидных изделия в начальной стадии обработки, 12 галек со следами расщепления, 222 отщепа и пластины, 24 обломка, 62 орудия. Орудийный набор индустрии, по заключению авторов раскопок, включает 10 скребел (5 продольных, 3 поперечных, 2 угловатых), 13 выемчатых и 14 зубчатых форм, 4 клювовидных острия, 2 долотовидных изделия, отщеп с дорсальной ретушью, фрагмент пластины с двусторонней обработкой, 7 сколов с эпизодической (прерывистой) ретушью, 8 чоппингов, комбинированную форму и бифас. При более детальном анализе предметного комплекса специалисты отнесли его к варианту мустье зубчатого, обогащенного двусторонне обработанными орудиями, с заметной долей скребел, включающей отдельные шарантские элементы. Однако, подчеркивают они, вопрос о хронологической позиции индустрии в рамках мустьерской эпохи

остаётся открытым до появления возможности проведения культурно-хронологической корреляции с однотипными, четко стратифицированными комплексами региона.

Местонахождение **Тюмечин-4** находится на расстоянии 1,2 км восточнее местонахождения Тюмечин-1, на правом берегу долины руч. Тюмечин. Первые палеолитические находки на местонахождении зафиксированы в 1981 г. в разведочных шурфах, общей площадью 12 кв. м. Основные исследования проводились в 1983 г. на площади раскопа в 100 кв. м. В 1990 г. с целью уточнения стратиграфического положения артефактов и отбора образцов для аналитической характеристики разреза к северной стенке раскопа был прирезан новый участок в 10 кв. м. В результате стратиграфических исследований было установлено, что залегающий в нижней части слоя 5 палеолитический материал находится в переложном состоянии. Артефакты имеют различную степень сохранности. В коллекции имеются изделия различной степени сохранности обработанных поверхностей. Техничко-типологические свойства артефактов позволили рассматривать всю совокупность находок как морфологически однородный комплекс, в целом отвечающий ранней поре верхнего палеолита.

Стратиграфическое положение культуросодержащего слоя позволило исследователям предположить, что наиболее вероятное время переложения находок находится в диапазоне 20–25 тыс. лет. В настоящее время эта дата является пока единственным репером для оценки их геологического возраста. Уточнение возраста культурных остатков Тюмечина-4 прежде всего связано с проблемой выделения в досартанское время климатических периодов активации эоловых процессов, сформировавших корродированные поверхности артефактов. Однако в настоящее время эта проблема для палеолита Горного Алтая практически не разработана, недостаточно и собственно фактических данных. За все периоды изучения памятника было собрана коллекция каменного инвентаря, состоящая из 485 экз. В состав каменной индустрии входят 17 пластин, 264 отщепа, 3 технических скола, 145 обломков, 56 орудий. Нуклеусы и нуклеидные изделия в коллекции отсутствуют. Несмотря на отсутствие в коллекции нуклеусов, авторы исследования пришли к выводу о преобладании в индустрии техники параллельного расщепления, основным продуктом которой являлся средний отщеп средних размеров, снятый, как правило, с одноплощадочного нук-

леуса без специальной подправки ударной площадки. Набор орудий включает леваллуазский ретушированный остроконечник, 3 скребла и скребок-нож с естественным обушком, 14 скребков, комбинированный резец, резчик, 6 шиповидных острий, 10 выемчатых орудий с ретушированными анкошами, долотовидное орудие, 10 сколов с прерывистой ретушью, 2 комбинированные формы, сочетающие рабочие элементы скребка и резчика, 7 бифасов и незаконченное изделие. Разная степень сохранности обработанных поверхностей артефактов, по мнению авторов раскопок, указывает на присутствие в коллекции остатков нескольких самостоятельных культурных комплексов. Это обстоятельство затрудняет определение характера существовавших на этом месте древних поселений. Такие особенности индустрии Тюмечин-4, как отсутствие нуклеусов, малочисленность краевых и полукраевых сколов, преобладание в составе бифасов их базальных частей, характерны для стоянок типа временных охотничьих лагерей. Однако эти показатели плохо согласуются с относительно небольшим общим количеством орудий (11,5%) в составе каменного инвентаря индустрии. Также было отмечено, что смешанный облик каменной индустрии Тюмечин-4 затрудняет ее сопоставление с другими палеолитическими комплексами региона. В целом индустрия стоянки наиболее близка материалам ранней поры верхнего палеолита многослойной стоянки Усть-Каракол-1 на северо-западе Горного Алтая. Наиболее отчетливо это сходство прослеживается в морфологии концевых скребков на пластинах, скребков высокой формы и бифасиальных изделий.

По заявлению ученых, индивидуальный облик индустрии Тюмечин-4 придает серия листовидных бифасов. Традиция двусторонней обработки камня достаточно часто встречается в палеолитических технокомплексах Алтая. Среди материалов, наиболее близких Тюмечину-4 в хронологическом и территориальном плане, отмечаются листовидный бифас из позднепалеолитической части коллекции Усть-Канской пещеры (Шуныков М.В., 1990) и экземпляр асимметричного бифаса из нестратифицированного участка стоянки Кара-Бом (Окладников А.П., 1983). Вместе с тем коллекция бифасиальных изделий местонахождения Тюмечин-4 является в настоящее время наиболее представительной в палеолите Алтая.

После перерыва были возобновлены начатые ранее исследования на стоянке **Кара-Бом**. Работы проводились палеолитическим

отрядом Северо-азиатской комплексной археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под руководством академика А.П. Деревянко и В.Т. Петрина с 1987 по 1993 г. включительно. За это время на памятнике, помимо собственно археологических исследований, были исследованы несколько разрезов с использованием минералогических, термических, спектрального и геохимического анализов. С.К. Васильевым были сделаны определения обнаруженных здесь костных остатков животных, что позволило исследователям прийти к выводу о том, что состав фауны млекопитающих принципиально не менялся в истории Кара-Бома и был представлен преимущественно степными и горными видами. Кроме того, для памятника радиоуглеродным и ЭПР методами был сделан ряд абсолютных дат. В ходе раскопок на стоянке были выявлены два мустьерских горизонта и шесть позднепалеолитических уровней обитания, охватывающих хронологический промежуток примерно в 20 тыс. лет. По мнению авторов раскопок, развитие каменной индустрии стоянки воспринимается как единая эволюционная линия, прослеживаемая как на уровне первичного расщепления, так и на уровне орудийного набора. Тем не менее авторы выделяют два культурно-хронологических индустриальных комплекса – комплексы «А» и «Б». Комплекс «Б» был соотнесен ими с индустриальным комплексом мустьерских горизонтов 1 и 2 и датирован приблизительно 60–45 тыс. лет назад. Комплекс «А», по их мнению, включает в себя каменную индустрию позднепалеолитических уровней обитания 6–1 с последовательно расположенными датировками от 45 до 30 тыс. лет назад.

Анализ данных, касающихся каменной индустрии, позволил исследователям выявить ряд факторов, объясняющих столь длительное проживание человека на месте стоянки, а также провести аналогии с другими известными на данный момент памятниками Алтая. Так, среди факторов были названы: наличие пищевых ресурсов, качественного сырья для изготовления орудий и комфортность условий обитания. Говоря об аналогиях с другими памятниками, отмечалось следующее. Компонент «А» (мустьерские горизонты) находит наибольшие соответствия в материалах Усть-Канской палеолитической стоянки. Компонент «Б» в каменной индустрии стоянки Кара-Бом, определяемый как позднепалеолитический («карабомовский») пласт, значительную близость обнаружи-

вает в индустриях стоянок Кара-Тенеш на средней Катунь, Усть-Каракол, в пещерах Страшной и Денисовой.

Таким образом, благодаря масштабности проведенным на памятнике исследованиям в распоряжении специалистов-археологов оказался один из наиболее информативных памятников в пределах Северной Азии на рубеже мустье и начальной стадии позднего палеолита.

В 1982 г., а затем в 1993–1994 гг. на стоянке **Кара-Тенеш** под руководством В.Т. Петрина были проведены работы по уточнению стратиграфии. Коллекция каменных артефактов из палеолитического слоя стоянки насчитывает 1297 предметов. В качестве исходного сырья в основном использовался слитнокристаллический роговик высокого качества, который широко представлен в окрестностях как в плитках, так и в галечных формах. Что касается функциональной принадлежности памятника, то структура комплекса однозначно говорит о том, что зафиксированные культурные остатки являются следами сезонной, по всей видимости, охотничьей стоянки. Малое количество нуклеусов (которые слабо соотносятся с большинством имеющихся сколов), фактически полное отсутствие сколов их оформления и переоформления позволяют сделать вывод о том, что процесс первичного расщепления имел место вне данного памятника. Большой процент осколков и чешуек (45,26% от общего количества каменных артефактов) говорит о том, что одним из основных видов деятельности на памятнике было изготовление орудий из импортированных заготовок (преимущественно крупных широких пластин) и их использование. В пользу охотничьего характера стоянки свидетельствует сам набор типов орудий (большое количество пластин с утилизационной ретушью продольных краев, использовавшихся в качестве режущих инструментов, наличие остроконечников и т.д.). Учитывая функциональную специфику стоянки, проводить какие-либо аналогии, по мнению авторов раскопок, достаточно сложно, так как памятников подобного типа на территории Южной Сибири зафиксировано мало. Тем не менее они считают, что по своим основным параметрам индустрия стоянки Кара-Тенеш генетически близка комплексу стоянки Кара-Бом. Например, остроконечники со стоянки Кара-Тенеш находят полную аналогию с подобными изделиями, обнаруженными в шестом уровне обитания (ранний верхний палеолит) Кара-Бомы и

в палеолитическом слое Малоляломанской пещеры, имеющем датировку в 33350 ± 1145 л.н. Кроме того, эти стоянки близки друг другу территориально. Абсолютные аналогии ретушированным пластинам рассматриваемой стоянки как по сырью, так и по типу заготовки и ее вторичной обработке известны в пещерном комплексе Бийка-II, также расположенному в бассейне Катуня. В этом случае крайне близкая дислокация памятников позволила ученым предположить, что их посещала одна и та же человеческая популяция.

Вместе с тем исследователи отмечают, что индустрия стоянки Кара-Тенеш обладает достаточной индивидуальностью, которая не может быть объяснена лишь функциональной спецификой, что вследствие этого ставит ее несколько обоснованно от известных на сегодняшний день памятников «карабумовского» типа. Также они считают возможным говорить о формировании на общей позднемустьерской основе несколько самостоятельных, хотя во многом и схожих, особенно на начальном этапе, вариантов раннего верхнего палеолита Южной Сибири, имевшем место во время около 30–35 тыс. л.н. По мнению специалистов, это было обусловлено большим адаптационным потенциалом складывающихся верхнепалеолитических индустрий по сравнению с предшествующей мустьерской технологией.

Полтора десятка памятников, открытых В.Д. Кубаревым в 1970-х гг., исследовано новосибирскими археологами в **Чуйской котловине**. Особенности образования покровных отложений данного региона способствовали тому, что большая часть объектов относится к памятникам с поверхностным залеганием слоя. Ряд объектов (Торгун, Бигдон) квалифицированы как мастерские с полным циклом обработки горных пород вблизи выхода сырья. Индустрия «нестратифицированных» палеолитических «Чуйских» памятников (Торгун, Бигдон, Барбургазы, Куэхтанар, Молталу, Чаганбургазы и др.) имеет слабое дефлирование поверхности. Индустрия, по мнению С.В. Маркина и А.П. Деревянко, относится к верхнепалеолитическому времени и тяготеет по своим характеристикам к памятникам аридных зон Монголии (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1987). К стратифицированным памятникам Чуйской котловины относятся две стоянки, расположенные на границе с Монголией, – Юстыд-I и II. Они исследованы небольшими раскопками площадью соответственно 60 и 15 кв. м. Материалы имеют

позднепалеолитический-мезолитический облик и отличаются от «поверхностных» стоянок микролитойностью инвентаря и большим количеством призматических пластин (Кунгуров А.Л., 1993).

Нельзя не отметить и работы археологов из Горно-Алтайска, прежде всего **Льва Мирославовича Чевалкова**, который закончил аспирантуру А.П. Деревянко и достаточно долго работал совместно с новосибирскими исследователями палеолита. Его разведочные работы привели к открытию нескольких палеолитических памятников в долине Катуня (Эдиган-III, IV и V, Чичке, Бешпельтир-1, Кайонок), в северо-восточных районах Алтая (Ынырга-I и II) (Чевалков Л.М., 2002). На некоторых стоянках проводились небольшие рекогносцировочные раскопки (Чевалков Л.М., 1986, 1990; 1994), Отдельные палеолитические памятники находили также А.С. Суразаков, В.И. Соенов, С.М. Киреев, В.Н. Елин.

3.2. Открытие и исследование палеолитических памятников археологами Алтайского государственного университета

Традиционно сложилось так, что каменный век предалтайской части Западной Сибири (Предалтай) и, отчасти, долина средней и нижней Катуня стали «зоной интересов» Барнаульской археологической школы, сформировавшейся в Алтайском государственном университете при участии В.Д. Славнина, В.А. Посредникова, А.С. Шемякиной, А.П. Уманского. Окончательное формирование территории изучения и круга исследовательских проблем произошло после создания с приездом в Барнаул Ю.Ф. Кирюшина хоздоговорной Лаборатории археологии и этнографии Алтая в 1978 г. Хоздоговорные работы по исследованию аварийных археологических объектов, среди которых оказывались и открытые в прошлые годы палеолитические и мезолитические стоянки, плановые научные тематические исследования, археологические учебные практики, картографирование и паспортизация археологического наследия Алтайского края способствовали сложению на базе хоздоговорной лаборатории целого спектра подразделений. Прежде всего это образование кафедры археологии, этнографии и источниковедения (зав. кафедрой Ю.Ф. Кирюшин), НИИ гуманитарных исследований (директор А.Б. Шамшин, позже В.П. Семибратов), Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАиЭт СО

РАН (руководитель Ю.Ф. Кирюшин), кабинет антропологии АГУ им. А.Р. Кима (заведующая С.С. Тур), Музей антропологии и этнографии Алтая. Изучение каменного века Предалтая и долины Катунь вышло на новый уровень, который можно рассматривать как следующий этап исследования с начала 1980-х гг.

На наш взгляд, этот этап изучения каменного века Предалтая в АлтГУ следует структурировать по определенным геолого-геоморфологическим зонам, традиционным для естественно-научного районирования Предалтайской части Западно-Сибирской низменности. Основные регионы, согласно принятому расчленению Предалтая, следующие: Предалтайская равнина (северный фас Алтайских гор, включая долину Катунь до устья Тыткескени и с. Еланда); Горная Шория (юго-западный отроги); Салаир (юго-западные отроги), Приобское плато, Рудный Алтай.

Предалтайская равнина и долина среднего и нижнего течения Катунь – наиболее исследованная часть Предалтая, так как именно здесь проводили свои работы М.Д. Копытов, Г.П. Сосновский, а затем сотрудники БКМ.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. сотрудниками АлтГУ осмотрены все памятники, которые можно было идентифицировать по опубликованным данным и сведениям из архива Бийского музея. Для достижения поставленной цели большую роль сыграли неоценимые советы Б.Х. Кадикова, который не только охарактеризовал места расположения палеолитических памятников, открытых в 1930-е гг., но и поделился своими предположениями о перспективных для поиска новых стоянок территорий. Многие из его советов позволили действительно зафиксировать не только новые стоянки, но и целые комплексы разновременных памятников, в том числе многослойных. К сожалению, значительная часть стоянок около сел Одинцовка, Фоминское, Савиново, Акутиха оказалась полностью разрушенными природными и антропогенными факторами, некоторые стоянки, в том числе Иткуль и Нижнеенисейская, на современном уровне знаний не могут быть датированы ни палеолитическим, ни даже мезолитическим временем. Фоминская стоянка М.Д. Копытова, в силу неточности его географических привязок, до сих пор не обнаружена, хотя предположительное место ее расположения известно.

Обследованы и картографированы известные стоянки Стан-Бехтемир, Красная Гора, локализованы четыре разрушенных сто-

янки в устье Чемровки (окрестности Фоминского), Чебашихинская гора, Усть-Иша-3. Дополнительные исследования показали более древний, чем считалось ранее, возраст Стан-Бехтемира (обнаружен в осыпи культурного слоя обломок бивня мамонта), а также зафиксирована многослойность Горы Камешок (Камешок-1). В окрестностях последнего памятника, расположенного в устье Нени на восточной окраине с. Новиково, открыто еще четыре поселения мезолитического времени, содержащих массовый микропластинчатый материал.

Первым памятником, в котором барнаульскими археологами был исследован стратифицированный слой верхнепалеолитического времени, стала пещера Иульчак (Карасукская) (левобережье Иульчака (руч. Еланда), бассейн Маймы), расположенная на границе Майминского и Чойского районов Республики Алтай в окрестностях с. Карасук. Пещера была зафиксирована в 1976 г. Г.Я. Барышниковым. Вход пещеры находится на высоте 176 м над уровнем реки, площадь рыхлых отложений около 26 кв. м. В 1978 г. под руководством Ю.Ф. Кирюшина здесь было вскрыто 12 кв. м. и изучены культурные слои палеолитического, неолитического времени, эпох бронзы и железа (Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1980).

В ходе обследования зон дорожного строительства в 1980 г. А.Л. Кунгуровым открыты палеолитические стоянки Точильное-1, 2, 4 на р. Песчаной, Долгая Грива (с. Шульгин Лог в левобережье Катуня). В 1988–1990 гг. М.Т. Абдулганеевым и А.Б. Шамшиным аварийные участки точилинских поселений были исследованы. Основной культурный слой памятников относился к раннему железному веку, хотя отдельные палеолитические артефакты встречались в переотложенном состоянии. Видимо, наиболее насыщенные горизонты каменного века в аварийные участки не попали. В 1993 г. в месте впадения в Песчаную ее правого притока Зуев Ручей М.Т. Абдулганеев обнаружил палеолитические стоянки Зуев Ручей-1 и 2, Усть-Быструю, которые могут представлять собой многослойное поселение. Все объекты на р. Песчаной перспективны для дальнейшего изучения. В 1984 г. была обнаружена стоянка Зеленый Дол на правобережной цокольной возвышенности правобережья Ануя. Следует отметить, что с середины 1980-х гг. основные усилия археологов были направлены на обследование зоны

затопления Катунской ГЭС и поисковые работы в северных предгорьях, не связанные с проектными дорожными и мелиорационными изысканиями, сократились.

В 1983–1984 гг. М.Т. Абдулганеев зафиксировал в долине средней Катунки новые стоянки каменного века Тыткескень-2, Карасу, Усть-Ороктой, Усть-Корбан-1 и 2, Каянча-2, перевал Каянча-Онгудай и т.п. Наиболее перспективным регионом оказалась устьевая зона Тыткескени и окрестности Еланды, где в ходе дальнейших работ были открыты стоянки раннеголоценового времени в устье всех малых притоков Катунки.

В связи с дорожным строительством на Чуйском тракте и обследованием правобережья Катунки в 1980-е гг. произошло открытие и исследование как новых, так и давно известных стоянок каменного века. Отчасти этот всплеск усилий археологов разных центров, направленных на изучение долины Катунки, также связан с планами строительства ГЭС, которые требовали улучшения инфраструктуры, в частности обновления дорожной сети.

В 1984 г. начаты раскопки стоянки Тыткескень-2, первоначально датированной мезолитическим временем. В ходе многолетних исследований этого памятника А.Л. Кунгуровым, Ю.Ф. Кирюшиным, Н.Ю. Кунгуровой, В.П. Семибратовым, К.Ю. Кирюшиным выявился его сложный характер: восемь культурных слоев финального мезолита, ранне- и поздненеолитического времени, частично нарушенных погребально-поминальным комплексом эпохи железа.

В 1985–1990-х гг. в устьевой зоне Тыткескени обнаружены и частично исследованы палеолитические и мезолитические слои поселения Тыткескень-3, Нижнетыткескенской пещеры-I, а также зафиксированы обширные мастерские-каменоломни (в том числе единственная на Алтае горизонтальная штольня) и стоянки, на которых осуществлялось первичное расщепление сырья (Тыткескень-4, 5, 7 и 8). К сожалению, дальнейшее исследование этого перспективного микрорайона пока не проводится. В 1985–1990-х гг. Куямская археологическая экспедиция АГУ (руководители А.Л. Кунгуров, Н.Ю. Кунгурова) проводила исследование многослойного поселения Усть-Куям, известного с 1930-х гг. В 1964–1962 гг. рекогносцировочные раскопки на памятнике были проведены Е.М. Берс. За период исследования Усть-Куямской стоянки вскрыто около 1000 кв. м и зафиксированы остатки палеолитического и неолитических жилищ, а также культурные слои эпохи железа, бронзы,

неолита, мезолита и верхнего палеолита. Уже из этого краткого перечня итогов изучения памятника понятно, что его характеристика как однослойного неправомерна.

В 1987 г. А.Л. Кунгуровым по хоздоговору с Горно-Алтай-автодором, планирующим спрямление Чуйского тракта в устье Семы, была раскопана оставшаяся часть многослойной стоянки Усть-Сема. Изученная площадь составила около 1000 кв. м. Удалось зафиксировать основные культурные слои (хотя Б.Х. Кадиков и исследовал наиболее насыщенные участки памятника, выявленные траншеей), а также выделить в планиграфии остатки жилищных сооружений типа чумов с центральным очагом и выраженной завалинкой из аллювия террасы, огораживающей жилище с запада. Обследование устьевой зоны р. Семы позволило обнаружить еще три стоянки раннеголоценового времени. Основным итогом изучения стоянки явилось документирование наличия двух мезолитических и позднепалеолитического культурных слоев.

В 1985 г. в процессе поиска поселений раннего железного века П.И. Шульга обнаружил палеолитические стоянки в среднем течении Чепоша в месте впадения в него Каральки – стоянки Усть-Каралька и Каралька, связанные с колювильно-делювиальными склонами правого (южного) борта р. Чепош. Осмотр А.Л. Кунгуровым в 2001 г. нижнего отрезка долины этой речки привел к фиксации еще одного перспективного для дальнейшего изучения палеолитического микрорайона. На 4-километровом отрезке реки (с учетом открытой Б.Х. Кадиковым и Б.И. Лапшиным стоянки в ее устье) обнаружено 10 объектов различного хронологического периода. Предварительно памятники отнесены к позднемустье-ранневерхнепалеолитическому времени, верхнему палеолиту и мезолиту.

В 2001 г. студент 3 курса ИФ АГУ Д. Раднер обнаружил в левобережье Катуня четыре новых палеолитических стоянки (окрестности с. Алтайского), особенности которых необходимо изучать. Однако уже сейчас можно предположить чрезвычайную перспективность этого участка Предальтайской равнины, изобилующего пещерами, водными артериями и выходами пригодного для обработки сырья.

Приобское плато. Прежде всего этот регион, особенно его западная часть (участки древнего стока), перспективен для поиска памятников раннеголоценового времени. Обширная лесостепная

равнина не имеет выходов пригодного для обработки камня, что снижало ее привлекательность для палеолитических охотников. Их хозяйство было сильно зависимо от сырьевых источников, поэтому обнаруженные стоянки, скорее всего, являлись дальними охотничьими лагерями. Первый памятник открыт в 1978 г. В.Б. Бородаевым на междуречье Барнаулки и Оби, в которую приток впадает слева. Стоянка получила наименование Мохнатушка-1 и предварительно изучена раскопом в 6 кв. м. Видимо, подобные кратковременные стоянки зафиксированы в селах Власиха и Казенная Заимка (окрестности Барнаула), в устье Барнаулки (мыс левого берега, территория речного порта и «Ковша»), а также у с. Заковряшино (работы А.Л. Кунгурова и А.Б. Шамшина в 1979–1980 гг.) и в нижнем течении Алея. На Алее в 1978 г. В.Б. Бородаевым найдена стратифицированная стоянка с мамонтовой фауной Староалейский мыс, в 1999–2000 гг. А.А. Тишкиным, Ю.Ф. Кирюшиным и А.Л. Кунгуровым обследовано местонахождение в пойме Алея Соловьиная Лука, открытое Г.П. Уколовым, и остатки кратковременной стоянки на Поповинской Даче (окрестности Алейска). На Соловьиной Луке, кроме мамонтовой фауны, найден костяной наконечник копья с пазом, мелкие отщепы и фрагмент человеческой челюсти. При раскопках сrostкинскогo кургана Поповинская Дача зафиксирован очень бедный культурный слой, судя по технике расщепления, рубежа плейстоцена и голоцена.

Не исключено, что местонахождением, подобным Соловьиной Луке, является уже упоминавшийся Остров-IV, открытый Г.Е. Ивановым в верховьях Барнаулки на одном из многочисленных озерных песчаных островов, которые можно рассматривать как клад древнего мастера. Аналогичный по облику и составу комплекс был обнаружен в свое время А.П. Окладниковым в Горной Шории у с. Куздеево (Окладников А.П., 1968). Регулярное обследование местонахождений костей ископаемых животных сотрудниками АГУ в 1980–1990-х гг. (Гоньба, Кордон, Елунино, Калистратиха, Калманка, Лосиха и т.п.) наличия свидетельств воздействия человека или присутствия каменных орудий не подтвердили.

Горная Шория. Начало археологическому исследованию этого региона положила небольшая разведка преподавателя ИФ АГУ В.Д. Славнина в 1976 г., в которой принимали участие студенты В.Б. Бородаев, В.Н. Владимиров, С.В. Цыб. В.Д. Славнин обследовал устье р. Солтонки (правый борт Солтонской впадины,

разделяющей Кивдинский массив Салаирского кряжа и юго-западные отроги Шории) и зафиксировал Солтонское поселение-1, содержащее культурный слой раннего железного века и палеолитический горизонт, связанный с кровлей лессовидного суглинка, слагающего борта Солтонской впадины, по которой протекает р. Неня. Находки были представлены несколькими отщепами и сколом палеолитического облика с остатком фасетированной ударной площадки. Другая обследованная разведкой территория – долина Чулды, левого притока Нени. На галечных отмелях Чулды собраны ископаемые кости, плоскостной нуклеус, отщепы и сколы мустьерского облика. Эти работы были продолжены в 1979 г. В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым. В ходе обследования низовой р. Ушлёт и среднего течения Антропа (бассейн Кондомы) открыт Ушлётский палеолитический микрорайон, три местонахождения, локализованных на отмелях Антропа (Кологол, Кедровка, Кислогол), на косах его правого притока Ульбы (Ульба-1) и стратифицированная стоянка Ульба-2 на водоразделе долин речек Ульбы и Кологола. На р. Ушлёт в районе ее выхода из межгорной долины в Солтонскую впадину (слева, параллельно Чулде) обнаружена разрушенная стоянка, первая из комплекса микрорайона, получившая наименование Ушлёт-1. В 1980 г. разведочные работы были продолжены. На р. Нени в районе с. Карабинки обнаружены палеолитические стоянки Баулина Гора и Карабинка-1 (правый борт Солтонской впадины), а также обследованы условия случайных сборов местных школьников мамонтовой фауны на отмелях Нени, среди которых оказался отросток рога северного оленя с круговой нарезкой. В нескольких километрах выше Карабинки, также на правом берегу Нени, у с. Акатьево обнаружено поселение Акатьево-1, аналогичное Солтонскому пос.-1 (содержит культурный слой раннего железного века и палеолитический горизонт). На р. Ушлёт было установлено место расположения стоянки Ушлёт-1, а также обнаружены стратифицированные памятники Ушлёт-2 и 3. На последнем объекте в рекогносцировочном раскопе площадью 8 кв. м определено залегание культурного слоя. Раскопки практически всей сохранившейся площади стоянки (около 40 кв. м) в 1984 г. позволили получить представительную коллекцию, характеризующую поздний палеолит этого региона Горной Шории. Тогда же зафиксированы стоянки Усть-Унтруш на Антропе, Ушлёт-4, Вознесенка; Усть-Чулда-1 и 2 в Ушлётском микрорайоне. Поскольку усилия в

1984–1988 гг. были направлены на аварийные раскопки Катунских памятников, в изучении каменного века Горной Шории наступил перерыв, завершившийся в 1989 г., когда были открыты стоянки Ушлѐп-5, 7 и 8, Солдатская Гора, Школьная Гора-1 и 2, Усть-Дунайчик-1, местонахождения Дунайчик и Шабурово. Наиболее значимыми исследованиями стали раскопки многослойной стоянки Ушлѐп-6, содержащей мустьерские (9, 8, 7 и 6 культурные слои), ранневерхнепалеолитический (5 культурный слой), верхнепалеолитические (4, 3 и 2 культурные слои) комплексы, вскрытые на площади от 500 до 80 кв. м. В последние годы аварийные участки стоянки изучал В.П. Семибратов, исследовавший на глубине 6,5 м участок 8 культурного слоя, залегающий на коре выветривания сланцево-песчаного метаморфизированного цоколя мыса с памятником.

В конце 1990-х гг. стоянку Камешок-1 исследовал М.М. Маркин, выделивший три культурных слоя финальнопалеолитического времени. Памятники ушлѐпского палеолитического микрорайона, прежде всего Ушлѐп-3 и 6, являются базовыми для характеристики восточных районов Предалтая.

Солтонский кряж. Первые памятники региона обнаружены И.М. Гайдуком (Титовская стоянка) и Э.М. Медниковой (Улус-Тараба) в начале 1970-х гг. Титовская стоянка, месторасположение которой осматривалось А.Л. Кунгуровым в 1981 г. и М.М. Маркиным в 1998 г., полностью занята с. Титово, расположенном на 10-метровом мысе, образованном правым берегом Тогула и правым бортом долины Чумыша. Стоянка Улус-Тараба расположена на левом притоке Чумыша р. Тарабы в Кытмановском районе. С обоих памятников происходят коллекции костей плейстоценовых животных (мамонтная фауна), а с Улус-Тарабы известны выразительные каменные орудия мальтинского облика.

Открытие ряда стоянок и местонахождений каменного века в Верхнем Причумышье связано с активной деятельностью П.Ф. Рыженко. В начале 1960-х гг. он создал небольшой школьный музей в с. Степь-Чумыш. Местные жители начали приносить Петру Федоровичу свои случайные находки – кости ископаемых животных, необычные предметы, среди которых оказывались палеолитические каменные и костяные орудия. За 1980–1990-е гг. были осмотрены все пункты находок каменного века. Локализованы палеолитические памятники в Черемшанских пещерах: Степь-Чумыш, Масло-

завод, Нахаловка, Улус-1, Куюк-5 и т.п. Особое внимание было направлено на поиски стратифицированных объектов и выявление связи скоплений артефактов на отмелях реки с конкретными памятниками. За период работ выявлены десятки местонахождений и стоянок от с. Ельцовки до с. Кытманово. Скопления артефактов определены как остатки разрушенных в ходе формирования современной долины Чумыша стоянок. Каменные изделия спроецировались на аллювиальные отложения реки и в настоящее время размываются в периоды паводков. В конце 1990-х гг. М.М. Маркин осмотрел большую часть отмелей Верхнего Чумыша до окрестностей г. Заринска и картографировал все аллювиальные «спроецированные» местонахождения. Кроме этого, обнаружены несколько десятков стратифицированных памятников, в том числе алевролитовые мастерские-каменоломни Сары-Айры-1–5. Палеолитический культурный слой зафиксирован новокузнецким археологом Ю.В. Шириным в 1991 г. при раскопках кургана быстрянской культуры на горе Точка (Точка-2). При контрольном проколе дна погребальной камеры на глубине около 2–2,5 м были найдены кости животных, прокол и несколько каменных изделий.

Масштабных исследований памятников каменного века в Причумышье не проводилось, поэтому этнокультурная характеристика палеолитических комплексов носит предварительный характер. Тем не менее выделены мустьерские индустрии и материалы различных отделов верхнего палеолита.

Большой вклад в изучение палеолита Горной Шории и Салаирского кряжа внес **Михаил Михайлович Маркин**, чье бесследное исчезновение в 2005 г. потрясло знавших его коллег. Пока остается надежда обнаружить исследователя живым и нет доказательств его гибели, авторы не указывают годы жизни.

М.М. Маркин начал свою археологическую деятельность еще школьником, участвуя в раскопках Н.Ф. Степановой в Горном Алтае (поселения Узнезя-1 и Малый Дуган). Со второго курса обучения на ИФ АлтГУ он специализировался на изучении палеолита Алтая под руководством А.Л. Кунгурова, принимал активное участие в экспедиционных работах по поиску археологических памятников в восточных районах Алтайского края и раскопках на Катунь (Тыткескень-3, НТП-1), в Горной Шории (Ушлепский археологический микрорайон). После окончания АлтГУ поступил в аспирантуру и по ее окончании успешно защитил кандидатскую диссертацию

по теме «Финальнопалеолитические индустрии Салаира и Солтонской впадины». В конце 1990–2000-х гг. М.М. Маркин работал в Абакане, затем перевелся в Барнаульскую лабораторию археологии Южной Сибири ИАЭ СО РАН и АлтГУ. Последние годы принимал активное участие в раскопках новосибирских археологов на палеолитических памятниках верховьев Ануя и проводил обследования и раскопки стоянок и местонахождений палеолитического времени в восточных районах Алтайского края (Бийский, Солтонский, Целинный, Ельцовский, Тогульский, Кытмановский). М.М. Маркиным были открыты десятки стратифицированных стоянок и местонахождений, материалы которых опубликованы в более чем 40 статьях. Итогом его работ в Алтайских отрогах Горной Шории стала коллективная монография «Палеолит Горной Шории» (Барышников Г.Я., Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П., 2005), которая увидела свет уже после исчезновения Михаила Михайловича.

Рудный Алтай. В 1960-х гг. геологами Западно-Сибирского управления в ходе работ и обследования региона были обнаружены единичные каменные изделия в трех пунктах: верховья р. Белой (массивная ретушированная пластина и обломки трубчатых костей в лёссовидных суглинках на глубине 8 м); Таловское (левый борт Пещерихи в 2 км от слияния с Рассыпухой, собраны отщепы); Покровское (водораздел рек Поперечной и Землянухи, в 5 км юго-восточнее с. Покровка) (Шиперович В.Я., 1960; Гайдук И.М., 1969; Шуньков М.В., 1987). Перечисленные находки не были достаточно выразительными и особого внимания специалистов не привлекли. В 1964 г. в отложениях 11-метровой надпойменной террасы левого берега Алея геолог О.М. Адаменко обнаружил кости животных и угольки. В совместной статье О.М. Адаменко и А.П. Окладников опубликовали подробные условия находки и датировали пластину «второй половиной среднего плейстоцена, скорее всего... эпохой тазовского оледенения на севере Западно-Сибирской низменности» (Окладников А.П., Адаменко О.М., 1966, с. 379). Позднее место находки обследовал С.М. Цейтлин, который определил возраст памятника как раннесартанский (Цейтлин С.М., 1979, с. 73).

В 1966 г. как археологический памятник томскими спелеологами Л.Н. Поповым, А.А. Черновым и П.Н. Яшуком открыта пещера Страшная (слияние рек Тигирек и Иня, бассейн среднего Чарыша) (Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О., 1973).

В 1972–1975 гг. на галечных отмелях верхнего Алея в районе с. Гилево участниками новостроечной археологической экспедиции ИА АН СССР (руководитель – В.А. Могильников) собрана представительная коллекция каменных артефактов различных эпох, в том числе и выразительные орудия с явно выраженными признаками леваллуазской техники расщепления камня. Гилевское местонахождение явилось уже третьим пунктом с мустьерскими находками, что позволяло более пристально исследовать регион специалистам. Однако этого не произошло. Внимание и основные усилия археологов с конца 1970-х – начала 1980-х гг. были направлены на изучение перспективных геoarхеологических объектов Горного Алтая, а затем на новостроечные аварийные раскопки памятников, попадающих в зону разрушения и затопления проектируемой Катунской ГЭС. Именно по этой причине ни в 1980-х, ни в 1990-х гг. специалисты по каменному веку в Рудном Алтае целенаправленных работ не проводили.

Тем не менее палеолитический материал продолжал накапливаться. В 1978 г. студентка ИФ АГУ Н. Банникова сделала первые палеолитические находки на оз. Колыванском. Позднее каменные изделия палеолитического облика там были найдены Ю.П. Алехиным (Памятники истории..., 1996; Алехин Ю.П., 1999), а в 1994 г. сборы каменных артефактов на северо-западной оконечности озера проводились участниками экспедиционных и разведочных работ АГУ в северо-западных предгорьях Алтая. В настоящее время локализовано четыре памятника вокруг оз. Колыванского. В этот же период времени начал сборы археологического материала в окрестностях Рубцовска выпускник БПИ краевед Г.А. Ключкин. Первые выразительные палеолитические находки мустьерского времени им были сделаны в устье левого притока Алея р. Золотухи (Кунгуров А.Л., 1987). В августе 1982 г. бригада треста «Рубцовскводстрой» под руководством В.А. Скворцова при строительстве оросительного канала обнаружила извлеченные ковшем экскаватора с глубины около 6 м кости мамонта и древние каменные орудия. Находки были переданы директору Рубцовского краеведческого музея Г.П. Гнилицкой, которая организовала поездку местных краеведов на выявленное местонахождение. Под руководством Г.А. Ключкина осуществлена зачистка борта канала и на глубине 5,5 м зафиксированы *in situ* кости мамонта (Тишкин А.А., Ключкин Г.А., 1997).

В 1995 г. С.М. Ситниковым в окрестностях с. Староалейского были открыты стоянки Гилевские Водохранилища-3–6, которые начали размываться волноприбойной деятельностью водохранилища. Собранные в осыпи и на отмели 2-километрового отрезка берега каменные артефакты локализованы в четыре местонахождения. Таким образом к концу 1990-х гг. в Рудном Алтае накопилось достаточное количество палеолитических находок, относящихся к различным хронологическим периодам.

В 2000–2001 гг. для обследования региона была создана Змеиногорская археологическая экспедиция АГУ под руководством А.Л. Кунгурова. В ходе обследования нижнего участка долины Корболихи и ее притоков (Машинка, Березовка, руч. Холодный, р. Харьковка), р. Гольцовки (притоки Первая Бутановка, Буточный) и отрезка долины верховьев Алея обнаружено около 100 разнофациальных объектов палеолитического времени:

- каменоломни-мастерские на выходах роговиков и яшм Давыдовка-1–3, Усть-Буточный-1, Усть-Березовка-3;
- крупные стационарные поселения Усть-Машинка-3, Кукушкина Гора, Первая Бутановка-3 и 4, Буточный-1 и др.;
- кратковременные стоянки Усть-Машинка-1 и 2, Петровский-1, Лифляндка-1, 2, 3, Усть-Харьковка-1, Аришкин Курган-1 и т.п.

Исследование палеолитических индустрий региона позволило выделить мустьерские комплексы в сборных разновременных коллекциях верховьев Алея. При этом обращает на себя внимание большое количество выразительных остроконечников, скребел на широких леваллуазских заготовках с остатками фасетированных ударных площадок, подтреугольных сколов (в том числе points), леваллуазских пластин и нуклеусов. Подобных изделий в культурных слоях верхнепалеолитических памятников не встречается (Кунгуров А.Л., 1987; 1993). Интересно то, что изделия типа Одиночки-4 (галечные), а также мустьерские элементы в оформлении артефактов на многочисленных местонахождениях Верхнего Алея отсутствуют. Это позволяет охарактеризовать долину Алея как ареал распространения леваллуазской фации мустье (Кунгуров А.Л., 2001; 2002). Кроме этого, документирована приуроченность концентрации подъемного мустьерского материала в устьевых зонах (и ниже их по течению Алея) крупных выработанных долин, по которым в настоящее время протекают мелкие речки и ручьи. Совер-

шенно очевидно и подтверждено исследованиями геологов древнее происхождение этих долин, образовавшихся в периоды четвертичного увлажнения региона и активизации водотоков. Видимо, часть материалов, разрушенных стоянок палеантропов выносилась временными потоками в долину Алея и откладывалась вместе с аллювиальными отложениями. Исследование долин притоков подтверждает это предположение, так как именно там зафиксированы крупные стоянки и мастерские. Особенно интересные данные получены в ходе обследования верхнего течения правого притока Алея р. Каменки, проведенного в 2004–2005 гг. (Верх-Каменка-1–4). Найденные местонахождения вызывают значительный интерес, так как представляют собой новый, ранее на Алтае неизвестный тип местонахождений. Верхняя треть долины Каменки представляет собой по существу ущелье с достаточно крутыми склонами. Эти склоны образованы отрогами горы Гольцовка (СЗ) и Сыроватая (ЮВ). Никаких выложенных участков, уступов, а тем более террас борта долины не содержат. Выше устья руч. Пихтового река настолько мала, что теряется среди влаголюбивой травянистой и кустарниково-древесной растительности, занимающей днище долины. На обследованном отрезке ширина дна долины не превышает 10–15 м и расположена только на 0,5–1,5 м выше уреза воды. Склоны долины сложены крутыми делювиально-колювиальными осыпями и смывами, достаточно часто встречаются цокольные обнажения. Днище достаточно пологое, изрезано старицами реки и сложено мелкой фракцией продуктов разрушения скальных пород и суглинисто-песчаными аллювиальными наносами. Слабопетляющее русло реки активно размывает невысокие борта днища долины, обнажая слабоотсортированный грубоокатанный валунно-галечниковый пласт, подстилающий рыхлую полуметровую толщу. Его мощность не превышает 1 м. Ниже залегают тяжелые серо-голубые иловатые глинистые породы и цоколь. На многочисленных небольших отмелях речки, образовавшихся на ее изгибах, а также просто в осыпях берега найдено большое количество каменных изделий с яркими признаками леваллуазской техники расщепления камня. Подчас каменные артефакты составляли значительный объем галечных отмелей. Нами идентифицировано четыре пункта, хотя, по видимому, практически весь отрезок долины Каменки в ее верхнем течении представляет собой одно сплошное местонахождение, заполненное тысячами изделий. Обращают на

себя внимание следующие особенности этого интереснейшего места Рудного Алтая:

1. Отсутствие пригодных для долговременных поселений и стоянок участков горного обрамления долины реки;
2. Невозможность естественной доставки каменных артефактов из других мест из-за слабой транспортирующей силы Каменки и отсутствия самих этих мест;
3. Отсутствие на отмелях реки находок после выхода ее из горной долины в урочище Гольцовский мост;
4. Обилие артефактов, в том числе выразительных орудийных и нуклевидных форм при незначительном количестве отходов производства.

Перечисленные моменты позволяют предположить то, что значительного перемещения каменных изделий в пространстве как по горизонтали, так и по вертикали не было. Они находятся по преимуществу там, где их оставили древние мастера камнеобработки и охотники. Заглаженность поверхности части изделий связана с ее шлифованием песком и мелким гравием (коррадирование), который река несет в изобилии, особенно в период весенне-осеннего усиления водообильности. Отмечается «односторонняя» окатанность крупных предметов и достаточно хорошая сохранность мелких, что подтверждает наше предположение. Наиболее вероятная интерпретация указанных местонахождений – остатки временных охотничьих стоянок мужской рабочей группы, на которых осуществлялась подготовка амуниции и орудий к охоте, разделка добычи и подготовка ее к транспортировке на место долговременного базового лагеря. Охотники останавливались прямо на берегу Каменки, здесь же в колювии, аллювии или цокольных обнажениях добывали сырье (преимущественно цветные яшмы, кремль и порфиры) и производили его обработку. После завершения процесса основная часть изделий оставалась на месте и постепенно внедрялась в аллювий долины. Именно этим объясняется характер комплекса, имеющегося яркий «охотничье-разделочный» облик. Скопление на протяжении тысячелетий брошенных орудий привело не только к образованию своеобразного культурного слоя, но и попаданию изделий в р. Алей. Вне всякого сомнения подобные комплексы должны быть обычны для Рудного Алтая, их открытие замедляется из-за того, что отмели малых рек в их верхнем течении, как правило, никто не осматривает.

В районе с. Гилево, видимо, имело место проецирование на аллювий долины Алея артефактов из размываемых рекой культурных слоев. Современный аналог этого процесса в настоящее время отмечен на Гилевском водохранилище, размывающем свои борта, содержащие палеолитические комплексы. Вода размывает упавшие глыбы лёссовидных пород и уносит мелкие фракции, оставляя на пляжах фаунистические остатки и каменные изделия (Кунгуров А.Л., Ситников С.М., 1996).

Интересные палеолитические комплексы были обнаружены П.И. Шульгой в среднем течении Чарыша – комплекс стоянок на реках Сентелек и Теплая: Усть-Теплая-1, Усть-Черновая, Балчиков Ключ-1, Балчикова-6, Сентелек-3 и 4. На этих памятниках присутствуют выразительные комплексы мустьерского времени с леваллуазской техникой расщепления камня и бифасами различного типа, а также верхнепалеолитические материалы. При этом отмечается массовое использование крупных среднепалеолитических изделий для оформления верхнепалеолитических. Мастера камнеобработки, добывая древние изделия из рыхлых отложений долины Сентелека, переоформляли рубящие и скорняжные инструменты для своих нужд и «продолжали» расщепление леваллуазских нуклеусов в новой призматической стратегии утилизации камня (Кунгуров А.Л., Шмидт А.В., Шульга П.И., 2001; Кунгуров А.Л., 2002).

С археологами АлтГУ активно сотрудничают географы Г.Я. Барышников, А.М. Малолетко, Б.Н. Лузгин, минеролог С.Г. Платонова. Прежде всего этих исследователей привлекает возможность применения их гипотез и разработок при анализе естественно-научных данных, которые содержат материалы стратиграфических разрезов палеолитических памятников, а также особенности добывания и спектр минералов, которые использовались для изготовления орудий палеолитическими охотниками. Наиболее длительное сотрудничество с археологами осуществляет **Алексей Михайлович Малолетко**. Совместно с Ю.Ф. Кирюшиным им проводились естественно-научные исследования археологических памятников Васюганья, результатом которых стала их совместная монография (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979). Именно Алексей Михайлович впервые профессионально определил и рассмотрел возможности происхождения сырьевых ресурсов каменного века юго-западных районов Алтайского края (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1983), что позволило обосновать проникновение

человека или определенных культурных и технологических традиций в данный регион с территории Восточного Казахстана. Позже исследователем совместно с Ю.В. Уткиным была опубликована статья «Минералы кремнезема, кварцевые и халцедоновые породы как сырье для изготовления каменных орудий в древности (археологический аспект)», посвященная характеристике, признакам и особенностям сырьевых ресурсов каменного века, ставшая незаменимым справочником для специалистов по каменному веку Алтая (Малолетко А.М., Уткин Ю.В., 2001).

Вне всякого сомнения плодом сотрудничества Ю.Ф. Кирюшина, А.М. Малолетко и **Геннадия Яковлевича Барышникова** стало открытие в Горном Алтае и публикация материалов многослойного пещерного памятника Иульчак (Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1980). С этой совместной работы начались многолетние совместные исследования Г.Я. Барышникова с археологами АлтГУ, которые вылились в многочисленные научные публикации и издания монографий. Все свои наблюдения, идеи и гипотезы географы отразили в очень своеобразной двухтомной книге «Археологические памятники Алтая глазами геологов» (Барышников Г.Я., Малолетко А.М., 1997; 1998). В этой публикации отражены и результаты совместных работ географов с археологами АлтГУ в устьевой зоне Тыткескена, проводившиеся в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века. Полученный блок разнообразных анализов (спорово-пыльцевые, палеокарпологические, гранулометрические и др.), описание многочисленных стратиграфических разрезов и характера местности, определения сырьевых предпочтений древних обитателей Тыткескена явились серьезным дополнением к археологическим результатам раскопок. Позднее в начале 2000-х гг. Г.Я. Барышников принимал активное участие в исследовании палеолитических памятников Рудного Алтая, Салаира и Горной Шории, что нашло отражение в многочисленных тематических публикациях научных статей и монографий.

Определенный вклад в исследование палеолита Алтая внесли коллеги из БГПУ. Прежде всего следует отметить историографические работы Михаила Александровича Демина (1980), содержащие биографические и историографические сведения о первых исследователях древностей Алтая. Организованные М.А. Деминым и Сергеем Михайловичем Ситниковым, выпускником АлтГУ, археологические экспедиции и практики в Рудном Алтае и в Верхнем При-

чумыше, а также разведочные работы в этих регионах Алтая привели к открытию ряда палеолитических местонахождений, прежде всего стоянок Гилевские Водохранилища-1-4, расположенных на левом берегу Алея выше с. Староалейки (Кунгуров А.Л., Ситников С.М., 1998).

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Описанный этап в исследовании палеолита Алтая наиболее насыщен раскопками, открытиями новых памятников и выделением новых периодов в развитии древнего каменного века. Прежде всего выделяются два основных направления в этом процессе, которые представлены новосибирской и барнаульской археологическими школами. Первое направление ориентировано на стационарные исследования многослойных стратифицированных объектов, которые рассматриваются как геоархеологические. В сферу этого направления попали пещерные комплексы, прежде всего бассейна верхнего течения Ануя, а также ряд многослойных открытых комплексов (Кара-Бом, Тюмечин-1-3, Кара-Тенеш, Ануй-1-3, Усть-Каракол-1 и др.). В 1990-2000-х гг. развернулись исследования на новом уровне развития методики полевых работ таких известных памятников, как пещеры Страшная и Усть-Канская. В окрестностях мест стационарных исследований новосибирские археологи проводят плотный поиск новых объектов, который достаточно часто заканчивается новыми открытиями. Барнаульские исследователи не концентрируют свои усилия только на исследовании палеолита, проводя комплексные поиски разновременных и разнофациальных памятников на достаточно широких территориях Алтая. Стационарные работы осуществляются только на аварийных памятниках, попадающих в зоны антропогенного и природного разрушения. При этом датировка или культурная принадлежность памятника никакой роли не играют, на первое место выходят спасательные работы. Наиболее обширные исследования разрушающихся стоянок проводились в зонах дорожного строительства (Усть-Куюм, Усть-Сема), затопления планируемыми водохранилищами (Средняя Катунь), разрушения карьерами (Ушлеп-3 и б) и т.п.

Материал, полученный и опубликованный представителями обоих исследовательских направлений, достаточно обширен, ох-

ватывает практически все эпохи и периоды палеолита и «взаимодополняем». Именно на этой базе созданы историко-культурные схемы ранних периодов развития общества, которые будут рассмотрены в следующем разделе.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Составьте хронологическую таблицу открытия памятников палеолитического времени в рассмотренный период времени и соотнесите ее с подобными процессами в других регионах Сибири.

2. Сделайте сводку палеолитических памятников и местонахождений, известных к 2000-м гг., и определите их расположение на карте.

3. Определите причины разного подхода новосибирского и барнаульского направления археологических исследований к изучению палеолитических памятников.

4. Какие новые эпохи и характерные для них материалы были открыты исследователями в охарактеризованный период?

Раздел IV
СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ
ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ: ОТКРЫТИЯ, КОНЦЕПЦИИ,
ДАТИРОВКА И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

***4.1. Концепции развития домустьерской
и мустьерской эпох Алтая***

Открытие и обоснование существования на Алтае раннепалеолитических комплексов (Улалинка, нижние 22 и 21 культурные слои Денисовой пещеры, 19 слой стоянки Усть-Каракол и Карамы) продолжают заложенные еще А.П. Окладниковым традиции новосибирской школы палеолитоведения, ориентированные на инновационный взгляд на заселение человеком Сибири и Алтая. При этом наблюдаются те же проблемы, связанные с давлением на научную общественность традиционности существующих гипотез, что существовали в 1960–1970-х гг. Понадобились почти 20 лет и публикация огромных материалов с безупречной датировкой и естественно-научным обоснованием для окончательного доказательства существования мустьерской культуры палеантропов на Алтае. Теперь подобная ситуация складывается в отношении к раннепалеолитическим находкам. По непонятным пока причинам Алтаю «везет» на научный скепсис ученых из других регионов, начиная с Н.К. Ауэрбаха. Тем не менее все открытия в археологии региона оказывались достоверными и входили неотъемлемой частью в древнюю историю Северной Азии. Не стоит сомневаться, что подобные процессы произойдут и с раннепалеолитическими памятниками Алтая и их спецификой.

В 1980–1990-х гг. исследователи мустьерской эпохи сосредоточили свои усилия на изучении памятников Горного Алтая. Успехи проведенных работ отражены в десятках статей, обобщающих монографиях и защите кандидатских и докторских диссертаций новосибирскими исследователями. Таким образом, не только окончательно доказана мустьерская датировка целого ряда памятников, но и разработана территориально-локальная система распространения различных мустьерских технологических традиций (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1992; Маркин С.В., 1996; Шуньков М.В., 2001).

Изучение мустьерской эпохи предалтайской части Западной Сибири (Предалтая) проводилось менее интенсивно, так как и поиски памятников, и раскопки объектов, интерпретированных как мустьерские, не осуществлялись как целенаправленная научная программа. Кроме этого, длительное время среднепалеолитические комплексы были представлены преимущественно сборами артефактов. В 1982 г. Б.И. Лапшин опубликовал коллекцию каменных орудий из района с. Одинцовки, которая имела выразительный галечно-леваллуазский облик. Исследователь очень осторожно подошел к проблеме датировки местонахождения в районе слияния Бии и Катуня, так как не был известен его стратиграфический контекст. Важным предположением является гипотеза о продолжении развития галечных раннепалеолитических традиций в индустриальном ансамбле Одинцовки, который представляли «...изделия-чопперы, чоппинги, грубые топоровидные орудия или аморфные кливеры-колуны, скребла с грубой вертикальной ретушью, специальные орудия с выступом-носиком, рубилообразные орудия» (Лапшин Б.И., 1982, с. 22). Предложенная датировка находок каргинским межледниковьем оговорена как минимально возможная. Изучение комплекса местонахождений у с. Одинцовки А.Л. Кунгуровым позволило локализовать четыре местонахождения (Б.И. Лапшиным опубликован памятник, идентифицированный как Одинцовка 4), к раннему периоду отнесены Одинцовка-1 и 4, содержащие выразительные галечно-леваллуазские изделия и находки мамонтовой фауны. Исследована также стратиграфия разрушающейся террасы высотой около 10 м, а также особенности локализации мустьерской индустрии. Видимо, ранний комплекс связан с галечниковой аллювиальной основой второй надпойменной террасой Оби (начало формирования около 30 тыс. лет назад) (Кунгуров А.Л., 1984, с. 24). Леваллуазские и галечные изделия Одинцовка-1 и 4 можно отнести к комплексу, характеризующему исследователями как «мустье-соан» и требующему серьезного изучения, в том числе стратифицированных комплексов. Одинцовка не имеет пока аналогий в других палеолитических комплексах, хотя как проводник галечных традиций от раннего палеолита к верхнему этот объект выступать может. Иначе сложно будет объяснить наличие выразительных архаичных галечных элементов технологии в более поздние периоды.

Исследование палеолитических индустрий региона позволило выделить мустьерские комплексы в сборных разновременных коллекциях верховьев Аля и Чумыша. При этом обращает на себя внимание большое количество выразительных остроконечников, скребел на широких леваллуазских заготовках с остатками фасетированных ударных площадок, подтреугольных сколов, леваллуазских пластин и нуклеусов. Подобных изделий в культурных слоях верхнепалеолитических памятников не встречается (Кунгуров А.Л., 1987; 1993). Интересно то, что изделия типа Одинцовки 4, а также мустьерские элементы в оформлении артефактов на многочисленных местонахождениях Верхнего Аля отсутствуют. Это позволяет охарактеризовать долину Аля как ареал распространения леваллуазской фации мустье (Кунгуров А.Л., 2001; 2002). Кроме этого, документирована приуроченность концентрации подъемного мустьерского материала в устьевых зонах (и ниже их по течению Аля) крупных выработанных долин, по которым в настоящее время протекают мелкие речки и ручьи. Совершенно очевидно и подтверждено исследованиями геологов древнее происхождение этих долин, образовавшихся в периоды четвертичного увлажнения региона и активизации водотоков. Видимо, часть материалов, разрушенных стоянок палеантропов выносилась временными потоками в долину Аля и откладывалась вместе с аллювиальными отложениями. Исследование долин притоков подтверждает это предположение, так как именно там зафиксированы крупные стоянки и мастерские.

Мустьерские местонахождения Причумышья, которых сейчас известно несколько десятков, по своему происхождению связаны с проецированием артефактов из разрушенных культурных слоев на аллювиальные отложения долины Чумыша, которая гораздо уже алейской и имеет меньше выходящих в нее крупных долин. Кроме выразительных леваллуазских изделий, в сборных индустриях Причумышья обычны мустьерские радиальные ядрища и асимметрично-треугольные сколы. Вместе с тем техника леваллуа – основа среднепалеолитической индустрии местонаждений Салаира (Кунгуров А.Л., Маркин М.М., 1995; 1997). Все среднепалеолитические мустьерские артефакты происходят с обширной отмели на северо-восточной окраине с. Черемшанки, примыкающей к комплексу Черемшанских пещер-1–3, приуроченных к левобережному известняковому массиву. Черемшанская пещера-1 взорвана в 1960-е гг., пещеры 2 и 3, заполненные рыхлыми отложениями, со-

хранились, но их предвходовые площадки полностью разрушены естественными процессами. Не исключено то, что часть мустьерских артефактов была перенесена на отмель в ходе указанных смывов. Выше по течению на бичевнике Чумыша ранние артефакты уже не фиксируются.

В алтайских отрогах Горной Шории (юго-западные отроги) базовыми комплексами для изучения мустьерской эпохи являются 6, 7 и 8 культурные слои многослойной стоянки Ушлѐп-6 (Кунгуров А.Л., 1994; 1996; 1998).

Шестой культурный слой вскрыт на 75 кв. м, залегает на глубине 2,5–2,65 м в горизонте желтовато-серого речного суглинка с голубоватыми илистыми вкраплениями. Суглинок разбит многочисленными морозобойными трещинами (от кровли к подошве), заполненными илистым голубоватым суглинком. Общее количество находок превышает 700 артефактов. Индустрия носит явно выраженный мустьерский облик с леваллуазскими технологическими традициями: пластины леваллуа – 9,8%, треугольные леваллуазские сколы – 0,4%, леваллуазские снятия – 4,8%, леваллуазские нуклеусы – 4%, сколы-цитроны – 2% от общего количества инвентаря, в том числе скребло на леваллуазском снятии и ручное рубило-бифас небольших размеров. Два процента инвентаря составляют скребла характерных мустьерских форм: на треугольных и асимметрично-треугольных сколах, угловые, с клювовидными выступами и т.д. Зубчато-выемчатые изделия составляют 3,2%. Кроме упомянутого рубила, встречено еще три подобных рубящих изделия, но не столь выразительных. На 200 изделиях отмечены остатки специфичных фасетированных и гладких площадок. На наш взгляд, индустриальный комплекс близок каменным ансамблям Усть-Канской пещеры и Тюмечину-I, стоянкам мустье леваллуазской фации (Шуников М.В., 1990). Возможная датировка шестого культурного слоя – середина каргинского потепления (40–45 тыс. л.н.), т.е. позднемустьерское время. Предварительный анализ индустрии демонстрирует преемственность шестого и пятого культурных слоев, что является серьезным аргументом в пользу автохтонного развития ушлепской культуры, имеющей глубокие корни и влияние со стороны пришлых мальтинских традиций.

Два нижних слоя (7 и 8) вскрыты на глубине соответственно 2,9–3,2 и 3,4–3,7 м в горизонтах светло-серой и бурой супеси, насыщенных кусками и крошками цоколя, лежащего на глубине

4,1–4,2 м. Поверхность мыса в период 60–70 тыс. лет назад представляла собой узкий гребень (2–3 м), малопригодный для поселения древних людей. Поэтому находок сделано немного (100 предметов в двух слоях), но они имеют характерные признаки леваллуазской техники. Более перспективны для изучения мустьерских горизонтов относительно широкие участки мыса. Учитывая тот факт, что цоколь выше по мысу опускается на глубину свыше 15 м, можно ожидать открытия более древних, ранне- и домустьерских горизонтов.

Культурный слой 8 исследовался в 2001–2003 гг. В.П. Семибратовым. На площадке, приуроченной к коре выветривания сланцевого цоколя мыса, занятого памятником, раскопан жилой и хозяйственный комплексы. Глубина залегания до 6 м. Относительно немногочисленный материал располагался двумя скоплениями, связанными с расщеплением преформ. Кроме леваллуазских нуклеусов и отходов производства, материал восьмого культурного слоя представлен скребловидными инструментами с рабочими краями высокой формы с обработкой по периметру, разнообразными ретушированными сколами треугольной и пластинчатой формы, пластинами.

В долине Средней Катуня, которая традиционно связана с северными предгорьями Алтая прежде всего в физико-географическом плане, к мустьерской эпохе относятся мастерские на р. Тыткескене. Они приурочены к микрокварцитам (фтанитам) боратальской свиты верхнерифейского возраста (Барышников Г.Я., Малолетко А.М., 1997). Индустрии этих памятников – Тыткескень-4–7 – содержат выразительный комплекс первичного расщепления камня леваллуа-мустьерского облика (Кунгуров А.Л., 1998). При этом в составе индустрии памятников совершенно отсутствуют верхнепалеолитические элементы, в отличие от материалов расположенных там же стоянок Тыткескень-3 и 8. Кроме леваллуазских и радиальных мустьерских ядрищ различного размера (включая стационарные), комплексы тыткескеньских стоянок содержат пластинчатые заготовки с фасетированными ударными площадками, сколы различных форм и размеров. Как правило, сколы имеют вторичную обработку.

Интересный объект, предварительно определенный В.П. Семибратовым как мустьерский, находится в 1,5 км выше устья Тыткескени на 35-метровой цокольной террасе левобережья Катуня.

Под песчано-гравийной аллювиальной пачкой мощностью около 2 м в стенке геологического шурфа зафиксированы остатки очага и два леваллуазских изделия (преформа нуклеуса и подчетырёхугольный отщеп). По мнению В.П. Семибратова, памятник отражает ситуацию случайного сохранения части культурного слоя, защищенного выходами цоколя от катастрофического селя, прорвавшегося из древнего подпорного ледникового Чуйского озера 25 тыс. лет назад (Барышников Г.Я., 1992). Этот сель, перемешавший рыхлый материал долины Катунь, вероятно, разрушил большую часть древних памятников низких террас, частично переместив их материал на довольно значительное расстояние и рассеяв по бортам долины.

Следует также отметить еще одну проблему, возникающую при интерпретации среднепалеолитических комплексов Предалтая – уровень обоснованности столь ранней датировки некоторых стратифицированных объектов, прежде всего каменоломни-мастерской Давыдовка-1 и 8, 7, 6 культурных слоев многослойной стоянки Ушлѐп-6. Эта проблема вытекает из недостаточной изученности мустьерской эпохи региона, известной только по нескольким удаленным друг от друга памятникам, изученным к тому же в разных районах Горного Алтая. Усугубляет данный вопрос то, что имеющиеся датировки завершающих этапов среднего палеолита и раннего верхнего палеолита достаточно близки и попадают в хронологический диапазон 50–45–35 тыс. лет назад. При этом выразительные мустьерские индустрии, например, пещеры им. Окладникова (Сибирячиха), оказываются существенно моложе показательных ранневерхнепалеолитических материалов Кара-Бома или группы ануйских объектов (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1992; 1998б; Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М., 1998; Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2002; Шуньков М.В., 2001 и т.п.). Доказательных объяснений этому явлению на современном уровне изученности палеолита Алтая пока дать сложно. Сказывается как неравномерное исследование самих комплексов и их периодизации, так и неравномерное развитие первобытного общества и его производительных сил. Различные точки зрения на датировку тех или иных палеолитических материалов – явление для гуманитарной науки достаточно типичное и существенно стимулирует поиск учеными соответствующих аргументов в поддержку своей гипотезы, положительно сказываясь на развитии всей соответст-

вующей отрасли знания. А.Л. Кунгуров неоднократно предлагал и обосновывал предложенные датировки и периодизационную интерпретацию материалов Предалтая, которую можно суммировать в следующих положениях:

- для каменоломни-мастерской Давыдовка-1:
 - специфика памятника, как объекта на котором происходило добывание, первичная и вторичная обработка изделий, предназначенных для проведения охоты;
 - наличие достаточно выразительных мустьерских приемов утилизации субстрата;
 - архаичная технологическая культура обработки камня, выражающаяся в соответствующих приемах вторичной модификации заготовки;
 - наличие орудийных типов, отсутствующих в более поздние периоды каменного века региона;
 - присутствие «синхронных» Давыдовке-1 стационарных поселений (прежде всего Усть-Машинка-3 и Воронеж-5), индустриальный набор которых имеет выразительный леваллуазский характер и базируется на использовании давыдовского роговика как основного сырьевого ресурса;
 - прекращение использования роговика в технике утилизации каменного минерального сырья в верхнем палеолите региона и в более поздние периоды (отмечается использование более монолитных пород, прежде всего яшм, кремнистых сланцев, кремня, микрокварцита и т.п.);
 - исчезновение в более поздние периоды основных типов изделий, присутствующих в индустрии Давыдовки-1;
- для 8, 7, 6 культурных слоев стоянки Ушлеп-6:
 - призматический характер техники первичного расщепления упомянутых слоев по большей части является видимостью. Значительная часть мелких пластин не может быть специализированными заготовками для орудий, так как имеет изогнуто-винтовой профиль, разноориентированные (хотя внешне параллельные) фасетки предыдущих сколов, нефункциональную небольшую и неровную толщину и т.п. (перечисленное характерно и для значительной части пластин Давыдовки-1). По-видимому, данная категория артефактов представляет собой отходы вторичной обработки орудий с рабочим краем высокой формы и бифасов;

- достаточно низкая технологическая культура первичной и вторичной обработки, соответствующая мустьерским традициям;
- присутствие выразительных изделий на леваллуазских пластинчатых и острыйных заготовках, архаичных изделий, в том числе ручных рубящих бифасов, общий технологический облик отщепов и сколов, имеющих значительную массивность (14,9% сколов составляют леваллуазские типы);
- принадлежность по основным параметрам пятому культурному слою началу верхнепалеолитического времени (техника расщепления, морфология и размеры пластин крупных размеров, облик и параметры скребел, скребков и т.п.).

Подводя итоги проведенным исследованиям, можно констатировать достаточно значительную изученность мустьерской эпохи Алтая. Исследование новосибирскими археологами ряда стратифицированных памятников Горного Алтая позволило на основании анализа индустриальных комплексов выделить несколько вариантов мустьерской культуры (Шуньков М.В., 2001).

Кара-бомовский вариант. Стоянки Кара-Бом, Усть-Каракол-1, Усть-Канская и Страшная пещеры. Комплекс имеет хорошо выраженные леваллуазские традиции в технике первичного расщепления, высокую долю пластинчатого скола и орудий, выполненных на пластинах и леваллуазских заготовках. Собственно мустьерские формы в типонаборе занимают подчиненное положение.

Денисовский вариант. Стоянка Тюмечин-1, пещеры Окладникова и Денисова. В индустрии комплекса наряду с выразительной леваллуазской техникой первичного расщепления представлена мустьерская. Высока доля зубчато-выемчатых форм. Ведущей категорией инвентаря являются различные модификации скребел, включая «шарантские», диагональные и угловые формы.

Тюмечинский вариант. Стоянка Тюмечин-2. Для комплекса индустрии характерно монофронтальное радиальное расщепление и двустороннее обкалывание галек. Техника леваллуа в первичном расщеплении отсутствует. В орудийном наборе преобладают зубчатые, выемчатые и клювовидные формы на атипичных сколах укороченных пропорций, присутствуют чоппинги. М.В. Шуньков характеризует этот вариант мустье как «зубчатое с отчетливым компонентом двустороннеобработанных галечных орудий» (Шуньков М.В., 2001, с. 36).

Ануйский вариант. Стоянки Ануй-3, Усть-Каракол-1. Комплекс, основанный на использовании леваллуазской техники с незначительным удельным весом мустьерской и присутствием типологически выраженной серии листовидных бифасов.

Выделение вариантов, по мнению М.В. Шунькова, не свидетельствует о их связи с «обособленными группами древнего населения, носителями самостоятельных культурных традиций. На современном уровне исследования можно предполагать, что дифференциация каменных индустрий проходила в рамках единой мустьерской культуры» (Шуньков М.В., 2001, с. 36). Датировка существования этой культуры определена в пределах от 100 тыс. до 44–33 тыс. лет назад.

Все особенности выделенных вариантов документируют соотношение леваллуазских и мустьерских традиций утилизации сырья и наличие бифасиальной техники обработки камня. Вместе с тем причины, приведшие к существованию различных технологических вариантов мустьерской культуры на ограниченных территориях (зачастую в зоне прямой видимости) и в относительно синхронный промежуток времени, пока остаются невыясненными.

Мустьерские комплексы Предалтая не являются столь многочисленными и показательными, как Горного Алтая, но тем не менее определенные выводы о их специфике сделать можно. Прежде всего следует отметить достаточно большую долю леваллуазской техники расщепления и орудийный набор, связанный с этим способом утилизации сырья. При этом наличие или отсутствие пригодного для обработки камня не играет довлеющей роли, как и в Горном Алтае. Мустьерские технологии и стратегии расщепления играют явно меньшую роль и применяются в случае отсутствия качественного камня. На стоянке Машинка-2 документирован переход от одной стратегии к другой, фиксирующийся на отдельных артефактах. До определенного момента изделия, представленные крупными нуклеусами, раскалывались как радиальные однофронтальные, а позднее мастером камнеобработки оформлялась поперечная фасетированная площадка и нуклеус расщеплялся как леваллуазский для треугольных сколов. Подобное использование различных технологий в более поздний период времени применялось и на верхнепалеолитических комплексах, составляя их «сибирскую» специфику. Кроме этого, следует отметить достаточно развитую технику получения пластин и их использование для оформления

орудийного набора. Характеризуя это направление технологической культуры, необходимо отметить то, что далеко не все пластины получались преднамеренно. В мустьерских комплексах с присутствием бифасов различного вида и оформления «пластиноподобные» отщепы являлись отходами производства и в дальнейшем или не использовались в работе, или использовались очень ограниченно. Дело в том, что получавшиеся псевдопластины имели слишком незначительную толщину и сильноизогнутый «винтообразный» профиль, соответствующий углу наклона фасовых плоскостей двустороннеобработанного орудия. По нашим наблюдениям, при изготовлении одного бифаса мастер скалывал до 30–50 пластинчатых отщепов, добиваясь гладкости поверхности орудия. Подобные отщепы, хотя в значительно меньшем количестве, получались и при оформлении рабочей кромки орудий высокой формы. Поскольку для изготовления бифасов и скорняжных изделий в мустьерскую эпоху Предалтая использовалось слабосцементированное сырье, получившиеся псевдопластины имели большую хрупкость на излом и, как правило, человеком не использовались. Вместе с тем они составляют достаточно большие серии в типологических реестрах, создавая впечатление высокой пластинчатости индустрии. Собственно, на нынешнем уровне изученности мустьерских комплексов мы не можем достаточно уверенно разделить пластинчатые снятия на отщепы и заготовки, особенно в комплексах, базирующихся на использовании качественного сырья. Наличие «правильных» пластин с признаками леваллуазской техники расщепления и соответствующей обработки кромок указывает на то, что палеантропы разделяли пластины-отщепы и пластины-сколы, предпочитая для орудийной деятельности именно последние.

Косвенные и прямые свидетельства изготовления и широкого использования бифасов документированы во всех представительных среднепалеолитических памятниках и культурных слоях Предалтая. По этим показателям среднепалеолитические комплексы ближе всего «ануйскому» варианту мустье Горного Алтая. Однако есть ряд показателей, позволяющих подчеркнуть особенности этих комплексов.

1. Для мустьерских материалов Рудного Алтая характерно очень широкое использование палеантропами в различных видах хозяйственной деятельности обушковых форм и техники цитрон,

представленной достаточно показательными ядрищами в различных стадиях утилизации и широким спектром орудийного набора.

2. Для немногочисленных и пока слабоизученных комплексов Предалтайской долины отмечено широкое применение архаичных галечных технологий изготовления крупных рубящих и скоряжных инструментов – чопперов, чоппингов, скребел и стругов в различных вариантах.

3. Для мустьерских комплексов Горной Шории отмечается высокая доля так называемых верхнепалеолитических форм, отличающихся при этом грубостью обработки, характерной для мустьерской технологической культуры. Прежде всего это скребки высокой формы и подпризматические пластины, которые скалывались с нуклеусов, вызывающих явные верхнепалеолитические ассоциации. Нуклеусы имеют признаки торцового и подпризматического скалывания и относительно небольшие размеры. На наш взгляд, это следствие особенностей сырьевого субстрата – фтанитового и микрокварцитового третичного галечника с высокой внутренней трещиноватостью. Этот факт препятствовал получению классических леваллуазских пластин, так как заготовки разрушались в процессе их скалывания с фронта. С каждой сырьевой отдельности путем ее обивки можно было получать только небольшие по объему монолитные фрагменты, пригодные для оформления нуклеуса для пластины. Традиционная технология леваллуазского расщепления ничем мастерам камнеобработки помочь не могла, поэтому и возникли техники, заимствованные из схемы обработки плоскостей бифасов. Более всего эти атипичные мустьерские микроядрища напоминают нуклеусы-скребки карене. Полученные с них пластины хотя и отличались мелкими размерами, однако непропорционально массивны и достаточно коротки.

Таким образом в мустьерских комплексах Предалтая можно выделить как минимум три технологических варианта, отличающихся специфическими индустриальными традициями, которые, соответственно, можно предварительно именовать *«давидовским»*, *«одинцовским»* и *«солтонским»*.

4.2. Ранний верхний палеолит

Проблема «ориньякоидных» индустрий ранней поры верхнего палеолита впервые возникла при исследовании культурных го-

ризонтов (уровней обитания) стоянки Кара-Бом (Окладников А.П., 1983) и Кара-Тенеш (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1980; Погожева А.П., Молодин В.И., 1980). Довольно продолжительный период времени в долине средней Катуня и в Предалтае комплексы индустрий, подобных карабумовским, исследователи не фиксировали. В 1992 г. была опубликована статья, посвященная стоянке Тыткескеню-8 (Кунгуров А.Л., 1992), материал которой не вписывался в верхнепалеолитические индустрии региона по ряду параметров:

- крупные размеры призматических пластин;
- выразительные пережитки леваллуазской техники расщепления камня;
- наличие скребков высокой формы с ретушью по периметру и концевых на пластинах;
- присутствие бифасов и орудий с бифасиально оформленными рабочими кромками.

Перечисленные морфологические признаки отвечали особенностям «переходной» карабумовской индустрии. Предложенная датировка комплекса поддержана и другими исследователями (Маркин С.В., 1996). Аналогичный Тыткескеню-8 индустриальный набор продемонстрировала стоянка Куташ, обнаруженная в 1996 г. В.В. Бессоновым в 11 км юго-восточнее с. Кызыл-Озек (Елин В.Н., Кунгуров А.Л., 1998). При изучении ее материалов, хотя и малочисленных, но достаточно выразительных, исследователи обратили внимание на сходство индустрий Тыткескеню-8 и Куташа с опубликованной в 1978 г. стоянкой Каратурук (Кадиков Б.Х., Лапшин Б.И., 1978), расположенной в 10 км выше устья Узнези на правом берегу Катуня. Коллекция с Каратурука, хранящаяся в БКМ, и опубликованные Б.И. Лапшиным и Б.Х. Кадиковым материалы подтверждают это сходство.

При датировке стоянки Каратурук Б.И. Лапшин опирался на традиционно поздние даты памятников Усть-Куюм, Урожайная, Майма, указывая на их большое сходство: «В известной степени он (Каратурук. – *А.К., А.Ц.*) сближается с материалами Усть-Куюмской и Майминской стоянок, для которых характерна тенденция изготовления орудий на пластинах и отщепах и общая миниатюризация форм при почти полном отсутствии галечных орудий, крупных скребел и острий в отличие от «макролитической» культуры стоянок Сростки и Урожайная, где преобладает галечное направление в технике изготовления орудий... Таким образом, мы приходим

к выводу, что стоянка Каратурук несколько древнее памятников типа Усть-Куюм и Майма, но моложе поселений типа Сростки и Урожайная» (Кадиков Б.Х., Лапшин Б.И., 1978, с. 10). Для уровня изученности верхнего палеолита конца 1970-х гг. этот вывод казался достаточно достоверным и Каратурук вошел в историографию палеолита как поздний микролитический памятник. А.Л. Кунгуров, обобщая верхнепалеолитические индустрии средней и нижней Катуни, также приложил руку к утверждению этой датировки (1988; 1991; 1993). Традиционность в интерпретации Каратурука заслонила даже тот факт, что изучение Усть-Куюма показало наличие на памятнике нескольких культурных слоев, в том числе микролитические эпохи мезолита, неолита и энеолита. Сам палеолитический слой содержит выразительную галечную индустрию (чопперы, чоппинги, радиальные нуклеусы, струги и т.п.), сочетающуюся с призматической техникой расщепления и многочисленной индустрией скребел. Как раз та часть индустриального ансамбля, которая, по мнению Б.И. Лапшина, на Усть-Куюме характеризуется «почти полным отсутствием». Интересно то, что параметры пластин верхнепалеолитического слоя Усть-Куюма (так же, как Урожайной, Маймы и Сросток) разительно отличаются от «каратурукских», которые гораздо крупнее, архаичнее и сохраняют выразительные леваллуазские рудименты (фасетированность площадки, массивность), что отметил и Борис Иванович (Кадиков Б.Х., Лапшин Б.И., 1978, с. 9). Нехарактерны для верхнего палеолита Катуни и некоторые другие элементы индустрии Каратурука: леваллуазские одноплощадочные, однофронтальные нуклеусы с переходом расщепления на латераль; призматические ядрища крупных размеров; скребки высокой формы с ретушью по периметру, концевые на пластинах, карене, обушковые ножи, остроконечники и т.п. Зато именно эти типы составляют особенность «ориньякоидных» ранневерхнепалеолитических индустрий Горного Алтая. На наш взгляд, каратурукский комплекс практически полностью аналогичен Тыткескению-8, Куташу и материалам стоянки Кара-Тенеш, располагающейся также в правобережье Катуни, но гораздо выше по течению (Елин В.Н., Кунгуров А.Л., 1998).

К началу верхнего палеолита можно отнести и индустрию пятого культурного слоя стоянки Ушлѐп-6 (Горная Шория) (Кунгуров А.Л., 1998), вскрытого на площади 108,5 кв. м. Слой залегает в восьмом литологическом горизонте пачки рыхлых отложений мыса

(желтовато-серый легкий суглинок с илистыми линзами) на глубине 2,8–3 м. Индустрия представлена 1178 артефактами выразительного ранневерхнепалеолитического облика (Кунгуров А.Л., 1998, с. 122–123). Присутствуют крупные широкие пластины, изделия высоких форм, разнообразные скребла, бифасы, а также значительная доля изделий с рудиментами леваллуазского расщепления. Важным наблюдением следует считать сходство индустриального комплекса с нижележащим мустьерским, как и на опорном памятнике Горного Алтая – Кара-Бом (Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М., 1998). Этот факт важен для изучения раннего верхнего палеолита региона с точки зрения включения Алтая в зону становления *Homo Sapiens*. Существует также преемственность пятого культурного и вышележащего четвертого культурного слоев, представляющих традицию расцвета верхнего палеолита.

Интересные комплексы интерпретированы в конце 1990 – начале 2000-х гг. как ранневерхнепалеолитические в Рудном Алтае. Прежде всего это стоянки на правом берегу Алая в начале Гилевского водохранилища около с. Староалейского (Кунгуров А.Л., Ситников С.М., 1998; Кунгуров А.Л., 2002). Несмотря на иное сырье (роговики и яшмы) и достаточную удаленность от уже упомянутых объектов, индустрии стоянок Гилевское водохранилище-2–6 (ГВ-2–6) имеют с горноалтайскими, катунскими и горношорскими много общего – крупные широкие пластины, скребки высоких форм, бифасы и т.п. Также сильны в этих индустриальных ансамблях леваллуазские и мустьерские пережитки. Отдельные артефакты, прежде всего крупные пластины с остатками фасетированных ударных площадок, со стоянок Рудного Алтая также вызывают «кара-бомовским» ассоциации – стоянки Усть-Машинка-1 и 2, Усть-Березовка-8, памятники р. Гольцовки (Кунгуров А.Л., 2000; 2001). Косвенное свидетельство глубокой древности в рамках верхнего палеолита – патинизация поверхности изделий (химическое выветривание), изготовленных из роговиков и яшм.

4.3. Расцвет верхнепалеолитического времени

Памятники расцвета верхнепалеолитического времени длительное время не были известны и изучены ни в Горном Алтае, ни в прилегающих регионах юга Западной Сибири. В Горном Алтае этот комплекс впервые был обобщен в кандидатской диссертации

А.В. Постнова на основании изучения индустриальных традиций и состава 6–12 культурных горизонтов многослойной стоянки Ануй-2 и 5 слоя Усть-Каракола-1 (Постнов А.В., 1998) и дополнительно исследованы А.А. Анойкиным (2000). Эти комплексы, датированные возрастом в 27–23 тыс. л.н., характеризуются традиционными для верхнего палеолита индустриальными ансамблями призматической направленности, присутствием скребков высокой формы, скребел и т.п. Исследователи отмечают высокий процент микроинвентаря и тщательность вторичной обработки.

Наиболее ранней находкой этого времени в Предалтае является стоянка на левобережье Среднего Чарыша Улус-Тараба, открытая и частично исследованная Э.М. Медниковой в конце 1960-х – начале 1970-х гг. (коллекция БКМ, инв. №13012). Материал (40 артефактов, зуб бизона, фрагмент локтевой кости лошади и несколько десятков неопределимых остатков) не очень выразителен, но для основных верхнепалеолитических комплексов Алтая, известных в 1970–1990-х гг., совершенно не характерен. Особенно сочетание призматических мелких пластин, рубящего орудия, изготовленного из радиального двустороннего ядрища, концевого скребка на пластине и скребка высокой формы с ретушью по периметру (Кунгуров А.Л., 1993). Уже тогда было высказано предположение о довольно раннем, в рамках верхнего палеолита, возрасте памятников. В 1994–1995 гг. на стоянке Ушлѐп-6 был вскрыт третий культурный слой, залегающий в слое легкой желтовато-серой лёссовидной супеси на глубине 1,6–1,9 м. На площади 148 кв. м собрано 650 каменных артефактов, вкладышное изделие из ребра бизона, нож с заточенным режущим краем и антропоморфная скульптурка из бивня мамонта (Кунгуров А.Л., 1996; 2000). Также зафиксировано пять наземных сильно размытых очагов и несколько плотных скоплений колотого кремня. Ожидалось, что этот слой будет сходен со вторым культурным слоем позднесартанского времени и это позволит проследить этапы развития ушлѐпской культуры (Кунгуров А.Л., 1992; 1993; 1995). Однако со вторым культурным слоем оказался больше схож четвертый слой, залегающий ниже. На фоне остальных верхнепалеолитических горизонтов третий культурный слой выделился по ряду признаков:

– техника первичного расщепления основана на подпризматических, призматических нуклеусах, нуклеусах-скребках типа карене и радиальных ядрищах;

- значительную долю обработанных пластин составляют изделия с противоположащими выемками;
- абсолютно преобладают разнообразные скребки высоких форм при отсутствии скребел;
- использование бивня мамонта, костяных изделий и охры (встречены заполированные куски охры и гематита).

Аналогии индустрии (вкуне с упоминавшейся ранее Улус-Тарабой) позволили предложить наименование «мальтинский» культурный слой. В появлении этого предположения сыграла основную роль непохожесть облика индустрии на другие верхнепалеолитические ансамбли Алтая и высокое сходство с памятниками средней поры верхнего палеолита (Ачинская, Шестаково, памятники мальтинской культуры). Вместе с тем материал для аналитической работы представляет непохожесть третьего культурного слоя на более древний четвертый культурный слой (глубина залегания 2,1–2,6 м), вскрытый на такой же площади. Дело в том, что несомненное сходство в технике первичного расщепления, в орудийном наборе и вторичной обработке наблюдается в пятом, четвертом и втором культурных слоях. При этом второй культурный слой явно обогащен некоторыми инновациями мальтинского комплекса – ретушные выемки на пластинах, обработка торца пластин, специфика многоплощадочного многофронтального разнофасового расщепления и т.п. Именно эти элементы послужили А.Л. Кунгурову основой для выделения ушлѣпской культуры. Таким образом, в 1993–1996 гг. появился новый комплекс индустрии средней поры верхнего палеолита Предалтая, ориентировочно датирующийся временем 20–25 тыс. лет. Дальнейшее исследование верхнепалеолитических памятников позволило выявить ряд других комплексов – Точка-2, Кривоногий, Усть-Каралька.

Точка-2 (левобережье Верхнего Чумыша) приурочена к водораздельному хребту Чумыша – Шалапа (высота около 150 м). Культурный слой обнаружен случайно при контрольном прокапывании dna быстрианской могилы на глубине около 2,5 м. К сожалению, новокузнецкие археологи не ожидали наличия культурного слоя, так как ориентировались на изучение погребения. Поэтому древесный уголь, прокал, кости животных и каменные изделия не были зафиксированы и описаны. Тем не менее Точка-2 – один из самых перспективных для исследования памятников. Кривоногий – ме-

стонахождение, спроецированное на аллювий Чумыша в Ельцовском районе, обнаруженное М.М. Маркиным в 1998 г. Выше по течению Чумыша находок на галечных отмелях не встречено. Подтверждает единство индустрии то, что некоторые артефакты апплицируются и, следовательно, не могли переместиться откуда-то издалека. Облик индустрии, хотя и немногочисленный, вполне соответствует типонабору средней поры верхнего палеолита восточных районов Алтайского края (Маркин М.М., 2001).

Существенно иной характер мы видим при анализе индустрии стоянки Усть-Каралка на р. Чепош (правобережье Средней Катунь) (Кунгуров А.Л., Шульга П.И., 1999). Прежде всего выделяет этот комплекс то, что он демонстрирует выразительную технику изготовления дулезвийных и обушковых бифасов, сочетающихся с развитой индустрией призматического расщепления.

Подобное разнообразие камнеобработки, появление технологических инноваций и наложение их на существующие традиции показывает сложность этнокультурных процессов в эпоху расцвета верхнего палеолита, которые еще далеки от однозначного решения.

4.4. Поздний палеолит Алтая

Изучение этого палеолитического периода имеет наиболее продолжительную историю. Предположения М.Д. Копытова о «делювиальном периоде каменного века», конечно же, нельзя рассматривать как серьезную научную гипотезу. Скорее всего, эта попытка обобщить накопленный материал и привлечь для его исследования специалистов. Отчасти Михаилу Диановичу удалось это сделать, хотя известный исследователь того времени Н.К. Ауэрбах скептически отнесся к коллекциям из Бийска. Как уже неоднократно указывалось в публикациях, посвященных истории изучения палеолита региона, окончательное подтверждение древнему возрасту находок М.Д. Копытова сделал Г.П. Сосновский (Ларичев В.Е., 1972; Лапшин Б.И., 1982; Шуньков М.В., 1987; Кунгуров А.Л., 1995). Анализируя каменную индустрию Сросткинской стоянки, Г.П. Сосновский отметил характерные, на его взгляд, особенности алтайского палеолита:

– грубость сырья;

- сочетание скребел и рубящих орудий мустьерского облика, тонких призматических пластинок, мелких скребочков;
- совершенная техника вторичной обработки, характерная для позднего раздела палеолита;
- присутствие орудийных форм, типичных для сибирского верхнего палеолита;
- «все орудия имеют одностороннюю обработку, приближаясь к формам енисейского палеолита (Сосновский Г.П., 1937, с. 154).

Исследователь включил палеолитические памятники, обнаруженные около г. Бийска в группу позднепалеолитических стоянок вместе с Томской стоянкой и памятниками Енисея. Этот вывод практически без значительной корректировки просуществовал до середины 1980-х гг. и отражен в обобщающем томе серии «Археология СССР» «Палеолит СССР». З.А. Абрамова соотнесла Сростки с позднесартанскими памятниками Николаевкой-II, Кокорево-III и Верхоленской горой, датирующимися промежутком времени 12–13 тыс. лет. Следует отметить также заключение, касающееся палеолита Алтая, из указанного тематического тома: «...на Алтае не известны пока памятники, занимающие промежуточное положение по времени между Усть-Канской и Сростками. Здесь широко развиты памятники именно конца позднего палеолита, одновременные Сросткам или моложе их» (Палеолит СССР, 1984, с. 321). Эта цитата свидетельствует о традиционности взглядов на палеолит юга Западной Сибири, не изменившихся со времени работы Г.П. Сосновского. К моменту подготовки раздела З.А. Абрамовой (судя по датам цитируемых работ) уже вышли из печати статьи Б.И. Лапшина, Б.Х. Кадикова (1978), А.П. Окладникова и других исследователей, в которых опубликованы материалы десятков новых стоянок и выводы об их датировке (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983; Кунгуров А.Л., 1984; Лапшин Б.И., 1982; Окладников А.П., 1966; 1968; 1983 и др.).

Как продолжение исследований Г.П. Сосновского можно рассматривать и предложение выделить в предгорьях Алтая сросткинскую позднепалеолитическую культуру (Абрамова З.А., 1989). Это предложение следует рассматривать как недоразумение, ибо на основании исследования курганов Сросткинского могильника еще в 1950-х гг. была обоснована и выделена сросткинская культура эпо-

хи средневековья. Материалам археологических памятников Алтая «везет» на двойные названия культур, достаточно вспомнить верхнеобскую культуру эпохи неолита, выделенную В.И. Матющенко (1973) и верхнеобскую культуру раннего средневековья, выделенную М.П. Грязновым (1956). Видимо, это связано с разными научными интересами ученых, слабо знакомых с работами по другим периодам, и наличием в Верхнем Приобье комплексов стоянок, поселений и могильников, занимающих ограниченные территории. На той же горе Пикет у с. Сростки зафиксированы курганы эпохи средневековья и раннего железного века, палеолитическая стоянка и городище большереченской культуры VII–VI вв. до н.э. Культурный слой стоянки был открыт при изучении курганных погребений (Ларичев В.Е., 1972).

После работ 1930-х – начала 1940-х гг. наступил почти двадцатилетний перерыв в истории изучения позднего палеолита Предалтая, хотя, как уже указывалось ранее, накопление эмпирического материала продолжалось. В 1960-х гг. собранные коллекции позволили А.П. Окладникову высказать несколько гипотез о развитии верхнепалеолитических комплексов Предалтая и долины Катунь. Для выводов и умозаключений исследователь использовал материалы Бехтемирской и Урожайной стоянок, Усть-Семы и Усть-Куюма (Окладников А.П., 1966; 1967; 1968). Считая комплексы перечисленных памятников поздними, отражающими заключительные этапы палеолитического времени, А.П. Окладников обосновал существование на Алтае эпохи эппалеолита. По его мнению, для эппалеолитического индустриального комплекса было характерно сочетание развитой призматической техники расщепления камня и «макролитической» индустрии, прежде всего крупных скребел и галечных орудий. Особенно исследователь подчеркивал важность сочетания в материалах Усть-Семы древнейших в Сибири наконечников стрел и чопперов. По его мнению, подкрепленному анализом орудийного набора Куюмской палеолитической стоянки, этот факт свидетельствовал о существовании палеолитической (эппалеолитической) культуры в Горном Алтае вплоть до появления афанасьевских племен (Окладников А.П., Влыдыкин В.А., 1967).

По мнению А.П. Окладникова, традиция камнеобработки, возникшая в верхнем палеолите и представленная комплексом сто-

янки Сростки, существовала без особых изменений вплоть до III тыс. до н.э. Таким образом, А.П. Окладников «закрыл» проблему изучения и выделения мезолита и микролитических традиций в регионе на целых два десятилетия.

Во 2-й половине 1970-х – начале 1980-х гг. Б.И. Лапшин ввел в научный оборот часть верхнепалеолитических материалов Б.Х. Кадикова, прежде всего комплекс стоянки Майма, и выдвинул свою гипотезу развития позднего палеолита Алтая. Он полагал, что на Алтае развивались две традиции изготовления каменных орудий – микро- и макролитическая. Генезис микролитических традиций начинается с Каратурука, который представляет собой позднейший этап позднепалеолитической сросткинской культуры. Развитие традиций Каратурука наблюдается (с усилением микролитизации, но с сохранением макроформ) и в нижнем слое Маймы и 4-м горизонте Усть-Куюма, затем с дальнейшей микролитизацией и появлением мезолитических типов в верхнем слое Маймы и Усть-Куюме.

В начале 1980-х гг. проблемами позднего палеолита предгорий Алтая стал заниматься А.Л. Кунгуров. Итоги этого изучения подведены в кандидатской диссертации, защищенной в 1988 г., и десятках публикаций. Исследования показали неточность некоторых ранее опубликованных предположений А.П. Окладникова и Б.И. Лапшина.

1. Стоянка Усть-Сема, изучавшаяся Б.Х. Кадиковым в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и окончательно раскопанная в 1987 г., оказалась многослойным памятником. Там зафиксированы три основных культурных слоя, из которых палеолитическим оказался нижний. Кроме этого, присутствовали материалы раннего железного века и неолита. Верхний и средний культурные слои, давшие основную массу находок, представляют ярко выраженную микролитическую пластинчатую традицию (Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х., 1985; Кунгуров А.Л., 1997).

2. Стоянка Усть-Куюм, судя по раскопкам 1986–1990 гг., также является многослойной. Там зафиксированы комплексы верхнего палеолита, мезолита, неолита, энеолита, раннего бронзового века и эпохи железа. При этом мезолитический и неолитический культурные слои представлены десятками тысяч артефактов и насыщенными материалом жилищами-полуземлянками.

3. Материалы стоянки Урожайная, судя по индустриальному типонабору, синхронны Сросткам и составляют с этой стоянкой одну культурную группу.

4. Бехтемирская стоянка похоже древнее Сросток и Урожайной, так как там представлена мамонтовая фауна, не встречающаяся на позднепалеолитических памятниках.

Сравнение орудийного набора и техники первичного расщепления комплексов типа Усть-Куюма и типа Сросток показало существенные их отличия друг от друга (Кунгуров А.Л., 1988; 1991; 1993). При этом отличие кроется не только в типонаборе орудий, так как во многом он совпадает, а в технике первичного расщепления, распадающейся на два различных блока.

Первый блок можно назвать призматическим. Он представлен технологическим комплексом, ориентированным на получение призматической пластины (преформы, отбойники, посредники, ретушеры, клиновидные, торцовые и параллельные нуклеусы, орудия из пластин).

Второй блок первичного расщепления нацелен на изготовление скребел и рубящих орудий. В индустриальных комплексах типа Усть-Куюма, получивших наименование «*куюмская культура*», для оформления указанной группы орудий использовался набор приемов утилизации галечной техники: радиальные одно- и двустороннее ядрища, рабо, нуклеусы от ребра и т.п. Соответственно изготавливались и макроинструменты – различные чопперы, струги, режущие орудия и т.п.

Для стоянок типа Сросток, получивших наименование «*нижнекатунская культура*», принцип утилизации был принципиально иной. Заготовки для скорняжных изделий получались при помощи расщепления крупных плоскостных и «постлеваллуазских» ядрищ, рубящие и режущие инструменты представлены различными бифасами (топоры, рубила, сегментовидные ножи, долота). При этом сырьевой базой обеих культур являлся преимущественно катунский аллювий (Кунгуров А.Л., 1993; 1994). Добываемые на Катунь отдельности кремня (микроварциты баратальской свиты, фтаниты, кремнистые сланцы и т.п.) реализовывались в призматической стратегии первичного расщепления (первый технологический блок, соседствующей с выразительной галечной индустрией (Кунгуров А.Л., 1994; 1997; 1998).

Изучение комплексов стоянок Майма и Красная Гора позволило охарактеризовать заключительные этапы развития нижнекатунской культуры и вслед за Б.И. Лапшиным, но с несколько иных позиций выделить вызревающие мезолитические элементы (Кунгуров А.Л., 1991; 1993).

В начале 1990-х гг. изучение позднепалеолитических индустрий юго-западных отрогов Горной Шории, начатое в 1987 г. (Кунгуров А.Л., 1987), позволило выделить еще одну палеолитическую культуру, названную «*ушлѣнской*». Комплекс памятников, объединенных этой традицией, занимает участок Горной Шории и Салаира, граничащий с нижнекатунскими объектами. И первичное расщепление, и вторичная обработка сырья, и особенности орудийного набора горношорской индустрии отличаются существенным своеобразием (Кунгуров А.Л., 1993; 1994; 1996; 1998). Первичное расщепление базируется на утилизации местного галечника и, как и в культурах долины Катунь, распадается на микро- и макрорасщепления. Первый блок утилизации традиционно ориентирован на получение призматической пластины, а второй представлен широким разнообразием плоскостного многоплощадочного многофронтального расщепления субстрата. Подобной стратегии утилизации сырья в нижнекатунских и куюмских технологических комплексах не фиксируется. Кроме этого, существенно отличается орудийный набор, прежде всего изделия на пластинах. Значительная их часть имеет обработку поперечного облома и притупливание одного края. Как показали трасологические исследования, подобные орудия являются вкладышами наконечников гарпунного типа. На Катунь были распространены вкладышевые наконечники с прямым режущим краем (Кунгуров А.Л., 1997; Маркин М.М., 1998).

Определенное своеобразие индустриальных комплексов, связанное, скорее всего, с сырьевыми ресурсами, отмечено в позднепалеолитических стоянках Верхнего Причумышья (Кунгуров А.Л., 1995; Кунгуров А.Л., Маркин М.М., 1995; Маркин М.М., 2000), которые по характеру техники расщепления и орудийному набору входят в круг нижнекатунских памятников.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. исследования Алтайского государственного университета позволили охарактеризовать еще один регион распространения позднепалеолитических памятников – Рудный Алтай (Кунгуров А.Л., 2000; 2001; 2002), являющийся не только традици-

онной охотничьей территорией, но и важной сырьевой базой. Обилие высококачественного и легкодоступного сырья довольно рано привело к своеобразной «дополнительной специализации» обитавших в этом регионе племен на добыче и экспорте яшм, роговиков, порфиринов, лидитов и других кремнийсодержащих минералов, широко распространившихся в горно-предгорной зоне Северного Алтая. Кроме этого, плотное обследование Предалтайской равнины, Приобского плато и других орографических единиц Предалтая позволило наметить продвижение в лесостепь, не имеющую необходимой сырьевой базы, охотничьих групп позднепалеолитической эпохи (стоянки Мохнатушка-I, Соловьиная Лука, Кабанье и др.), что предоставило аналитический материал для реконструкции раннеродового присваивающего хозяйства и его региональных особенностей.

Несмотря на достаточно большое количество памятников и комплексов позднепалеолитического времени, известных в регионе, их интерпретация исследователями каменного века достаточно стандартна и традиционна, что, на наш взгляд, является существенной недоработкой. Причины этого явления можно суммировать в следующие положения:

1. Переориентация усилий археологов на разработку и публикацию новационных материалов мустьерского времени и ранневерхнепалеолитической эпохи, основанных на изучении многослойных памятников верхануйского археологического микрорайона. Всесторонний и многокомпонентный анализ индустрий памятников, содержащих выразительные комплексы ранне- и позднемустьерского времени, начала и расцвета верхнепалеолитической эпохи, позволил раскрыть совершенно неизвестные ранее лакуны в палеолитической картине Саяно-Алтая и Южной Сибири в целом. Это затмило необходимость изучения других этапов развития каменного века и привело к сложившейся ситуации, когда эволюция ярких и разнообразных традиций отмеченного периода сводится к невзрачной характеристике позднего палеолита по устоявшемуся с 1980-х гг. клише «южно-сибирской палеолитической области».

2. Все известные позднепалеолитические материалы исследователями рассматриваются как единый комплекс с обобщенными стандартными характеристиками, зачастую просто неверными и почерпнутыми из обобщающих публикаций З.А. Абрамовой (1975;

1984; 1989) и А.П. Окладникова (1966; 1967; 1974), которые базировались на ограниченном круге источников, в основном введенных в оборот еще Г.П. Сосновским (1936; 1937; 1940а; 1940б; 1940в; 1941). Поэтому все многообразие позднепалеолитических традиций Алтая сводится к перечислению особенностей Сросткинской стоянки и материалов из многослойных памятников:

«Памятники Алтая (Сростки, нижние слои Усть-Семы и Маймы, Урожайная, 4-й слой Усть-Куюма, Каратурук, сборы Чуйской котловины и т.д.) при всей вариабельности инвентаря (различные объемы скребел, скребков и других категорий артефактов) обладают целым рядом общих особенностей. Для них характерны техника параллельного скалывания с разнообразных площадочных ядрищ, скалывания микропластин с торцовых и клиновидных ядрищ, в том числе микрообразцов (Майма, Каратурук), реже радикальная и другие виды техники расщепления сырья. В коллекциях, как правило, преобладают отщепы, крупные пластины не столь многочисленны. Из орудий наиболее выделяются скребла, продольные выпуклые, иногда с частичной двусторонней отделкой (Сростки, Урожайная). Не менее выразительны разнообразные скребки из отщепов и пластин (округлые, овальные, концевые, нуклевидные микроформы)» (Маркин С.В., 1996, с. 49).

«Археологические коллекции анализируемых стоянок в общих чертах достаточно схожи. Основу их составляет сочетание позднепалеолитических элементов, определяющих облик финальнопалеолитических индустрий, с немногочисленными леваллуазскими и мустьерскими типами изделий, причем комбинации всех этих составляющих варьируют в очень широком диапазоне. Скорее всего, данные вариации являются не столько отражением локальных культурных особенностей древнего населения, сколько следствием влияния других факторов, например, спецификой сырьевой базы, или могут объясняться относительной малочисленностью классифицируемых артефактов» (Анойкин А.А., 2000, с. 21).

Подобные «интерпретационные этюды» сопровождают практически все обобщающие научные работы по палеолиту Алтая и все они сводятся к характеристике позднепалеолитического комплекса как единого, устойчивого, но с некоторыми вариантами в типонаборе индустрии. Несмотря на достаточно большое количество публикаций А.Л. Кунгурова, посвященных исследованным сто-

янкам второй половины верхнепалеолитического времени, обоснованию выделения различных культурных традиций и культур, вызвать дискуссию по проблемам интерпретации позднепалеолитических материалов Предалтая не удалось.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Изучение и анализ накопленного за период исследования палеолитических памятников материала позволили ученым достаточно убедительно его структурировать по традиционной для древнего каменного века схеме. При этом определено существование всех без исключения этапов и периодов развития: ранний палеолит, представляющий комплексы с галечными («соанскими») и ашельскими бифасиальными традициями; средний палеолит (раннее и позднее мустье), верхний палеолит (ранний, развитый, поздний и финальный). Разработана также хронология выделенных периодов и специфика эволюции орудийных комплексов, их традиции и инновации, источники и пути формирования. Следует также отметить характерную для отрасли гуманитарного знания, занимающейся реконструкцией древнейших периодов истории, смену и уточнение различных гипотез и представлений о заселении региона и адаптации раннего присваивающего хозяйства к изменениям климата четвертичной эпохи. В состоянии разработки и корректировки находятся периодизация и этнокультурная характеристика отдельных эпох и периодов, что свидетельствует об активности исследовательского процесса и росте интереса научной общественности к древнейшим этапам развития региона.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Составьте периодизационно-хронологическую таблицу, отражающую соотношение выделенных на Алтае разделов палеолита со схемами эволюции сибирского и европейского палеолита. Каковы причины наблюдаемого сходства и различия этих периодизаций?

2. Проанализируйте причины появления ошибочных гипотез и представлений о палеолитическом времени Алтая. Какова роль дискуссий в развитии палеолитоведения Алтая?

3. Суммируйте достижения и недостатки подходов новосибирского и барнаульского направлений археологических исследований к изучению палеолитических памятников. Определите возможные направления совместных исследований.

4. Кратко охарактеризуйте характер выделенных на Алтае палеолитических культурных традиций.

5. Каковы, на ваш взгляд, пути дальнейшего изучения палеолита Алтая?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Основная литература

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979а. 157 с.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979б. 200 с.

Абрамова З.А. Ранний палеолит Азиатской части СССР // Археология СССР. Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 135–160.

Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит мира: палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 145–243.

Алтайский край: Атлас. Москва; Барнаул: Гл. упр. геодез. и картограф. при Совмине СССР, 1978. Т. 1. 222 с.

Алтае-Саянская горная область. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. М: Наука, 1969. 416 с.

Анисюткин Н.К., Астахов С.Н. К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970. С.27–33.

Анойкин А.А. Поздний палеолит Северо-Западного Алтая (по материалам пещерных стоянок): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. 22 с.

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. 176 с.

Барышников Г.Я. Малолетко А.М. Археологические памятники Алтая глазами геологов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Ч. 1. 164 с.

Барышников Г.Я. Малолетко А.М. Археологические памятники Алтая глазами геологов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Ч. 2. 279 с.

Барышников Г.Я., Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семibra-тов В.П. Палеолит Горной Шории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 280 с.

Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Пещера Иульчак – новый археологический памятник на Алтае // Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С.3–15.

Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. М.: Наука, 1960. 218 с.

Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. Л.: Наука, 1984. 172 с.

Булыгин Ю.С., Кунгуров А.Л., Соболева Т.Н., Скубневский В.А. Хрестоматия по истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 2003. 304 с.

Васильев С.А. Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 64–82.

Васильев С.А. Некоторые итоги изучения палеолита Алтая и их значение для археологии древнекаменного века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1. С. 66–77.

Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 137–165.

Вистингаузен В.К. Идентификация «Чарышских костеносных пещер» и новые археологические находки из пещер среднего течения р. Чарыш // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 8–10.

Гайдук И.М. Итоги исследования палеолита Алтая за годы Советской власти // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. 1969. Вып. 10. С. 99–107.

Географические и инженерно-геологические условия Степного Алтая. Новосибирск: Недра, 1988. 96 с.

Горный Алтай // Томск: Изд-во ТГУ, 1971. 248 с.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. 1: Древний Алтай: Пособие для учителей. Барнаул: Позитив, 1997а. 160 с.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. 1: Древний Алтай: Пособие для учащихся. Барнаул: Позитив, 1997б. 300 с.

Деревянко А.П. Каменный век Северной, Восточной, Центральной Азии: (курс лекций) Новосибирск: Изд-во НГУ, 1975. 232 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №3. С. 70–103.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Археологические исследования пещеры Страшная // Алтаика. 1992. №1. С. 13–18.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. Горный Алтай. Новосибирск: Наука, 1987. 112 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолитические памятники бассейна р. Ануй (общий обзор) // Комплексные исследования палеолитических памятников бассейна р. Ануй. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1990. С. 5–30.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1992. 234 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саян // РА. 1998б. №4. С. 17–34.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Болиховская Н.С., Орлова Л.А. и др. Некоторые итоги комплексных исследований пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1999. Т. 5. С. 99–104.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 284 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Археология Малояломанской пещеры // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1989. С. 16–19.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Исследования многослойного палеолитического памятника открытого типа Кара-Бом // Алтаика. 1992. №1. С. 19–20.

Зенин А.Н. Предварительные результаты исследований в пещере Страшная // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 75–80.

Кадиков Б.Х., Лапшин Б.И. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 3–10.

Кирюшин Ю.Ф. Алтай в эпоху камня // История Алтая: Учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. Ч. 1. С. 7–16.

Кирюшин Ю.Ф. Алтай в эпоху камня // Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 9–13.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Новое верхнепалеолитическое местонахождение Ушлеп-1 на Алтае // Палеолит Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 34–36.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Географическое распространение сливных кварцевидных песчаников – сырья для изготовления орудий в эпоху неолита и бронзы // Древние горняки и металлурги. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 3–19.

Кунгуров А.Л. Новые памятники эпохи палеолита в Солтонской районе Алтайского края // Барнаулу – 250 лет. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980а. С. 53–56.

Кунгуров А.Л. К вопросу о датировке палеолитических местонахождений у с. Одицовка // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1984а. С. 20–25.

Кунгуров А.Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1992б. Вып. XV. С. 177–184.

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993г. 89 с.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994в. С. 43–58.

Кунгуров А.Л. Ушлепский палеолитический микрорайон // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1994г. С. 53–55.

Кунгуров А.Л. Научная деятельность М.Д. Копытова // Алтайский сборник. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1995а. Вып. XVI. С. 270–282.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Куюк-5 на Чумыше // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995б. Вып. 6, ч. II. С. 3–7.

Кунгуров А.Л. Каменный век Алтая // История Алтая: Учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995в. Т. 1. С. 7–9.

Кунгуров А.Л. Ранний (нижний) палеолит Алтая // История Алтая: Учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995г. Т. 1. С. 10–16.

Кунгуров А.Л. Поздний палеолит Алтая // История Алтая: Учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995д. Т. 1. С. 17–24.

Кунгуров А.Л. Мезолит Алтая // История Алтая: Учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995е. Т. 1. С. 25–28.

Кунгуров А.Л. Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. 8. С. 89–92.

Кунгуров А.Л. Итоги изучения многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. 9. С. 31–35.

Кунгуров А.Л. Мустьерская эпоха Рудного Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–92.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1: Палеолитические памятники. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 176 с.

Кунгуров А.Л. К вопросу о «горной» социальной группе палеантропов Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 19–21.

Кунгуров А.Л. История изучения каменного века Рудного Алтая // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 4–12.

Кунгуров А.Л. Итоги исследования палеолита в юго-западных районах Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, филология, философия и педагогика. 2004. №4 (44). С. 7–11.

Кунгуров А.Л. Костяные изделия палеолитического времени из стоянок и местонахождений северных предгорий Алтая // Теория и

практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 60–69.

Лапшин Б.И. История исследования алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 3–17.

Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у с. Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 9–21.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1972. Ч. 2. 413 с.

Лузгин Б.Н. Геологические доказательства местного происхождения каменного материала из археологических памятников Северо-Западного Алтая // Древние поселения Алтая Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 55–66.

Малолетко А.М. Палеогеография предальтайской части Западной Сибири в мезозое и кайнозое. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 229 с.

Малолетко А.М., Уткин Ю.В. Минералы кремнезема, кварцевые и халцедоновые породы как сырье для изготовления каменных орудий в древности: (археологический аспект) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 13–17.

Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. 350 с.

Оводов Н.Д. Промысловые млекопитающие палеолита Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988а. С. 31–34.

Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эппалеолите в азиатской части СССР: У истоков древних культур // МИА. М.: Наука, 1966. №126. С. 213–223.

Окладников А.П. Улалинка – древнейшее палеолитическое поселение Сибири // МИА. М.: Наука, 1972. №185. С. 7–19.

Окладников А.П. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 г.) // Палеолит Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 5–20.

Окладников А.П., Вльдыкин В.А. Древнее поселение на р. Куюме (Алтай) по раскопкам 1964–1965 гг. // Известия Лаборатории археологических исследований. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1967. Вып. 1. С. 66–79.

Окладников А.П., Оводов Н.Д. Новый памятник палеолита на Алтае с леваллуазской техникой обработки камня // Археология и краеведение Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1972. С. 3–6.

Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФиф СО АН, 1973. Ч. 2. С. 3–54.

Палеолит СССР // Археология СССР. М.: Наука, 1984. 384 с.

Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. 132 с.

Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. 256 с.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. Новосибирск: Наука, 1979. 104 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. 311 с.

Розен М.Ф. Древнейшие стоянки человека в пещерах Алтая // Природа. 1954. №2. С. 112–114.

Розен М.Ф. Библиография Алтая: географические, геологические и прочие исследования досоветского периода. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1992. 165 с.

Руденко С.И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // МИА. М.: Наука, 1960. №79. С. 104–125.

Хороших П.П. Пещеры Алтая // Природа. 1938. №4. С. 112–114.

Хотинский М.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 198 с.

Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 284 с.

Шуныков М.В. История изучения палеолита Алтая // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 9–32.

Дополнительная литература

Абрамова З.А. Археологические культуры в верхнем палеолите Сибири и южно-сибирская культурная область // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: ГПНТБ, 1975. С. 19–23.

Абрамова З.А. Рец. на сборник «Палеолит Сибири» // СА. 1986. №3. С. 266–269.

Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю. Об охоте и охотничьем промысле в позднем палеолите Восточной Сибири // КСИА. Каменный век. 1985. Вып. 181. С. 44–49.

Абрамова З.А., Матющенко В.И. Новые данные о Томской палеолитической стоянке // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 5. С. 16–23.

Адаменко О.М. К вопросу о геологическом возрасте южно-сибирского палеолита // Бюл. ком. по изуч. четверт. периода. 1966б. №31. С. 138–140.

Адаменко О.М. О геологическом возрасте залегания нижнепалеолитических орудий на р.Улалинке (г. Горно-Алтайск) // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970. С. 57–59.

Адаменко О.М. Мезозой и кайнозой степного Алтая. Новосибирск: Наука, 1974. 198 с.

Адаменко О.М., Гайдук И.М. О новых находках палеолита в предгорьях Алтая // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. 1967. Вып. 8. С. 24–28.

Алексеева Э.В., Малолетко А.М. Новый пещерный памятник палеолита на Алтае // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск: Изд-во КГУ, 1984. С. 64–66.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России: (очерки истории Змеиногорска). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 17–65.

Бадер О.Н., Кадиков Б.Х. Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом // СА. 1957. №3.

Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Геологические и геоморфологические условия формирования археологического памятника Тыткескень в среднем течении Катуня // Археологические исследования на Катуня. Новосибирск Изд-во ИАЭ СО РАН, 1990. С. 23–30.

Борисковский П.И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971. 176 с.

Бородаев В.Б. С.И. Руденко и Алтай // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1986. С. 3–9.

Бородаев В.Б. 170 лет со дня рождения французского путешественника, естествоиспытателя и археолога Гюстова Менье (1827–1862) // Страницы истории Алтая. 1997 г.: Календарь памятных дат. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1996. С. 18–21.

Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 73–92.

Васильевский Р.С. Основные этапы древнейшего освоения человеком Сибири // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1981. С. 38–39.

Васильевский Р.С. Леваллуазские традиции в каменных индустриях Северной Азии и Северной Америки // Поздеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983. С. 27–36.

Гайдук И.М. О возрасте стоянок древнего человека в Верхней и Средней Оби // Труды ТГУ. 1967. Т. 190. С. 76–85.

Гайдук И.М. Каменный век бассейна верхней и средней Оби (палеолит, неолит): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968. 19 с.

Гончаров А.В., Кунгуров А.Л. Археологические исследования в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. 1. С. 327–330.

Грушин С.П., Кунгуров А.Л. Археологическое обследование долины р. Каменка (Рудный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. Т. XI. Ч. 1. С. 41–44.

Грушин С.П., Кунгуров А.Л. Результаты археологической разведки 2005 года в Рудном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2006. С. 14–32.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л. Случайные археологические находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 111–126.

Дашковский П.К., Кунгуров А.Л. Верхнечинетинский пещерный комплекс на р. Иня (Средний Чарыш) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 59–62.

Дашковский П.К., Кунгуров А.Л., Смирнова Л.А. Археологические находки в окрестностях с. Чинета (Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. Т. XI, ч. 1. С. 294–296.

Деревянко А.П., Васильевский Р.С., Молодин В.И., Маркин С.В. Исследование Денисовой пещеры. Описание плейстоценовых осадков. Слои 9–2. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1985. 249 с.

Деревянко А.П., Волков П.В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №2. С. 21–35.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №2. С. 33–51.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Динамика и характер эволюции пластинчатых индустрий памятника Кара-Бом // Социально-

экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 18–21.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. 279 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Рыбалко А.Г. Изучение плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 30–32.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №1. С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Результаты пятилетнего изучения раннепалеолитической стоянки Карамы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. Т. XI, ч. 1. С. 96–99.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С. Зыкин В.С., Зыкина В.С., Кулик Н.А., Ульянов В.А., Чиркин К.А. Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. 86 с.

Елин В.Н., Кунгуров А.Л. Палеолитическое местонахождение Куташ // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 13–15.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Проблемы каменного века р.Катунь // III годовая итоговая сессия Института АЭ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1995а. С. 61–63.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Неверов С.В. Древняя история Алтая // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1995. Ч. 1. С. 87–107.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Шпакова Е.Г. Местонахождение Соловьина Лука // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. Т. VI. С. 147–155.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 116 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Барнаул: Изд-во ТГУ, 1979. 182 с.

Комплексное исследование палеолитических объектов р. Ануй. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1990. 150 с.

Конопацкий А.К. Академик А.П. Окладников – исследователь древних культур Азии // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 3–9.

Крылова А.А., Павлюченко И.М. Орудия каменного века в Горном Алтае // КСИА. 1962. Вып. 2. С. 61–64.

Кубарев В.Д. Разведка на востоке Алтая // АО 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 212–213.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников средней Катуни // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 7–22.

Кунгуров А.Л. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СА АН, 1986. С. 66–69.

Кунгуров А.Л. Палеолит Солтона // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СА АН, 1987. С. 52–70.

Кунгуров А.Л. Палеолитические находки в верховьях Алея // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 33–42.

Кунгуров А.Л. Верхний палеолит предгорий Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 16–18.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Мохнатушка-1 // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. Вып. 1. С. 27–29.

Кунгуров А.Л. Позднепалеолитическая стоянка Красная Гора // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. Вып. 2. С. 80–82.

Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Средней Катуни // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 50–63.

Кунгуров А.Л. Новая стоянка эпохи палеолита на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1992. Вып. 3. С. 24–25.

Кунгуров А.Л. Культуры палеолита-мезолита Северного Алтая // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 22–24.

Кунгуров А.Л. К вопросу о восточной границе нижнекатунской палеолитической культуры // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 34–41.

Кунгуров А.Л. Мустьерские традиции в верхнепалеолитических индустриях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в

Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 31–33.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Усть-Куном // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 3–9, 188–192.

Кунгуров А.Л. Итоги изучения каменного века Алтая в Алтайском госуниверситете // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 22–27.

Кунгуров А.Л. Мальтинский культурный слой поселения Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. 7. С. 45–50.

Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема // Источники по истории республики Алтай. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1997. С. 37–59.

Кунгуров А.Л. Палеолитические памятники р. Тыткескень (Средняя Катунь) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 3–13.

Кунгуров А.Л. Пятый культурный слой палеолитического поселения Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. Т. VI. С. 119–124.

Кунгуров А.Л. Нижнеенисейская стоянка на р. Бия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1999. Т. V. С. 140–145.

Кунгуров А.Л. Бийская палеолитическая стоянка (по архивным материалам С.М. Сергеева) // Алтайский сборник. Барнаул: Алт. полигр. комб., 2000. Вып. XX. С. 246–252.

Кунгуров А.Л. Мезолит Алтая: миф или реальность? // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 165–166.

Кунгуров А.Л. Рец. на книгу Л.М. Тукмачева-Соболева «У истоков древнего Алтая» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 104–114.

Кунгуров А.Л. Археологические памятники и находки в Целинном районе // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 5–41.

Кунгуров А.Л., Грушин С.П. К археологической карте Третьяковского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 114–119.

Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 29–50.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолитические памятники Среднего Причумышья // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. 6, ч. II. С. 15–21.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. К вопросу о сборах на галечных отмелях рек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. 8. С. 93–96.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. К археологической карте юго-западных отрогов Горной Шории // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. 9. С. 39–41.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Каменные индустрии многослойного памятника Камешок-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 3–7.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолит Салаирского кряжа // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. Вып. IX. С. 3–18.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолит юго-западного и южного Присалаирья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 103–110.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолитическая стоянка Точка-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Вып. 13. С. 86–88.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П. Восьмой культурный слой многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 159–162.

Кунгуров А.Л., Ситников С.М. Палеолитические стоянки Гилевского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. 9. С. 42–46.

Кунгуров А.Л., Шмидт А.В. Новые памятники эпохи камня в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. Т. VII. С. 115–120.

Кунгуров А.Л., Шмидт А.В., Шульга П.И. Новый палеолитический микрорайон Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 73–85.

Кунгуров А.Л., Шульга П.И. Находки каменного века в устье р. Каралька (Средняя Катунь) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 13–24.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье р. Куюм // Материалы к изучению Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 3–22.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитические находки на поселении Майма-1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 25–26.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитическое жилище на поселении Усть-Куюм (по итогам раскопок 1989–1990 гг.) // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 9–13, 193–197.

Кулибин А. Известковые пещеры на берегу Чарыша // Горный журнал. 1831. Ч. 1. Кн. 3. С. 474–480.

Кулибин А. Описание известковых пещер по берегам Чарыша и Ханхары в Томской губернии // Горный журнал. 1833. Ч. 2. Кн. 6. С. 331–337.

Лапшин Б.И. Разведка в долинах рек Катунь и Бии // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 215.

Лапшин Б.И. Археологические находки в предгорьях Алтая // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 247–248.

Лапшин Б.И. Каменные орудия из района слияния Бии и Катунь // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 14–23.

Лапшин Б.И. Разведка в долинах рек Катунь и Бии // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 10–16.

Маринин А.М. Карстовые явления в бассейнах рек Камышлы и Сарасы // Вопросы геологии и геоморфологии Западной Сибири. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1966. С. 37–50.

Маринин А.М. Каталог карстовых пещер Алтая // Материалы по географии Алтайского края. Барнаул Алт. кн. изд-во, 1975. С. 24–36.

Маринин А.М. Карстово-пещерный комплекс Алтая. Проблемы изучения, информативность и вопросы охраны // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1987. С. 12.

Маркин М.М. Разведка в восточных предгорьях Алтая // АО 1995 года. М.: Наука, 1996. С. 346–347.

Маркин М.М. Новые материалы к археологической карте Тогульского района // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 42–50.

Маркин М.М. Позднепалеолитическая стоянка Школьная Гора-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 35–38.

Маркин М.М. Археологический комплекс второго культурного слоя многослойного памятника Ушлеп-6 // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 3–21.

Маркин М.М. Финальнопалеолитические индустрии Салаира и Солтонской впадины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 22 с.

Маркин М.М., Платонова С.Г. Поповинская Гора-1 – памятник эпохи камня Кивдинской гряды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 74–76.

Маркин С.В. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск: Наука, 1986. 186 с.

Маркин С.В. Многослойный археологический разрез Денисовой пещеры // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1987. С. 11–20.

Маркин С.В. Палеолитические находки в Горной Шории // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 42–55.

Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саянской горной области: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1996. С. 59.

Матющенко В.И. Новые палеолитические местонахождения в районе г. Бийска // Ученые записки Томского университета. 1966. №60.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 50–73.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Памятник с микролитическим инвентарем в Горном Алтае // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 3–18.

Нагайцев Я.С. Палеолитическая стоянка Долгая у с. Катково на р. Алей // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Ч. 2. С. 11–14.

Назаров И.И. Очерки по истории с. Бобково. Рубцовск; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 120 с.

Николаев С.В., Нохрина Т.И., Петрин В.Т., Усачева И.В. Бийкенский археологический микрорайон (правобережье средней Катунь) // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 36–38.

Окладников А.П. Страницы из жизни палеолитического мастера // Из истории Сибири и Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1968. С. 3–20.

Окладников А.П., Адаменко О.М. Первая находка леваллуа-мустьерской пластины в среднеплейстоценовых отложениях Сибири // Четвертичный период Сибири. М.: Наука, 1966. С. 373–382.

Окладников А.П., Абрамова З.А. Первоначальное освоение человеком Сибири и Дальнего Востока // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974. С. 184–189.

Петрин В.Т. О раннем появлении микропластинчатой техники на Алтае // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 32–35.

Петрин В.Т., Николаев С.В. и др. Памятник эпохи палеолита Кара-Тенеш (Кара-Тамыш) // Обзор результатов полевых и лабораторных исследований археологии и антропологии Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1995. С. 71–79.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Усачева И.В., Нохрина Т.И., Феденева И.Н. Исследование пещерного комплекса на р. Бийка (правобережье р. Катунь Горный Алтай) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1995. С. 80–85.

Петрин В.Т., Чевалков Л.М. О возникновении микролитической торцовой техники скальвания на примере палеолитической стоянки Кара-Бом // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке: Материалы междунар. симпозиума. Красноярск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1992. С. 206–209.

Постнов А.В. Поздний палеолит бассейна р. Ануй: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 19 с.

Постнов А.В., Кулик Н.А. Применение результатов петроглифического анализа к технико-типологической характеристике палеолитических индустрий стоянки Усть-Каракол-1 (Алтай) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. С. 189–192.

Рафиенко Л.С. Французская экспедиция 1861–1862 гг. на Алтай // Алтайский сборник. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 2000. Вып. XX. С. 241–245.

Рыбин Е.П. Начало верхнего палеолита на территории Южной Сибири (по материалам памятников карабатовского пласта): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 22 с.

Сергеев С.М. Позднепалеолитическая стоянка в окрестностях г. Бийска Алтайского края // Бюллетень Московского Общества испытателей природы. Новая серия. Т. 47: Отдел геологии. 1939. Т. 17 (16). С. 90–91.

Сергин В.Я. Раскопки в Сростках // АО 1986 года. М.: Наука, 1988. С. 249.

Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. М.; Л.: Наука, 1957. №54. 240 с.

Семибратов В.П. К вопросу о нахождении мустьерских памятников на низких террасах Катуня // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995б. Вып. VI. С. 20–29.

Сосновский Г.П. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Труды Сов. секции междунар. ассоциации по изучению четвертичного периода. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 37–41.

Сосновский Г.П. Палеолитические стоянки около г. Бийска // Труды Сов. секции междунар. ассоциации по изучению четвертичного периода. М.; Л., 1937. Вып. 3. С. 144–158.

Сосновский Г.П. Итоги изучения палеолита Алтая (1935 и 1936 гг.) // Бюл. ком. по изуч. четв. периода. 1940а. №6/7. С. 114–119.

Сосновский Г.П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК 1940б. № 7. С. 86–90.

Сосновский Г.П. Раскопки палеолитической стоянки в долине р. Катуня // СА. 1940в. №5. С. 297–298.

Сосновский Г.П. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Каткни // Палеолит и неолит СССР. МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1941. №2. С. 109–125.

Спаский Г.И. Письмо обер-бергмейстеру Лейбе к начальнику Колывано-Воскресенских заводов генерал-майору Порошину о найденных в берегу Алея мамонтовых костях // Горный журнал. 1833. Ч. 1. Кн. 4. С. 112–115.

Суразаков А.С., Чевалков Л.М. Новые находки эпохи камня в Горном Алтае // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ. 1983. С. 28–42.

Тишкин А.А., Ключкин Г.А. Тишинка – памятник эпохи палеолита в Рубцовском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 83–86.

Тишкина Т.В. Менье Мари Луи Гюстав // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 2000. С. 183–184.

Уваров В.Я. Археология России. Каменный период. М., 1881. 439 с.

Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1959. 252 с.

Чевалков Л.М. Проблемы изучения палеолита Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАИИИЯЛ, 1986. С. 3–12.

Чевалков Л.М. Ранняя пора позднего палеолита в Горном Алтае: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1996. 26 с.

Шиперович В.Я. Палеолитическая находка в Юго-Западном Алтае // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1960. №25. С. 101–102.

Шиперович В.Я. Каменное орудие из пос. Борцовка в Алтайском крае // СА. 1961. №2. С. 201–202.

Шуныков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая Новосибирск: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

Шуныков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. 60 с.

Шуныков М.В. Археология и палеогеография палеолита Северо-Западного Алтая: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2001. 54 с.

Шуныков М.В., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А. Костяные изделия позднего палеолита Денисовой пещеры (1992–1994 гг.) // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 32–34.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ** – Алтайский государственный краеведческий музей
АлтГУ (АГУ) – Алтайский государственный университет
АККМ – Алтайский краевой краеведческий музей
АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию Министерства культуры и кино Республики Алтай
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
БГПУ (БГПИ) – Барнаульский государственный педагогический университет (ранее – институт)
ГАНИИЯиЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГПНТБ – Государственная научно-техническая библиотека
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения севера Сибирского отделения РАН
ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КГУ – Красноярский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МГК – Малый Гоньбинский Кордон
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОмГУ – Омский государственный университет
РА – Российская археология
СА – Советская археология
ТГУ – Томский государственный университет

Учебное издание

А.Л. Кунгуров, А.Г. Цыро

**ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ**

Учебное пособие

Редактор: Н.Я. Тырышкина

Технический редактор: А.А. Тишкин

Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

Подписано в печать 7.12. 2006. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 8,5.
Тираж 100 экз. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru